Master Negative Storage Number

OCI00050.07

Inzartsev, N

Pan Radich, ili, Strashnyia nochi za

Moskva

1875

Reel: 50 Title: 7

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OC100050.07

Control Number: BGL-6284
OCLC Number : 24822124
Call Number : W 381.5917L In9
Author : Inzartsev, N.
Title : Pan Radich, ili, Strashnyia nochi za Dnieprom : roman v trekh chastiakh vziatyi iz narodnykh predanii / N. Inzartseva.
Imprint : Moskva : Izdanie D. I. Priesnova, 1875 (Moskva: Tip. T. Ris)
Format : 3 v. in 1 ; 18 cm.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/28/94
Camera Operator: CG

ПАНЪ РАДИЧЪ

или

СТРАШНЫЯ НОЧИ

ЗА ДНѢПРОМЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

взятый изъ народныхъ преданій.

Н. Инзарцева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. И. ПРѢСНОВА.

МОСКВА.

Типографія Т. Рисъ, на Садовой, у Яузской части, д. Медынцевой.

1875.

Дозволено цензурою. Москва, 9 октября 1874 года.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

Рукобитье. Панъ Радичъ. Вѣдьма-колдунья.

Пріятенъ мнѣ нашъ сельскій бытъ,
Напѣвы родины счастливой,
И сладко хоть на мигъ забыть
Столицы ропотъ говорливой!....

«Что-жъ притихли дорогіе гости?... Было, было весело, да вдругъ все замолкло. — Спойте-ка хоть вы, красныя дѣвицы, хорошенькую пѣсенку, а то у насъ, на рукобитномъ пиру, скучнѣе чѣмъ на поминкахъ!»

Такъ говорилъ почтенный, украшенный сѣдинами, Макаръ Антиповичъ, богатый заднѣпровскій откупщикъ своимъ гостямъ, которые собрались къ нему въ свѣтлые хоромы по случаю помолвки его дочери съ миловиднымъ Алексѣемъ, прикащикомъ виннаго за-

вода. Вся бесѣда состояла изъ нѣсколькихъ зажиточныхъ откупщиковъ и торгашей, пріятелей Макара Антиповича, которые сидѣли важно и чинно въ переднихъ мѣстахъ подъ образами, около жениха; а дородныя жены ихъ, увѣшанныя жемчугомъ, — по другой сторонѣ около невѣсты, милой и пригоженькой Маши, которой круглое личико было подобно полной лунѣ, проглянувшей въ это время изъ-за тучъ и привѣтствовавшей гостей въ широкія окна. Подлѣ сельскаго пономаря сидѣлъ отставной школьный учитель, Платонъ Платоновичъ Целеберимусъ, всенародный піитъ и ораторъ тамошняго края, извѣстный своими школьными кантатами и надгробными эпитафіями. Напротивъ него въ плетеныхъ креслахъ величественно вытягивалъ шею, какъ гусь, приписной подъячій, Кононъ Устиновичъ Щучкинъ, высидѣвшій въ разныхъ приказахъ 15 лѣтъ и за безкорыстное рѣшеніе дѣлъ уволенный отъ службы. Теперь въ сельскомъ уединеніи онъ исправлялъ знаменитую должность земскаго писца.

Въ боковой комнатѣ, за большимъ столомъ, молодыя дѣвушки, подруги невѣсты, торопились шить приданое и приправляли работу свою свадебными пѣснями.

Послѣ нѣкоторыхъ общихъ разговоровъ, въ свѣтлицѣ сдѣлалось тихо и какъ бы уныло. Женихъ съ невѣстой по обыкновенію сидѣли въ молчаніи, только изрѣдка поглядывали другъ на друга и жали потихоньку другъ другу руки; а, гости, казалось, были въ какомъ-то раздумьи,—но при громогласномъ воззваніи Макара Антиповича все мало по малу начало оживляться: дѣвушки запѣли веселую пѣсню *Гусли мои, гусельцы*; школьный учитель откашлянулся и какъ бы приготовился говорить; подъячій поправилъ галстукъ и вытянулъ правую ногу, а между женщинами поднялся шепотъ.

«На пиру, да на бесѣдѣ, любезный сватушка, никогда добрые люди не задумываются», прибавилъ Макаръ Антиповичъ, обращаясь къ толстому старику въ зеленомъ кафтанѣ, который,

нахмуря сѣдые брови свои, казался мрачнѣе всѣхъ.

«Не взыщи, дорогой сватъ», отвѣчалъ старикъ. «Такъ что-то въ голову думы взошли, да нынче ужъ и нехотя думается: пришли такія времена, что и на веселомъ пиру не весело!»

«Да, плохія времена, Борисъ Борисычъ!» прервалъ здоровый его сосѣдъ со вздохомъ. «Дай Богъ нашей матушкѣ императрицѣ, чтобъ у насъ на Руси все было тихо, было смирно, хоть за грѣхи и посѣтилъ Богъ моровой язвой; но все думали, какъ нибудь поправиться, а теперь, ужъ видно послѣдніе вѣки: развелось пропасть всякой вольницы, — ну чему тутъ быть доброму?... Только пронеси Господи грозную тучу надъ нами грѣшными!...»

«А что еще новаго слышно про разбойника Чернаго Ворона?» спросилъ малорослый пивоваръ. — «Гдѣ онъ теперь съ своей буйной сволочью?»

«Да ужъ говорятъ, неподалеку отъ нашей губерніи и врядъ ли минуетъ Кіевъ; а ватага его вишь все прибываетъ, да прибываетъ.... Да что и гово-

рить: мало ли у насъ всякой вольницы и головорѣзовъ, — всѣ къ проклятому такъ и липнутъ, какъ мухи къ меду».

«Да не долго поздраствуетъ», прервалъ подъячій.—«Пусть теперь побунтуетъ, а какъ накроютъ ихъ солдатскіе штыки, такъ запоютъ другимъ голосомъ. Ужъ посланы солдаты, чтобы вездѣ, гдѣ ни захватятъ, бить бунтовщиковъ, а если гдѣ можно — брать живьемъ. Законы же гласятъ: «возмутители повинны смерти!...»

«Истинная правда, Кононъ Устинычъ! истинная правда,—всѣмъ проклятымъ рано ли, поздно ли, петли не миновать. Да только то горе, что говорятъ, опять будутъ большіе наборы, какъ бы у меня не трое сыновей, такъ я бы и охъ не молвилъ: буди воля Божія!... А то, того гляди, которому нибудь лобъ забреютъ;— а всѣхъ троихъ равно жалко: все моя кровь!... Ужъ горче меня, кажись, никого нѣтъ на свѣтѣ!»

«Охъ, полно, Борисъ Борисычъ! не тебѣ одному горе», подхватилъ толстый сосѣдъ, «всѣмъ не разхлебать! Какъ ежели, не дай Господи, разбойникъ на-

хлынетъ на наше село, то что мы сдѣлаемъ? куда дѣнемся? — Вотъ меня таки Господь благословилъ: развелъ себѣ скотный дворикъ, теперь коровъ да овецъ до полусотни и другаго живья вдоволь; а какъ вздумаю, что все это достанется злодѣямъ, такъ свѣтъ Божій изъ глазъ и выкатывается!»

Пономарь, до сихъ поръ сидѣвшій въ молчаніи, наконецъ, вслушавшись въ разговоръ, обратился къ гостямъ. «Не сѣтуйте православные!» сказалъ онъ. «Господь испытуетъ людейсвоихъ; для чего жъ намъ прогнѣвлять его роптаніями. Предайтесь слѣпо во власть Божію и вспомните слова писанія: ни единъ власъ съ головы нашей, безъ воли Божіей не спадетъ!... А теперь, на что призваны, то и творите. На брачной вечери не сѣтуйте!...»

«И не печальте хозяина!» прервалъ Макаръ Антипычъ. — «Что будетъ, то будетъ: власть Господня!.. Въ третьемъ году и не такую бурю вынесли: кругомъ всѣ деревни повымерли, а мы по волѣ Господней живы остались; теперь

же начатое дѣло надобно кончить; еще успѣемъ нагореваться. Чтецъ Никодимъ правду говоритъ: на что призваны, то и творите. — Я призвалъ васъ, любезные, не горе горевать, а пиръ пировать. Начнемте-ка по чаркѣ церковнаго винца во славу Божію, такъ авось будетъ повеселѣе!»

«Охъ, ты проказникъ, развеселая голова! Посмотрѣлъ бы я, каковъ ты былъ во младости: тото я думаю разудалой».

При сихъ словахъ у Бориса Борисыча нахмуренное лице нѣсколько прояснилось, и на губахъ показалось нѣчто похожее на улыбку. Зазвенѣли чарки и начали ходить кругомъ гостей; при волшебномъ звукѣ ихъ и у школьнаго учителя, до сихъ поръ задумчиваго, на лицѣ показалась улыбка удовольствія.

«Для меня непонятно», сказалъ онъ, обратясь къ пономарю, «почему не имѣемъ мы такой твердости духа, какъ имѣли древніе Римляне, Спартанцы и даже наши праотцы, Русскіе. Справед-

ливо изреченіе: Mores hominum cum temporibus mutantur! *)

Пономарь, еще съ малолѣтства за неспособностію выключенный изъ Бурсы, хотя и не понялъ въ точности латинской фразы ученаго, но отвѣчалъ съ важностію: «это все происходитъ отъ упадка вѣры, Кононъ Устинычъ! отъ недостатка упаванія на благость Божію».

«Нѣтъ, я въ этомъ съ тобой не согласенъ. Древніе язычники еще не были озарены лучемъ истинной вѣры, но имѣли твердость духа; въ этомъ я даже могу спорить...»

«Полноте!... чѣмъ спорить, лучше выкушайте на здоровье!» И Макаръ Антипычъ стоялъ передъ ученымъ араторомъ съ большимъ подносомъ, уставленнымъ чарками.

Начали пить, а женихъ съ невѣстой безпрестанно цѣловаться для удовольствія гостей, чтобъ подслащивать, какъ говорится, вино, которое будто бы все горько. — Наконецъ все общество мало по малу оживилось, и у многихъ изъ

*) Со временами перемѣняются нравы людей.

гостей на лицѣ выступила краска, вѣрная предшественница веселаго расположенія духа и сопутница шумныхъ веселій.

Вдругъ двери отворились настежь, и быстро вошелъ въ свѣтлицу человѣкъ высокаго роста, богато одѣтый: на немъ было короткое польское полукафтанье изъ голубаго бархата, обложеннаго узкимъ серебрянымъ галуномъ; красный шелковый кушакъ опоясывалъ гибкій и стройный станъ; восточный кинжалъ съ рукояткой слоновой кости и сабля съ богатой рѣзьбой довершали уборъ его. По видимому онъ былъ не старѣе, какъ лѣтъ 25. По правильнымъ чертамъ лица, чернымъ блестящимъ глазамъ, цвѣту хотя смуглому, но живому, и большимъ чернымъ усамъ можно бы его назвать красавцемъ своего пола, еслибъ съ огнемъ быстрыхъ глазъ его не сливалась какая-то жесткость, какое-то злодѣйство....

Вошедши въ свѣтлицу, онъ пронзительнымъ взглядомъ окинулъ все общество. — Этотъ взглядъ внушалъ всѣмъ уваженіе вмѣстѣ съ страхомъ, и трудно

было угадать, что въ это время происходило въ душѣ его.

Макаръ Антипычъ, довольно уже знакомый съ нечаяннымъ гостемъ, при появленіи его казался обрадованнымъ; всѣ гости встали и съ почтеніемъ поклонились ему; но у Алексѣя лице вдругъ сдѣлалось блѣдно какъ полотно и потомъ покрылось яркимъ румянцемъ; Маша, напротивъ, была покойна, и никакая страсть не отражалась въ невинныхъ чертахъ ея.

«Запоздалъ, запоздалъ, дорогой гость; мы было поджидали пораньше», сказалъ Макаръ Антипычь, подавая гостю кубокъ краснаго вина. — «Милости прошу выпить за здоровье жениха и невѣсты, а у насъ ужъ пито да и перепито». Молодой человѣкъ взялъ кубокъ, поклонился на всѣ стороны, пробормоталъ невнятно жениху съ невѣстой какое то привѣтствіе и осушилъ кубокъ разомъ.

«Ну, теперь милости просимъ садиться да закусить, чѣмъ Богъ послалъ». — Тутъ школьный учитель съ почтеніемъ

уступилъ мѣсто молодому гостю, а самъ помѣстился на концѣ комнаты.

«Гдѣ изволилъ погуливать Панъ Радичъ? что видѣлъ новенькаго?» спросилъ Борисъ Борисовичъ гостя, поглаживая свою сѣдую бороду.

«Катался по Днѣпру съ рыбакомъ; время прекрасное, тихая погода, а къ тому жъ и полнолуніе; признаюсь, для меня никогда прогулка не была такъ пріятна, какъ сегодня».

«Да, и я съ молоду любилъ покататься; у насъ же сторона прекрасная; не разстанешься бывало въ лѣтнюю ночь, какъ возьмешь съ собой въ лодочку того, кто по сердцу, такъ всю ночь прокатаешься; ну, а нынче лѣта не тѣ: старость пришибла, будетъ того хоть порадуемся и на дѣтей, глядя на ихъ забавы».

«Да ужъ и времена-то не тѣ пришли», сказалъ толстый откупщикъ съ протяжнымъ болѣзненномъ вздохомъ; нынче и молодость не больно веселится; того и гляди, что нахлынетъ грозная туча.— Вотъ мы, батюшка, Станиславъ Михайлычъ, до вашего приходу все толко-

вали объ разбойникѣ-то, что не слыхать ли что нибудь еще про него, окаяннаго?»

«Ничего не слышно!» отвѣчалъ Панъ Радичъ, потягиваясь на стулѣ, «только говорятъ, что онъ воротился назадъ, услышавши что хотятъ ему сдѣлать встрѣчу съ свинцовымъ гостинцемъ.— А ужъ куда теперь будетъ путь держать, — неизвѣстно».

«Вишь окаянный! — Дай-то Господи, чтобъ его попотчивали добрымъ порядкомъ. — Шутка ли, вздумалъ какую потѣху: грабить да зажигать! Нѣтъ братъ, у нашей матушки императрицы силы много, и не этакому вахляю свернутъ шею. — А что, Станиславъ Михайлычъ, не видавалъ-ли ты гдѣ его, безбожника?»

«Какъ же, въ прошломъ году, пріѣхавши въ Россію, какъ былъ на Дону, два раза въ Черкаскѣ съ нимъ обѣдалъ; малый лихой, сорви-голова.

«Не похожъ-ли онъ, батюшка, лицемъ-то на Стеньку Разина? Вотъ тоже въ старинные годы Богъ послалъ на Россію разбойника. Говорятъ, былъ за Волгой, да какъ завелъ лады, не въ

осудъ вашей милости, съ вашей братьей —Поляками, такъ и захотѣлъ оставить православную вѣру; однако Богъ не попустилъ! — А говорятъ былъ такой страшный!

«Нѣтъ, этотъ не страшенъ, а только силенъ; коли захочетъ кого проучить, такъ на плечахъ головы не удержитъ!»—При сихъ словахъ страшно заблистали глаза Пана Радича.

«Говорятъ, что онъ, проклятый, даже и церквей Божьихъ не щадитъ, все грабитъ и расхищаетъ», примолвилъ пивоваръ съ боязливымъ видомъ.

«Да гдѣ ужъ ему щадить, безбожнику, коли заживо отдалъ душу сатанѣ! что ни говори, а это не съ проста.— Вѣрно злочестивому, прости Господи мое согрѣшеніе, самъ демонъ помогаетъ!»—При семъ словѣ Борисъ Борисычъ набожно перекрестился, и всѣ гости послѣдовали его примѣру.

«Не попусти Господи неистовому разорить вертоградъ, его же насадилъ еси!» сказалъ пономарь. «Надѣйтесь на Бога, православные! Онъ спасетъ насъ отъ нашествія врага лукаваго».

«Вѣрно, сломятъ шею окоянному; мое сердце чуетъ, что не дойти ему до насъ; а намъ не о чѣмъ заранѣе тужить; не такъ ли, Платонъ Платонычъ?»

Макаръ Антипычъ, обращаясь къ почтенному учителю, не замѣтилъ, что онъ спокойно спалъ на стулѣ.—Голова оратора, отягченная обширными познаніями отъ присоединенія къ нимъ винныхъ паровъ, такъ обременилась, что онъ только слышалъ послѣднія слова и отвѣчалъ съ просонья: «точно такъ, точно такъ, Макаръ Антипычъ!»

Но подъячій, до сихъ поръ сидѣвшій въ какой-то мечтательности, вдругъ гордо поднялъ голову и громогласно вскричалъ: «ну, и если онъ придетъ къ намъ, если наступятъ на насъ его нечестивыя полчища, что тогда мы сдѣлаемъ?...»

«Избави Господи!... бѣда! бѣда неминучая!» вскричали многіе изъ гостей.

«Не бойтесь»,возразилъ Панъ Радичъ съ улыбкой; «я слышалъ, что ужъ ему гдѣ-то сломили голову, такъ нечего вамъ его дожидаться: мертвый не придетъ!»

«Неужели? Дай-то Господи! ништo ему окоянному; самъ на себя смерть накликалъ. — Чорту баранъ....»

«А ежели онъ еще живъ», вскричалъ подъячій, еще болѣе воспламененный какимъ-то энтузіазмомъ, «если онъ, не дай Господи, нагрянетъ къ намъ, такъ неужли мы не найдемся чѣмъ его встрѣтить? Неужто не управимся съ его сволочью? — Что вы на меня такъ смотрите?... Я говорю во имя Божіе, что робѣть нечего. — Прикажемъ ударить въ набатъ; у меня есть хорошая винтовка, вострая шпага; прочіе вооружатся, чѣмъ Богъ поможетъ.—Нашъ приходскій отецъ Василій со крестомъ будетъ намъ предшествовать, и лишь только покажемся—вѣрно бродяги всѣ разсыплются какъ овцы безъ пастыря!»

«А что, и вправду не сробѣемъ», прибавилъ толстый пивоваръ, гордо подпершись рукою; «у меня на пивоварнѣ 25 человѣкъ: ребята все здоровые; кто чѣмъ можетъ, а ужъ себя не выдадимъ!»

Между тѣмъ какъ подъячій съ пивоваромъ, одушевляемые храбростію, горячились, Панъ Радичъ не спускалъ

глазъ съ невѣсты; казалось, душа его была стѣснена различными чувствами; но какъ скоро глаза его встрѣтились съ глазами Алексѣя, — онъ тотчасъ отворачивался въ другую сторону, кусалъ губы, и ужасно было смотрѣть на мрачное лице его.

Но Макаръ Антипычъ хлопоталъ объ дѣлѣ гораздо полезнѣйшемъ: онъ вспѣнилъ до краевъ виномъ чарки, осушенныя гостями, и опять явился посреди свѣтлицы съ большимъ подносомъ.

«Полноте горячиться, любезные! всѣ мы храбры на печи, а какъ дойдетъ до дѣла — и струсимъ.—Эхъ, Кононъ Устинычъ! вѣдь шпагой-то владѣть не перомъ. Съ нимъ ты управлялся въ приказахъ 15 лѣтъ, такъ привыкъ имъ повертывать. Лучше выпейте-ка, дорогіе гости, а тамъ что будетъ, такъ на дѣлѣ увидимъ, не теперь объ этомъ говорить. — И правду, нашъ пиръ на пиръ не похожъ; ну, принимайтесь-ка, любезные!»

Чарки опять зазвенѣли, и учитель проснулся, не желая уступить своей доли. Гости мало по малу развесели-

лись; разговоры приняли другой оборотъ, и изъ боковой комнаты раздалась громкая пѣсня: «*Во горницѣ, во свѣтлицѣ два голубя воркуютъ*».

Пѣсни повторялись одна за другою; по окончаніи каждой, тому, кого величали въ пѣснѣ, дѣвушка подносила стаканъ меду, и въ него по обыкновенію опускалась серебряная монета. — Радушные гости для красныхъ дѣвицъ не жалѣли рублей, а частое кругообращеніе подноса наконецъ совершенно расположило ихъ къ той непринужденной веселости, свойственной каждому Русскому, когда онъ гуляетъ, въ полномъ смыслѣ этого слова.

«Не пускайте; не пускайте ее!» раздалось вдругъ множество голосовъ на улицѣ; «не пускайте, держите ее!...» повторили около дверей. Въ сѣняхъ сдѣлалась суматоха, и всѣ гости засуетились; но, не смотря на усилія, въ свѣтлицу вбѣжала безобразная старуха чрезвычайно низкаго роста.

«Ага.... что?... Не удержали, разбойники!...» закричала она съ злобной радостью, остановясь посреди комнаты и

задыхаясь отъ усталости. — «Пришла таки, какъ пришла къ моему Макарушкѣ!...» При семъ словѣ судорожная улыбка показалась на сморщенномъ темнооливковомъ лицѣ ея; синія губы задрожали, и глаза запрыгали страшно, озаряясь во всѣ стороны. «А а!... тамъ въ Кіевѣ въ колокола гудятъ, монаховъ хоронятъ, а у васъ вокругъ заздравныя чарки ходятъ!.... Дѣло!... Да чтожъ ты, Макарушка, не позвалъ меня погадать, да подумать, какъ свадьбу снарядить?—Или у тебя нынче за столъ,— а завтра подъ столъ!»

«Забылъ, забылъ, прости Маринушка! тебя все не видно было, найти—а найти негдѣ: вишь ты живешь въ такомъ захолустьи, что ни одинъ живой человѣкъ къ тебѣ ноги не прокладываетъ».

«Въ захолустьи.... да, да, у меня въ бору волки рыщутъ, а за Днѣпромъ ѣдутъ, да не свищутъ. — Всѣ мышки уберутся въ норки, какъ завидятъ кота усача. Ха! ха! ха!...»

Старуха дико захохатала.—Женихъ съ невѣстой и всѣ гости смотрѣли на

нее съ ужасомъ.—Женщины, прижавшись въ уголъ, шептали между собой; но всѣхъ внимательнѣе разсматривалъ ее Панъ Радичъ.— Не сводя съ нее черныхъ блестящихъ глазъ своихъ, онъ замѣчалъ каждое ея движеніе.

«Чтожъ вы не поете?» закричала она дѣвушкамъ, которыя робко выглядывали на нее изъ за дверей боковой коморки.

«Или мнѣ созвать своихъ вороньевъ, пѣвуновъ мясомъ накормить, да кровью напоить: то-то затянутъ пѣсенку, потѣшатъ Макарушку. Ха! ха! ха!...»

«Прогоните ее!» шепталъ подъячій, выглядывая изъ за плеча ученаго оратора, «прогоните ее!» повторялъ онъ жалобнымъ голосомъ; но никто не двигался съ мѣста; всѣ какъ скованные смотрѣли на уродливую старуху.

«Да какъ ее прогнать? она колдунья», говорилъ тихо пивоваръ подъячему; «съ ней пожалуй наживешь бѣды. — А ты видно очень боишься ее?...»

«Кто? я боюсь? О нѣтъ, я только не люблю смотрѣть, когда она такъ страшно хохочетъ», отвѣчалъ подъячій. Но

у безстрашнаго юриста щелкали зубы, и лихорадочная дрожь пробѣгала по всему тѣлу.

Колдунья захохотала, долго вокругъ озираясь; но вдругъ задрожала. —«Ой! ой!... озябла, озябла», закричала она и окутала всю голову худой суконной епанчей своей.

Макаръ Антипычъ налилъ стопу вина и подалъ ей. — «На вотъ, Маринушка, авось согрѣешься».

Старуха взяла стопу, хотѣла пить, но вдругъ оттолкнула ее отъ себя.

«Кровь!... кровь!.. не хочу, не хочу!» закричала она; «пей самъ, а мнѣ лучше дай каравая закусить».

Макаръ Антипычъ отрѣзалъ половину сдобнаго каравая и, положивши на него серебряный рубль, отдалъ колдуньѣ.

Съ радостью схватила она серебро и положила въ карманъ, привѣшанный къ поясу; а каравай, укусивши одинъ разъ, сунула за пазуху.

«Вотъ спасибо, Макарушка, спасибо; жди меня на свадьбу, да за пазухой змѣю не корми!» — Сказавши сіи слова,

она захохотала опять и быстро побѣжала вонъ изъ свѣтлицы.

Снова поднялся крикъ на улицѣ; толпы народа глядѣли на нее съ робостью издали, но многіе смѣльчаки изъ ребятишекъ бѣжали вслѣдъ за ней съ крикомъ и провожали до самаго Днѣпра.

«Что это за сумасшедшая?» спросилъ Панъ Радичъ по уходѣ колдуньи; «безобразнѣе этого урода я ничего не видывалъ».

«Нѣтъ, она не сумасшедшая», отвѣчалъ Макаръ Антипычъ, «а просто вѣдьма, да къ тому-же и колдунья; ужъ лѣтъ десять она живетъ за Днѣпромъ, въ сосновомъ бору, бываетъ изрѣдка въ Кіевѣ и насъ кой когда навѣщаетъ, либо одна, либо съ какой-то молодой цыганкой; а ужъ какая зловѣщая!... На кого бѣду накличетъ; такъ быть бѣдѣ; все подноготное знаетъ, что было и что падетъ; у насъ весь народъ ее страхъ какъ боится».

«А я такъ очень люблю смотрѣть, какъ она коверкается», сказалъ подъячій съ усмѣшкой. — «Мнѣ бы хотѣлось

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

у безстрашнаго юриста щелкали зубы, и лихорадочная дрожь пробѣгала по всему тѣлу.

Колдунья захохотала, долго вокругъ озираясь; но вдругъ задрожала. —«Ой! ой!... озябла, озябла», закричала она и окутала всю голову худой суконной епанчей своей.

Макаръ Антипычъ налилъ стопу вина и подалъ ей. — «На вотъ, Маринушка, авось согрѣешься».

Старуха взяла стопу, хотѣла пить, но вдругъ оттолкнула ее отъ себя.

«Кровь!... кровь!.. не хочу, не хочу!» закричала она; «пей самъ, а мнѣ лучше дай каравая закусить».

Макаръ Антипычъ отрѣзалъ половину сдобнаго каравая и, положивши на него серебряный рубль, отдалъ колдуньѣ.

Съ радостью схватила она серебро и положила въ карманъ, привѣшанный къ поясу; а каравай, укусивши одинъ разъ, сунула за пазуху.

«Вотъ спасибо, Макарушка, спасибо; жди меня на свадьбу, да за пазухой змѣю не корми!» — Сказавши сіи слова,

она захохотала опять и быстро побѣжала вонъ изъ свѣтлицы.

Снова поднялся крикъ на улицѣ; толпы народа глядѣли на нее съ робостью издали, но многіе смѣльчаки изъ ребятишекъ бѣжали вслѣдъ за ней съ крикомъ и провожали до самаго Днѣпра.

«Что это за сумасшедшая?» спросилъ Панъ Радичъ по уходѣ колдуньи; «безобразнѣе этого урода я ничего не видывалъ».

«Нѣтъ, она не сумасшедшая», отвѣчалъ Макаръ Антипычъ, «а просто вѣдьма, да къ тому-же и колдунья; ужъ лѣтъ десять она живетъ за Днѣпромъ, въ сосновомъ бору, бываетъ изрѣдка въ Кіевѣ и насъ кой когда навѣщаетъ, либо одна, либо съ какой-то молодой цыганкой; а ужъ какая зловѣщая!... На кого бѣду накличетъ; такъ быть бѣдѣ; все подноготное знаетъ, что было и что падетъ; у насъ весь народъ ее страхъ какъ боится».

«А я такъ очень люблю смотрѣть, какъ она коверкается», сказалъ подъячій съ усмѣшкой. — «Мнѣ бы хотѣлось

ее здѣсь еще задержать, да, вишь, скоро улизнула, проклятая!»

«Да, да, и я видѣлъ, милостивецъ, какъ ты ее любишь», сказалъ тихо пивоваръ, понюхивая тобакъ.

Подъячій взглянулъ сурово на пивовара, замолчалъ и сѣлъ на свое мѣсто.

«Мнѣ кажется, эта вѣдьма очень лакома до денегъ: какъ она плотно ухватилась за рубль, какъ будто бы кто у нее отнималъ его».

«Да, правду сказать, Станиславъ Михайлычъ, она очень любитъ денежки, да много и достаетъ, проклятая. Кому ни поворожитъ, всякій подаритъ. — Во время мору-то люди не выходили изъ дому; а она все ѣздила по деревнямъ, да грабила, окаянная; и не приставало къ ней; — бѣсъ ее знаетъ, прости Господи!... чѣмъ отворожилась. Я думаю ни вѣсть, что награбила; а куда копитъ, видно на гробъ да на саванъ. — Да ее, кажись, и земля-то не приметъ».

«Какъ же она переѣдетъ черезъ Днѣпръ?... въ позднюю пору, кажется, никто не согласится перевезти ее!»

«Кому охота, батюшка, связаться съ дьявольскимъ навожденіемъ?... да у нея, окаянной, своя лодка; сядетъ заоретъ, да и поминай какъ звали. Всегда издалека еще слышно, какъ она разгуливаетъ по Днѣпру.—Все такія страшныя, такія дикія пѣсни, что волосъ дыбомъ!»

«Чудная старуха! — А въ которомъ мѣстѣ она пристаетъ по ту сторону Днѣпра?»

«Тамъ, неподалеку отъ рыбачьихъ шалашей, близъ Лунной горы, привяжетъ лодку, да и ударится бѣжать въ сосновый боръ. — А ужъ тамъ въ какомъ омутѣ живетъ,—никто не знаетъ!»

«А этотъ сосновый боръ, въ которой сторонѣ отъ вашего села?... Я вотъ пятый день живу у васъ, а еще этого бора не видывалъ.

«И, какъ не видать! чай какъ катался, такъ видѣлъ. — Вотъ на лѣвой сторонѣ, съ полверсты за перевозъ, еще издали чернѣется. — Да вотъ какъ поживешь у насъ еще, такъ все узнаешь».

Между тѣмъ какъ панъ Радичъ разспрашивалъ Макара Антипыча, гости

ужъ начали собираться домой. Нежданный приходъ вѣдьмы сильно разстроилъ пирушку, которая могла бы еще продлиться нѣсколько часовъ. — Наконецъ и невѣста проводила жениха съ прощальной пѣсней. Дѣвишникъ назначенъ былъ черезъ день. Панъ Радичъ также распростился съ Макаромъ Антипычемъ, и скоро свѣтлица совершенно опустѣла.

Но народъ долго еще толпился подъ окнами дома, и много было толковъ про начатую свадьбу.

«Не вовремя затѣялъ дѣло, Макаръ Антипычъ, говорили одни. Не объ этомъ бы думать, когда съ часу на часъ злодѣя ждемъ».

«Охъ! быть худу, когда проклятая вѣдьма навѣстила», говорили другіе.

«Не пускать-бы ее, окаянную!» кричали прочіе.

Но наконецъ мало по малу всѣ разбрелись на покой по домамъ, и тишина ночи замѣнила шумные перекоры.

ГЛАВА II.

Бурная ночь. Вѣдьма. Заговоръ.

Металлъ, метталъ ничтожный и презрѣнный!
Сердца людей ты цѣпью оковалъ!...

10 іюля 1773 года (это было на другой день послѣ рукобитья) ночь была бурная; вѣтеръ дико завывалъ въ нежилыхъ строеніяхъ и страшно вспѣнивалъ волны днѣпровскія. Нигдѣ не видно было огонька по рѣкѣ: рыбаки раньше обыкновеннаго кончили свою работу, и сельскіе жители всѣ были погружены въ глубокій сонъ.

Въ это время по берегу шелъ скорыми шагами человѣкъ высокаго роста, весь закутанный въ охобень и, какъ казалось, очень спѣшилъ къ перевозу.

На церковной колокольнѣ ударило полночь. Закутанный человѣкъ еще болѣе удвоилъ шаги свои и, наконецъ, дошелъ до избушки перевозчика.

Сильной рукой началъ онъ стучать въ маленькое окошко; сонный старикъ перекрестился, всталъ и, отворя окно, спросилъ: «что тебѣ надобно, добрый человѣкъ?»

«Выходи сюда скорѣе, сѣдая голова!» закричалъ незнакомый страшнымъ голосомъ.

Старикъ задрожалъ и отъ страха не зналъ, что дѣлать.

«Выходи же! я тебѣ говорю; или окно сейчасъ вылетитъ вонъ изъ твоей лачуги!»

Бѣдный старикъ накинулъ армякъ и, творя молитву, показался въ дверяхъ избушки. «Что ты такъ кричишь, добрый человѣкъ?... Или тебѣ голова старика нужна; возьми ее пожалуй.... А больше у меня взять нечего».

«Чортъ ли мнѣ въ твоей головѣ?... Ступай, перевези, — не надобно».

«Господи Іисусе Христе!... Въ этакую бурю!.... Что ты, добрый моло-

децъ!... Или тебѣ голова на плечахъ надоѣла».

«Ни слова больше! — Ступай, старый хрычъ; тебѣ пригодятся четыре рубля серебромъ!»

«Да хоть бы ты далъ тысячу.... Помилуй господи!... Кому охота загубить свою душу!»

«О!... такъ видно съ тобой добромъ не раздѣлаешься!» Незнакомый вынулъ изъ подъ полы огромный ножъ.

«Вотъ для тебя подарокъ! Если не поѣдешь, старый дьяволъ», закричалъ онъ страшнѣе прежняго.

Едва переводя духъ отъ ужаса, бѣдный старикъ пошелъ наконецъ за нимъ къ лодкѣ, привязанной у берега.

Сильно бушевалъ вихорь; волны безпрестанно дробились о песчаный берегъ и готовы были оторвать лодку и унести на средину рѣки.

«Господи, спаси меня грѣшнаго!... Много повиненъ предъ Тобой», шепталъ старикъ, садясь въ лодку съ своимъ ужаснымъ товарищемъ. — Не надѣясь остаться въ живыхъ, онъ совер-

шенно поручилъ душу свою Богу и отвалилъ отъ берега.

Быстро понесло лодку.—Волны ужасно качали ее изъ стороны въ сторону и каждую минуту готовы были, опрокинувши, поглотить предпріимчивыхъ сѣдоковъ. — Старикъ все продолжалъ читать молитвы, а незнакомый, взявши весло, дѣятельно помогалъ ему въ работѣ: безъ его помощи лодка непремѣнно была-бы опрокинута, но, благодаря стараніямъ, наконецъ достигли до средины рѣки, гдѣ волны были нѣсколько тише.

«Помогай Господи!» прошепталъ старикъ.—«Теперь какъ нибудь доберемся».

Грѣсть начали сильнѣе прежняго, и послѣ большихъ усилій, наконецъ причалили у другаго берега, измученные, усталые и обрызганные съ ногъ до головы водою.

«Ну, спасибо старикъ!» сказалъ ласково закутанный человѣкъ, вышедши на берегъ.—«Вотъ тебѣ за работу!»—При сихъ словахъ онъ бросилъ ему въ лодку четыре серебряные рубля.

«Не на чѣмъ, не на чѣмъ, добрый человѣкъ!» отвѣчалъ старикъ, задыхаясь отъ усталости.

«Ты, вѣрно, не поѣдешь назадъ, а то быть тебѣ и съ лодкой на днѣ».

«Куда мнѣ одному ѣхать!... Подожду, родимый, до разсвѣта: авось погода утихнетъ».

«И дѣло!—А я ворочусь сюда прежде разсвѣта, ты меня и перевезешь опять на другую сторону.—Но если ты уѣдешь, не дождавшись меня, или скажешь кому хоть одно слово, что переѣзжалъ со мной, то завтра же глаза твои не увидятъ бѣлаго свѣта. Слышишь-ли?»

«Слышу, родимый, слышу!... кому мнѣ говорить, умру никому ни слова?»

«Смотри же помни! или горсть золота, или съ плечъ голову».—Громко сказалъ онъ сіи послѣднія слова и скорыми шагами пошелъ къ сосновому бору.

Испуганный старикъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и перекрестился. — «Съ нами сила крестная!... Это должно быть самъ сатана; вишь пошелъ къ сосновому бору; видно пріѣхалъ къ вѣдьмѣ на по-

могу. — Да нѣтъ, какъ я давича творилъ молитву, вѣдь онъ не провалился проклятый!»

«Экой оморокъ!... Спаси меня Господи!... А нечего дѣлать, придется подождать».

Онъ долго еще ворчалъ, творилъ молитву, потомъ легъ въ траву, завернулся и рѣшился ждать страшнаго гостя.

Между тѣмъ незнакомый вошелъ въ дремучій сосновый лѣсъ, вынулъ изъ подъ охабня небольшой желѣзный потаенный фонарь, сѣлъ на землю и, открывши его помазалъ свѣтильню какой-то жидкостію изъ пузырька.—Быстро вспыхнула свѣчка; онъ всталъ и, освѣщая себѣ дорогу, пошелъ дальше. Но сильный вѣтеръ принудилъ его фонарь опять спрятать подъ полу и вынимать только изрѣдка, чтобы совершенно не быть въ потемкахъ.

Чѣмъ дальше онъ заходилъ въ лѣсъ, тѣмъ онъ становился глуше; страшно трещали деревья отъ бури; сучья валились на голову; ногти безпрестанно цѣплялись за сухіе кустарники; пронзительный свистъ и вой вѣтра почти оглу-

шили его, но онъ все шелъ дальше.... дальше.... Наконецъ, утомясь, сѣлъ на пень сломленнаго дерева.

«Тьфу! чортъ возьми!... видно до нее не скоро доберешься», сказалъ онъ, отряхивая съ себя сухіе листья, нанесенные вѣтромъ.—Отъ чрезвычайнаго шуму бури едва были слышны слова его.

Но вотъ вдали послышался глухой лай собаки; онъ все продолжался и, сливаясь съ воемъ вѣтра, то терялся, то опять былъ слышенъ сильнѣе прежняго.

Незнакомый началъ прислушиваться, наконецъ всталъ и пошелъ въ ту сторону, откуда былъ слышенъ лай. — Освѣщая по возможности вкругъ себя фонаремъ, онъ увидѣлъ узкую тропинку, которая вела въ самую ужасную глушь бора.

«А.... а!... Насилу-то я нашелъ тебя!...» прошепталъ онъ тихо и продолжалъ идти далѣе. Лай собаки все становился слышнѣе, и вдругъ онъ увидѣлъ себя посреди небольшой поляны; съ правой стороны былъ глубокій ровъ, а по лѣвую сторону стояла ветхая и

почти вросшая въ землю изба. Деревянная кровля была вся подернута краснымъ мохомъ; ставни закрыты, и большая черная собака съ громкимъ лаемъ бѣгали вокругъ по веревкѣ.

Незнакомый остановился. — Собака, увидя его, рвалась съ веревки, лаяла сильнѣе прежняго; но въ избѣ, казалось, не было ни одной живой души.

Долго стоялъ онъ передъ окнами, наконецъ, вышедши изъ терпѣнія, поднялъ огромный дубовой сукъ и сильно бросилъ его въ среднее окно.—Ставень затрещалъ, отвалился, и стекла зазвенѣли, разбившись въ дребезги.

Въ избѣ мелькнулъ огонь, и въ разбитомъ окнѣ показалась безобразная сморшенная харя.

«Кто тутъ? воръ или разбойникъ?» запищалъ дикій, отвратительной голосъ. — Провались окаянный! если хочешь унести на плечахъ голову».

«Не стращай, старая вѣдьма! а уйми своего чернаго дьявола; мнѣ до тебя есть дѣло».

«Не обманешь, разбойникъ! сгинь твоя буйная голова!... А не то, огнемъ опалю.... душу вымотаю!...»

«Не стращай, говорю я тебѣ, отопри дверь и заткни глотку черному псу; или я задушу его».

Старуха все не отпирала дверей, — собака ужасно рвалась; незнакомый вынулъ свой ножъ, бросился на нее и перерѣзалъ горло.

Черный песъ захрипѣлъ, залился кровью и растянулся по песку.

«У насъ коли не добромъ, такъ ножемъ», проворчалъ незнакомый.—Тѣмъ же сукомъ съ двухъ сильныхъ ударовъ онъ выломилъ дверь и вошелъ въ избу.—

Страшно закричала старуха: «воры! разбойники!... гей!... гей!... Гришка, Петля! Буйло!... сюда, сюда!»

«Не кричи бѣсово племя! — дешево не продамъ жизнь свою», сказалъ незнакомый, остановился въ дверяхъ и готовъ былъ отправить на тотъ свѣтъ перваго, кто бы помѣшалъ ему. — Никто однакожъ не показывался.

Между тѣмъ старуха тотчасъ вытащила изъ кулька, висѣвшаго на стѣнѣ

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

почти вросшая въ землю изба. Деревянная кровля была вся подернута краснымъ мохомъ; ставни закрыты, и большая черная собака съ громкимъ лаемъ бѣгали вокругъ по веревкѣ.

Незнакомый остановился. — Собака, увидя его, рвалась съ веревки, лаяла сильнѣе прежняго; но въ избѣ, казалось, не было ни одной живой души.

Долго стоялъ онъ передъ окнами, наконецъ, вышедши изъ терпѣнія, поднялъ огромный дубовой сукъ и сильно бросилъ его въ среднее окно.—Ставень затрещалъ, отвалился, и стекла зазвенѣли, разбившись въ дребезги.

Въ избѣ мелькнулъ огонь, и въ разбитомъ окнѣ показалась безобразная сморшенная харя.

«Кто тутъ? воръ или разбойникъ?» запищалъ дикій, отвратительной голосъ. — Провались окаянный! если хочешь унести на плечахъ голову».

«Не стращай, старая вѣдьма! а уйми своего чернаго дьявола; мнѣ до тебя есть дѣло».

«Не обманешь, разбойникъ! сгинь твоя буйная голова!... А не то, огнемъ опалю.... душу вымотаю!...»

«Не стращай, говорю я тебѣ, отопри дверь и заткни глотку черному псу; или я задушу его».

Старуха все не отпирала дверей, — собака ужасно рвалась; незнакомый вынулъ свой ножъ, бросился на нее и перерѣзалъ горло.

Черный песъ захрипѣлъ, залился кровью и растянулся по песку.

«У насъ коли не добромъ, такъ ножемъ», проворчалъ незнакомый.—Тѣмъ же сукомъ съ двухъ сильныхъ ударовъ онъ выломилъ дверь и вошелъ въ избу.—

Страшно закричала старуха: «воры! разбойники!... гей!... гей!... Гришка, Петля! Буйло!... сюда, сюда!»

«Не кричи бѣсово племя! — дешево не продамъ жизнь свою», сказалъ незнакомый, остановился въ дверяхъ и готовъ былъ отправить на тотъ свѣтъ перваго, кто бы помѣшалъ ему. — Никто однакожъ не показывался.

Между тѣмъ старуха тотчасъ вытащила изъ кулька, висѣвшаго на стѣнѣ

берещаный буракъ, насыпала изъ него на руки какой то травы и бросила въ ночникъ, стоявшій на столѣ.

Въ одну минуту вся изба занялась яркимъ красноватымъ пламенемъ.... Вдругъ оно погасло, и густой удушливый дымъ началъ клубиться изъ ночника.

Незнакомый захохоталъ.—«О!...этимъ меня не испугаешь; — я тебя проучу, старая хрычовка!»

Онъ опрокинулъ ночникъ, поставилъ на столъ свой фонарь и окинулъ глазами внутренность избы.

Всѣ стѣны увѣшаны были кульками, мѣшечками и пучками разныхъ травъ. Въ переднемъ углу не было иконъ; а вмѣсто ихъ на полкѣ стояли пузырьки и бутылочки съ разными жидкостями, на столѣ лежала старинная книга, деревянная чашка съ водою и рѣшето, а на потолкѣ висѣли двѣ человѣческія кости.

Въ углу, на рагожѣ, закутавшись въ худую, епанчу, сидѣла молодая дѣвушка довольно пріятной наружности, но чрезвычайно смуглая. — Волосы чер-

ные, какъ смоль, густыми кудрями разсыпались по плечамъ ея. — На лицѣ былъ ясный отпечатокъ ужаса и удивленія.

Старуха, видя, что ей ничѣмъ не удалось испугать смѣльчака, страшно завыла и бросилась какъ сумасшедшая на большой окованный желѣзомъ сундукъ, уцѣпилась за него сухими жилистыми руками и кричала: «воръ! разбойникъ!... бей, рѣжь меня! а денегъ у меня нѣтъ!... Нѣтъ у меня денетъ!...»

«Чортъ тебя побери и съ ними; мнѣ нужна ты, а не твои деньги».

Но старуха не слыша ничего, все кричала: «пей, пей кровь мою, разбойникъ!... а денегъ у меня нѣтъ».

«Да замолчишь ли ты, вѣдьма проклятая?... или я зарѣжу тебя какъ поросенка!...» закричалъ наконецъ незнакомый, вышедши изъ терпѣнія, — и длинный ножъ блеснулъ въ глаза старухи.

«Молчу, молчу, батюшка!» завизжала колдунья, поблѣднѣвши какъ полотно.— «А право денегъ у меня нѣтъ!...»

«Слушай, старая чертовка! Отвѣчай, что я тебя буду спрашивать, да смотри, говори правду, а не то...» Онъ опять показалъ ей ножъ.

Старуха сидѣла на сундукѣ, сложивши на крестъ руки и не смѣла вздохнуть отъ ужаса.

«Сказывай, проклятая, кто ты такова?»

«Крещеная, батюшка, крещеная...»

«Хорошо! — Правду ли всѣ говорятъ, что ты вѣдьма и колдунья?»

«Правда, батюшка, правда, ворожу мірскимъ людямъ на потѣху, а себѣ на хлѣбъ насущный».

«Чья это дѣвка сидитъ въ углу? Откуда она зашла къ тебѣ?»

«Моя племянница, родной, племянница!...»

«Зачѣмъ живетъ она у тебя здѣсь, въ такой глуши?»

«Такъ, по бѣдности, батюшка, а пуще для повадки!»

«Ну, а что у тебя здѣсь въ сундукѣ?... Чтожъ ты молчишь? Сказывай, что у тебя въ сундукѣ!»

«Ничего, батюшка, ничего, родной! только сарафанъ да рубашка, а то все

рухлядь да хламъ, хоть на дворъ выкинь, золотой мой!»

«Врешь окаянная! сказывай истинную правду, а то сейчасъ зарѣжу. — У тебя деньги въ сундукѣ?»

Старуха задрожала какъ осиновый листъ и бросилась въ ноги къ незнакомому.

«Деньги, батюшка! деньги!... Помилуй, только и есть 20 алтынъ мѣдью на пропитаніе. — Не умори заживо, кормилецъ!...»

«Вставай, старая! мнѣ деньги твои не нужны; — а посмотри хорошенько, узнаешь ли ты меня?» сказалъ онъ, взявши со стола фонарь и освѣщая имъ лице свое.

«Нѣтъ, не знаю, батюшка! — А лице что-то знакомито».

«Не видала ли ты меня, какъ была на рукобитьѣ у Макара Антипова?»

«Ахъ!... узнала, кормилецъ, узнала! Что тебѣ нужно, дорогой мой?... Всѣмъ рада служить, хоть въ огонь, хоть въ воду».

«Ну, слушай же», сказалъ Радичъ, поставя фонарь на столъ: «если ты сдѣ-

лаешь по моему, все что я тебѣ прикажу, то будешь съ барышомъ, а если не такъ, то завтра же твоя сѣдая голова будетъ вздернута.—Слышишь?...»

«Слышу, золотой мой! только изволь приказать, всюду готова».

«А когда такъ, то вотъ тебѣ и въ задатокъ!» — Незнакомый вынулъ изъ за пазухи червонецъ и отдалъ старухѣ.

Трудно изобразить быстрый переходъ колдуньи отъ чрезвычайнаго ужаса къ непритворной радости. Она жадно схватила монету, быстро подскочила къ фонарю, разсматривала, вертѣла кругомъ, брала въ ротъ, какъ будто хотѣла проглатить ее, хохотала, и отвратительно была смотрѣть на скаредную ея улыбку.

«Ахъ, родимый мой, ненаглядный мой! Приказывай, приказывай все, что угодно; — все выполню!»

«Ну, смотри-же, старуха, слушай меня ушами!... Ты знаешь Алексѣя Булыча, прикащика на винномъ заводѣ; ну, вотъ за котораго отдаетъ дочь Макаръ Антиповъ?»

«Какъ не знать, родной, знаю обѣихъ, и жениха и невѣсту, и родню-то ихъ всю до подноготнаго всѣхъ знаю».

«А коли знаешь, такъ знай и то, что я невѣсту Алексѣеву, хорошенькую Машу, безъ души люблю. — Слушай-же! женюсь ли я на Машѣ, или увезу ее это мое дѣло. — А уходить проклятаго мальчишку, задать ему карачунъ, вотъ что нужно! Берешься ли ты за это?»

«Охъ, трудновато, родимый! — Ну, да что дѣлать? для такого молодца на все готова».

«Ну, такъ смотри же, чтобы не допустить Алешку жениться, ты должна завтра непремѣнно его ухлопать. — Такъ-ли?»

«Инъ буде такъ, родимый. Нарокомъ поѣду, — лишь бы завести сюда, а ужъ угомонить мое дѣло».

«Вотъ за это люблю! — Похлопочи хорошенько; а какъ скоро сдѣлаешь, привезу тебѣ сотню золотыхъ и навѣкъ останешься мною довольна, въ томъ даю тебѣ молодецкое слово».

«Спасибо батюшка! И такъ въ твоемъ подаркѣ много милости».

«О! это еще ничего. — Только ты смотри не въ одинъ глазъ, все выполни, что я тебѣ говорилъ и никому не заикнись, что между нами было. А если хоть что нибудь не такъ, то береги свои сухія кости».

«О, нѣтъ! — на меня надѣйся, родимый, все до словечка будетъ сдѣлано.— Ужъ я изжила вѣкъ, — и не такія дѣла бывали въ рукахъ».

«Ну, такъ прощай же.—Помни все, что я тебѣ говорилъ».

«Помню, помню, батюшка! Да на чемъ же ты переѣдешь черезъ рѣку-то, золотой? Не самой ли мнѣ перевезть тебя?»

«Нѣтъ, не нужно. — У меня тамъ свой перевозчикъ дожидается».

«Ну, ладно. Прощай кормилецъ!»

«Прощай! прощай!»

Панъ Радичъ, взявши фонарь, вышелъ изъ избы, и лишь только отошелъ нѣсколько шаговъ, колдуньинъ пѣтухъ пропѣлъ въ третій разъ.

Вѣтеръ пріутихъ. Деревья ужъ не такъ сильно колебались, и Радичъ съ помощію фонаря гораздо удобнѣе вышелъ изъ лѣсу, нежели вошелъ въ него. Погася фонарь онъ поспѣшалъ къ своему перевозчику, который спалъ крѣпкимъ сномъ.

Панъ Радичъ разбудилъ его, и старикъ неохотно пошелъ въ лодку, во все продолженіе переправы творилъ молитвы, но на этотъ разъ и переѣздъ былъ не такъ опасенъ, и они благополучно привалили у сельскаго перевоза.

Чуть-чуть начала заниматься утренняя заря. Старикъ съ теплой мольбою благодарилъ Бога, что онъ принесъ его назадъ въ живыхъ и съ прибылью.

Панъ Радичъ бросилъ ему еще денегъ, грозно подтвердивъ, чтобъ онъ молчалъ о томъ, что было; а самъ, закутавшись въ охабень, пошелъ по косогору въ село и скоро скрылся въ темнотѣ.

ГЛАВА III.

Дѣвичникъ. Опять колдунья. Мнимое предсказаніе. Прощай женихъ.

Не спится, няня, здѣсь такъ душно...
Открой окно да сядь ко мнѣ!
Что, Тана? Что съ тобой? Мнѣ скучно
Поговоримъ о старинѣ.

«Охъ, какъ мнѣ грустно, родная моя!... и сама не знаю отъ чего все плакать хочется», говорила Маша теткѣ своей, Маврѣ Понкратьевнѣ, со слезами на глазахъ, рано по утру наканунѣ свадьбы.

«Чтожъ съ тобою, моя пташечка? Вишь какъ рано сегодня ты встала, видно головушка разболѣлась. Пройдетъ, золотая моя, пройдетъ! Выпей-ка богоявленской водицы, лучше будетъ».

Маша ничего не отвѣчала. Мавра Понкратьевна вынула изъ рѣзнаго угольника, стоявшаго подъ образами, бу-

тылку со святой водой, налила въ чашку съ молитвой и подала Машѣ.

Маша перекрестилась, выпила. Но тоска и грусть овладѣли опять таки ея сердцемъ, и сколько тетушка ее ни разговаривала, ни старалась развеселить, все понапрасну.

«Охъ, хо! горемышная моя! ничѣмъ не развеселишь ее. Видно, что не во время дѣло затѣяли: такъ и идетъ не добромъ», прошептала она и сѣла въ уголъ поодаль отъ Маши.

Пришли дѣвушки, и начились хлопоты. Начали готовить все приданое, въ большіе кованные сундуки укладывать Божіе милосердіе, тонкое полотно, камчатныя скатерти и проч. Красныя дѣвицы хлопотали, приготавливали; но печальная Маша сидѣла подгорюнясь и какъ будто ничего не видала. Сколько ни развлекали ее радушныя подруги, но она всетаки осталась грустною до самаго вечера.

Смерклось. Поджидали жениха. Наконецъ Алексѣй явился; дѣвушки запѣли веселую пѣсню, и хотя гостей кромѣ родныхъ никого не было, но съ при-

ходомъ жениха все какъ будто оживилось. Маша сдѣлалась гораздо веселѣе, говорила съ Алексѣемъ такъ непринуждено, что онъ почти совершенно и не замѣтилъ слѣдовъ прежней ея тоски.

Наконецъ, помолясь Богу, начали таскать сундуки и ларцы, перины и подушки на подводы.

Было около девяти часовъ, когда ужъ совсѣмъ управились, и грузныя подводы съѣхали въ широкія ворота со двора Макаръ Антиповича.

Женихъ ужъ хотѣлъ собираться идти домой, какъ вдругъ страшный шумъ и крикъ неподалеку отъ свѣтлицы привлекъ вниманіе. Онъ все становился ближе и ближе. «Стой!... Стой!...Держи!... Держи!... Не пускай!» кричало множество голосовъ.

Въ сѣняхъ по тесовой лѣстницы что-то шибко застучало, и вдругъ опять ворвалась какъ бѣшенная въ свѣтлицу скаредная ведьма съ неистовымъ видомъ и растрепанными волосами.

«Что вы?... Что вы дѣлаете беззаконники?» закричала она удушливымъ голосомъ. «А!... у васъ пиры, да банкеты...

Славно!... Люди заживо себѣ могилы роютъ, а вамъ бы мягко послать да сладко поспать. О-хо-хо!... Макарушка, Макарушка! жаль мнѣ тебя, а пособить нечѣмъ».

Тутъ она сѣла на скамейку и дико завыла. Макаръ Антиповичъ весь поблѣднѣлъ отъ ужаса. Женихъ также испугался не меньше, а бѣдная Маша была почти безъ памяти.

«Что ты, Маринушка? Что ты? Зачѣмъ сюда пришла?» спросилъ Макаръ Антиповичъ, пришедши нѣсколько въ себя.

«Охо! хо! Макарушка, закричала колдунья, сладко ты теперь бражку попиваешь, да чтобъ не отлилась она тебѣ кровью; шей подвѣнечное платье, а савана не минуешь. Охъ мы грѣшные!.. Куемъ себѣ вѣнецъ, а выйдетъ гробъ, всему дѣлу конецъ. Ха! ха! ха!...»

Тутъ она вскочила со скамейки. Въ свѣтлицѣ никто не смѣлъ сдвинуться съ мѣста; страхъ оковалъ всѣхъ.

«Прощай, прощай, Макарушка! Помни о страшномъ судѣ; а быть бѣдѣ!.. Быть великой бѣдѣ!»

Съ сими словами колдунья опрометью выбѣжала изъ свѣтлицы; народъ ждалъ ее на улицѣ, но она ушла въ заднія ворота, и никто не зналъ, куда пропала проклятая вѣдьма.

«Охъ! батюшки свѣты! не здобровать намъ», кричала Мавра Понкратьевна съ громкимъ плачемъ.

Маша заливалась горькими слезами. Женихъ стоялъ какъ окаменѣлый.

Долго плакали, тужили, наконецъ предались во власть Божію, и Алексѣй собрался идти, помолился иконамъ и пошелъ домой.

Съ сильной тоской на душѣ шелъ онъ по темной улицѣ. Ни одинъ человѣкъ ни попался ему навстрѣчу: всѣ разошлись по домамъ и кругомъ было пусто. Домъ его стоялъ на самомъ концѣ села, и лишь только сталъ онъ подходить къ нему, вдругъ изъ за угла выскочила низенькая человѣческая фигура и остановилась предъ нимъ.

«Стой, добрый молодецъ!» закричала она отвратительнымъ голосомъ, и Алексѣй узналъ колдунью.

«Что тебѣ надобно?» спросилъ онъ, весь поблѣднѣвши отъ страха. «Зачѣмъ ты остановила меня?»

«Хочешь ли ты быть счастливымъ? Хочешь ли жениться на Машѣ?»

«Я и такъ женюсь на ней, а больше мнѣ ничего не надобно!» отвѣчалъ онъ, удивленный вопросомъ вѣдьмы.

«А когда хочешь, чтобъ не было бѣды, то ступай за мной, если же не пойдешь, будетъ горе неминучее, будешь плакать, да не воротишь».

«Куда-же ты поведешь меня въ этакую пору?»

«Не спрашивай, а ступай, коли самъ себѣ не ворогъ».

Съ робостію пошелъ за ней Алексѣй. Ночь была темная; ни одной звѣздочки не видно было на небѣ. Тихо вела его она по широкому полю къ берегу Днѣпра, и наконецъ они пришли къ тому мѣсту, гдѣ была привязана ея лодка.

«Садись, молодецъ! Поѣдемъ», сказала колдунья отвязывая лодку, «мѣшкать нечего!»

«Куда? О! нѣтъ, я ни за что ночью съ тобой не поѣду!»

«Садись, говорю я тебѣ, если хочешь быть счастливъ, а то вмѣсто Маши будетъ тебѣ дубовой гробъ!...»

Сильно забилось сердце у Алексѣя. Онъ не зналъ на что рѣшиться.... Но Маша.... Маша была для него дороже всего на свѣтѣ. Онъ сотворилъ молитву и проворно вскочилъ въ лодку.

Колдунья отвалила отъ берега и ударила огромнымъ весломъ.

Зашипѣла пѣна подъ тяжелымъ ударомъ. Волны заколыхались и понесли легкую лодку стрѣлой вдоль по рѣкѣ.

ГЛАВА IV.

Свадьбѣ не бывать. Радичъ. Нищій.

Не видать мнѣ, не видать
Обручальнаго кольца,
Съ милой сердцу не надѣть
Въ храмѣ Божіемъ вѣнца.

Ужъ пробило два часа; всюду была мертвая тишина, и ничего не было слышно на улицѣ, кромѣ отдаленнаго лая собакъ и стука сторожа, ходившаго изъ конца въ конецъ. Всякій спалъ пріятно послѣ дневныхъ трудовъ своихъ, но въ домѣ Алексѣя Булыча, Гавриловна, добрая тетка его и мать посаженная, не могла сомкнуть глазъ.

Съ вечера добрая старушка долго хлопотала, принимая приданое; наконецъ управилась, накрыла на столъ и поджидала своего Алешу ужинать.

Пробилъ одиннадцатый часъ. Алексѣй еще не приходилъ. Старушка вздремнула, лежа на кровати; прошелъ еще часъ, но его все еще не было.

«Господи Іисусе Христе!...» прошептала наконецъ она, вставши съ постели и протирая себѣ глаза. «Что это за оказія? Двѣнадцатый часъ, а Алеши все нѣтъ, какъ нѣтъ. Ужъ не случилось ли чего?... Помилуй Господи.... Да нѣтъ, чему же быть?» Тутъ она сѣла на скамейку и растворила окно. Прождавъ около часа, она начала безпокоиться. Безъ Алеши ужинъ не пошелъ на умъ бѣдной старушкѣ; она почти со слезами легла въ постель, но никакъ не могла заснуть до самаго утра.

Между тѣмъ и у Макара Антиповича въ домѣ вмѣстѣ съ курами всѣ поднялись. Свадебный поѣздъ долженъ былъ съѣхать со двора въ церковь къ поздней обѣднѣ, для того и нужно было пораньше прибрать и одѣть невѣсту.

Надобно было любоваться привлекательною наружностію Маши, когда ее совсѣмъ одѣли. Прекрасный сарафанъ

обхватывалъ стройный, милый станъ и отливался смѣсью радужныхъ цвѣтовъ съ блескомъ золота; богатое жемчужное ожерелье и низаный кушакъ— все это придавало ей видъ прелестный и величественный.

Въ большой свѣтлицѣ собрались поѣзжане и дожидались невѣсты. — На дворѣ стояло много богатыхъ подводъ; всѣ готовы были отправиться въ церковь.

Вдругъ кто-то быстро вбѣжалъ въ ворота, загремѣлъ по лѣстницѣ и дружко жениховъ, Игнатъ удалый, явился, запыхавшись, посреди свѣтлицы. Всѣ удивились его неожиданному приходу.

«Здравствуйте? Вы совсѣмъ, я вижу, готовы, а не знаете ли гдѣ женихъ? Мы нигдѣ не найдемъ его!»

«Какъ не найдете? Гдѣ же онъ?» закричали всѣ съ удивленіемъ. Маша поблѣднѣла.

«Да такъ вотъ не найдемъ; онъ вчера и дома не ночевалъ; я было сейчасъ къ нему, а бѣдная Гавриловна такъ я воетъ, вишь какъ вчерась ушелъ на дѣвичникъ, такъ назадъ и не при-

ходилъ.—Ужъ она хотѣла къ вамъ посылать».

«Владыко милостивый!» вскричалъ Макаръ Антиповичъ, всплеснувши руками. «Тяжко ты наказуешь меня за грѣхи мои!...» Онъ казался совершенно убитымъ горестію.

Маша какъ стояла, такъ и грянулась на полъ. Дѣвушки подняли ее, снесли въ другую комнату и, раздѣвши, положили на постель.

Мавра Панкратьевна жалобно выла.

«О, мы грѣшныя! Нѣтъ не сдобровать намъ: видно скоро страшный судъ.... Правду злая вѣдьма напророчила. Охъ, батюшки! куда приклонить головушку?»

Поѣзжане стояли всѣ въ испугѣ, неподвижные.

Наконецъ скоро вся свѣтлица наполнилась ропотомъ, тоской и плачемъ. Можно было подумать, что вмѣсто свадьбы тутъ приготовляются къ похоронному выносу. Вѣсть объ этомъ въ одну минуту разнеслась по всему селу; опять большія толпы народа собрались на улицѣ; всѣ толкали другъ друга,

шумѣли, кричали: «женихъ пропалъ!... Неужто!... Право, совсѣмъ пропалъ безъ вѣсти!... Да ужъ вѣдьма даромъ не навѣститъ!...» Шумъ усиливался больше, и народу все прибывало.

«Пустите, пустите, раздайтесь!» кричалъ кто-то, продираясь съ трудомъ сквозь толпу въ ворота къ Макару Антиповичу: это былъ Панъ Радичъ; онъ насилу пролѣзъ между взволновавшимся народомъ и вошелъ въ свѣтлицу.

«Что это значитъ?» спросилъ онъ съ удивленіемъ. «Такая пропасть народу, и всѣ кричатъ: пропалъ женихъ! да и вы обчемъ то горюете; это совсѣмъ не похоже на свадьбу.

«Охъ неужели ты не знаешь нашего горя, Станиславъ Михайловичъ? Наказалъ насъ Богъ! — Алеша-то въ самомъ дѣлѣ пропалъ....» отвѣчалъ Макаръ Антиповичъ со слезами.

«Какъ? Можно-ли это?... Да куда жъ ему дѣваться? Пустое! вѣрно, гдѣ нибудь дома!»

«То-то и есть, что нѣтъ: вишь дома то и не ночевалъ; Богъ знаетъ, куда дѣвался!...»

«Чудо, чудо! надобно поскорѣй искать его!» сказалъ Панъ Радичъ, качая головою. Онъ казался довольно тронутымъ.

Между тѣмъ какъ всѣ приглашенные разъѣхались, онъ остался и долго горевалъ какъ радушный пріятель. Всѣ работники Макара Антиповича отправлены были верхами въ разъѣздъ около села и по берегу Днѣпра. Маша рвалась, плакала и была все почти безъ памяти. Народъ не унялся толковать. Но все было безъ успѣха. Ужъ было за полдень, какъ всѣ работники воротились, не могши нигдѣ найти Алексѣя.

Начинало смеркаться.—Народъ хотя и поуспокоился, но все еще толковать не переставали; какъ вдругъ вниманіе всѣхъ обратилъ безобразный хромой нищій на костылѣ. Онъ, казалось, шелъ изъ далека и не похожъ былъ на Русскаго. Изорваный нѣмецкій кафтанъ съ большими пуговицами и разноцвѣт-

ными заплатами былъ весь обрызганъ грязью, лице желтое, обросшее бородой; круглая поломаная шляпа, ноги почти до колѣнъ голыя и большая суконная сумка придавали ему странный видъ.

Онъ подошелъ къ народу, снялъ шляпу и началъ ломанымъ русскимъ языкомъ просить милостыню. Всѣ обступили его кругомъ; всякому любопытно было видѣть страннаго прохожаго.

«Откуда ты идешь старикъ?» спросилъ одинъ изъ толпы.

«Изъ Питера, батюшка!» отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ. «Иду въ Кіевъ помолиться святымъ мощамъ, да вотъ ужъ ноги почти не ходятъ, хоть лягъ, да умри!...

«Да развѣ ты нашей вѣры? Ты, кажись, не Русскій!»

«Я изъ полоненныхъ Шведовъ, да ужъ давно перекрещенъ въ православную вѣру».

«А куда-жъ ты пойдешь изъ Кіева».

«Да опять въ Питеръ; тамъ меня держатъ изъ милости добрые люди;

дай Богъ имъ много лѣтъ здравствовать».

«Ладно, ладно, старикъ! пожалуй хоть отдохни у насъ», говорили многіе и подавали прохожему кто полушку, а кто кусокъ хлѣба.

Странникъ кланялся и хотѣлъ идти дальше, какъ вдругъ съ правой стороны показался Панъ Радичъ и подошелъ къ толпѣ.

«Кого это вы такъ обступили?» спросилъ онъ у народа, «что такое за диво?»

«Да вотъ прохожій идетъ въ Кіевъ, такъ подали ему милостыню», отвѣчали нѣкоторые изъ толпы.

Радичъ посморѣлъ значительно на нищаго, и на лицѣ его показалась краска.

«Откуда ты идешь, горемыка?» спросилъ онъ.

«Изъ Питера, честной господинъ, въ святой Кіевъ».

«Мнѣ кажется, ты очень слабъ; ѣлъ ли ты что нибудь сегодня?...»

«Съѣлъ корочку хлѣбца по милости Божьей, а больше ничего въ роту не было».

«Жалъ мнѣ тебя, бѣднякъ.... Ступай за мной; я тебя покормлю, а ты помолишь за меня Бога».

Нищій перекрестился, пошелъ, прихрамывая за Радичемъ, и народъ удивлялся добродушію польскаго пана. — Наконецъ, прошедши большую улицу, Радичъ привелъ его въ избу, занимаемую имъ: вошедши въ каморку оглядѣлся кругомъ, заперъ крѣпко дверь; тогда нищій бросилъ свой костыль, снялъ бороду и, сѣвши на лавку, сказалъ довольно твердымъ и грубымъ голосомъ:

«Тьфу!... чортъ побери, какъ я измучился, а пуще въ этомъ нарядѣ. Хоть бы и вправду отдохнуть, да съѣсть чего нибудь кусокъ!»

«А давно ли ты сюда прибрелъ?» спросилъ Панъ Радичъ.

«Только съ четверть часа; все не зналъ, какъ тебя сыскать; спросить не хотѣлось, да хорошо, что ты самъ напалъ!»

«А откуда ты? Далеко ли наши?»

«Да ужъ не изъ далека: верстъ полсотни, больше не будетъ. — А вотъ къ тебѣ есть письмо».

Онъ вынулъ изъ своей сумки завернутое въ черную тряпку письмо и подалъ Радичу.

Долго Радичъ читалъ письмо; глаза его сверкали, губы дрожали.

«Хорошо! увидимъ!...» сказалъ онъ, прочитавши; «а ты между тѣмъ отдохни, да отнесешь отъ меня отвѣтъ».—Онъ вынулъ изъ поставца конецъ большаго пирога, да флягу съ виномъ и поставилъ передъ посланнымъ, а самъ между тѣмъ написалъ письмо. Долго сидѣли они потомъ и тихо шептали между собой.

Наконецъ, когда по позднему времени ужъ никого не было на улицѣ, подложный нищій опять привѣсилъ себѣ бороду, взялъ костыль. Панъ Радичъ далъ ему червонецъ, и самъ проводилъ изъ села къ сосновой рощѣ. — Тамъ долго еще шептали они, наконецъ распростились, и Панъ Радичъ скоро воротился домой.

ГЛАВА V.

Алексѣй у вѣдьмы. Добрая дѣвушка. Долгій сонъ.

«Куда ты везешь меня?» спросилъ Алексѣй колдунью, когда она уже довольно далеко отплыла отъ берега.

Старуха не отвѣчала ни слова и помахивала весломъ; лодка летѣла быстро.

Алексѣй сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, отъ страха и неизвѣсности, что съ нимъ будетъ; сердце ужасно замирало; но надежда, обманчивая вѣщунья, всетаки нѣсколько ободряла его. Больше всего хотѣлось окончить скорѣй опасную поѣздку въ такую поздную пору.

Густой туманъ разостлался по рѣкѣ, за ужасной темнотой на два аршина впередъ ничего не было видно, и мертвая тишина облегла кругомъ.

«Куда же ты везешь меня? скажи пожалуй!» повторилъ Алексѣй.

Не было отвѣта.

«Чтожъ ты ничего не скажешь?. Иль ты онѣмѣла?»

«Онѣмѣла!...Охъ, ты буйная голова!... знай сиди, да привяжи языкъ-то Присталъ: куда везешь, куда везешь?... Ну, везу туда, гдѣ кладъ зарытъ. Вишь, ты безталанный, такъ хочу тебя наградить».

«Какъ? мнѣ кладъ?» вскричалъ Алексѣй почти со слезами, «на что онъ мнѣ?... Зачѣмъ ты увезла меня: мнѣ не нужно чужаго золота!»

«Не кричи, не кричи! у меня и нѣтъ золота, а есть такой кладъ для тебя, что во вѣкъ будешь съ нимъ покоенъ».

«Ну, не сердись, я такъ спросилъ тебя отъ того, что мнѣ какъ-то скучно. А скоро ли мы доѣдемъ?»

Но вдругъ близехонько показался огонекъ. За темнотой ночи и густымъ туманомъ берега не было видно; но лодка ударилась слегка о песокъ, остановилась, и вѣдьма закричала: «гай!... гай!... Груня!... Груня!...» Огонекъ на-

чалъ мало по малу приближаться, и наконецъ можно было разсмотрѣть, что онъ былъ зазженъ въ фонарѣ, который несла молодая смуглая дѣвушка въ суконной епанчѣ (уже извѣстная читателямъ). Подошедши къ самой лодкѣ, она остановилась и свѣтила имъ.

Вышли на берегъ. Дѣвушка привязала лодку, а фонарь отдала колдуньѣ.

«Ну, ступай же за мной, пригожій молодецъ!» сказала вѣдьма, свѣтя фонаремъ.

«Куда же еще мнѣ идти съ тобой?» спросилъ Алексѣй съ робостію.

«Ко мнѣ въ гости; у меня есть свѣжая брага, да сдобный каравай, а что будетъ дальше: слушай не зѣвай!»

«Такъ и онъ съ нами пойдетъ?» спросила дѣвушка, съ удивленіемъ взглянувши на Алексѣя.

«Да, ко мнѣ въ гости; тамъ споешь ты ему веселую пѣсенку».

Между тѣмъ они подошли къ сосновому бору. Зашумѣли подъ ногами сухіе листья; каждое слово громко отдавалось по лѣсу.

Алексѣй остановился.—«Господи Владыко!... ты никакъ ведешь меня въ сосновый боръ, — нѣтъ, я больше ни нашагъ не пойду».

«Не пойдешь? хорошо!» сказала колдунья съ злобнымъ смѣхомъ. «Хорошо! — оставайся здѣсь; достанешься голоднымъ волкамъ на ужинъ, либо русалкамъ на потѣху. Ничто человѣку, когда самъ себѣ ворогъ».

Она пошла съ дѣвушкой впередъ. Страшно показалось Алексѣю остаться одному, и онъ противъ воли принужденъ былъ идти за ними.

Наконецъ пришли къ избѣ; разбитое окно было завѣшано тряпицею, и худая дверь приперта большимъ березовымъ коломъ.

«Охъ, проклятый!» прошептала старуха, отворяя дверь, «убилъ таки у меня собаку: теперь нѣкому и встрѣтить».

Взошла въ избу, фонарь поставила на столъ.

«Ну, садись, доброй молодецъ», сказала старуха Алексѣю; «вотъ я выну каравай да поставлю бражки. Милости прошу откушать!»

«Нѣтъ, я ничего не хочу!—Пожалуйста, не хлопочи, а сдѣлай-то за чѣмъ сюда привезла меня».

«Вишь, какой спѣсивый гость; ну, такъ подожди, я приготовлю, да поворожу тебѣ про твой таланъ, да про твою долю!» Она начала рыться въ кулькахъ. Алексѣй съ любопытствомъ разсматривалъ все, что было въ избѣ. Молодая дѣвушка стояла напротивъ, у печки и смотрѣла на него съ видомъ состраданія. Казалось, она хотѣла что-то сказать, но боялась колдуньи. Алексѣй это замѣтилъ; для него было очень странно, но ничего не могъ понять изъ ея взглядовъ.

Между тѣмъ какъ колдунья все продолжала рыться въ мешечкахъ, дѣвушка отошла отъ печки, вынула какую-то бумажку изъ бурачка, висѣвшаго на стѣнѣ, и спрятала за пазуху, такъ что вѣдьма этого не примѣтила.

А та, сыскавши что ей было нужно, взяла большую каменную кружку, насыпала въ нее тихонько какого-то порошку и поставила на столъ; сама же

пошла къ поставцу, чтобы вынуть изъ него эндову съ брагой.

Но въ ту минуту какъ старуха, подошедши къ поставцу, оборотилась задомъ, дѣвушка проворно схватила кружку, высыпала изъ нея порошокъ и насыпала того изъ бумаги, что было у нея спрятано.

Вѣдьма налила полную кружку браги, посмотрѣла въ нее и съ довольнымъ видомъ поставила на средину стола, потомъ взяла съ шестка большой уголь и подошла къ Алексѣю.

«Ну, встань-ка добрый молодецъ! да становись вотъ здѣсь, напротивъ стола».

Алексѣй сталъ на указанномъ мѣстѣ.

Колдунья очертила углемъ около него на полукругъ.

«Слушай же, молодецъ!... Стой смирно, не оглядывайся, изъ круга не выходи, смотри на все, что будетъ, и ни слова нишни; а если хоть что нибудь вымолвишь, или выйдешь за кругъ,—на меня не пѣняй, а врядъ ли живъ будешь».

„Ладно, ладно, не шевельнусь!» отвѣчалъ Алексѣй, сталъ въ кругу какъ окаменѣлый и смотрѣлъ на все, не смѣя дохнуть.

Дѣвушка стала между тѣмъ поодаль его; прижавшись къ печкѣ, ласковымъ взглядомъ ободряла, чтобы онъ ничего не пугался.

Колдунья сняла съ полки небольшой коробъ, опрокинула на столъ и на него поставила кружку съ пивомъ. Все это накрыла рѣшетомъ и начала обкладывать кругомъ кусочками хлѣба, угольками и глиной. Расклавши все въ порядкѣ, поставила подлѣ рѣшета ночникъ и ковшъ съ водою.

Потомъ, взявши книгу, раскрыла и положила на рѣшето. Алексѣй посмотрѣлъ на книгу: листы были совершенно бѣлые. «Видно книга-то заколдована», ничего не видать, что въ ней написано», подумалъ онъ про себя.

Между тѣмъ старуха, остановясь передъ столомъ, начала кривляться, махала руками, долго что-то шептала, а послѣ посмотрѣла въ воду.

«Ого! го, славно, славно, милости просимъ!» закричала она громко. «Покуда хорошо, что-то будетъ дальше?»

Наконецъ взяла въ ротъ воды, спрыснула лице Алексѣю и закрыла ночникъ рукою.

Долго была въ избѣ темнота. Но лишь только старуха отняла руку, въ ночникѣ вспыхнулъ бѣлый, зеленоватый огонь. Кругомъ все освѣтилось и пошелъ пріятный запахъ.

Вѣдьма сняла рѣшето приподняла коробъ, и вдругъ изъ подъ него вылетѣла большая сорока.

«Милости просимъ!... Милости просимъ, сестрица!» закричала старуха. «Погадай съ нами, подумай, да разскажи намъ, о чемъ мы спросимъ».

Сорока сѣла на край кружки и повертывала кругомъ головою.

«Что, будетъ ли счастливъ этотъ молодецъ, или нѣтъ?

Сорока замахала крыльями и начала прыгать.—«Ну вотъ, слушай, молодецъ, сестра говоритъ, что ты скоро разбогатѣешь».

«А любитъ ли его невѣста?... Будетъ ли у нихъ ладъ, да дружба?»

Колдунья приложила ухо; сорока раскрыла ротъ и какъ будто что ей шептала. — «Радуйся добрый молодецъ!... сестра сказала, что Маша тебя любитъ безъ души, и тебѣ вѣкъ на нее не налюбоваться!»

«Что еще скажешь, сестрица?» Сорока затрясла головой.

«Ничего? Ну, и за то спасибо. Прощай, прощай!»

Въ ночникѣ затрещало. Вдругъ ужасный ударъ почти оглушилъ всѣхъ; въ избѣ сдѣлалось темно.

«Засвѣти Груня огню!» закричала старуха; «а ты садись, молодецъ; все кончено. Вотъ ты слышалъ свою судьбу, теперь смѣло женись,—будешь счастливъ; а мнѣ подари за ворожбу.

Алексѣй насилу отдохнулъ. — «Спасибо, бабушка, спасибо!... У меня теперь немного отъ страха поотлегло, а то смерть было запугала».

На столѣ не было ни короба, ни сороки: все было по прежнему.

«Ну вотъ, возьми себѣ за хлопоты!» сказалъ Алексѣй, подавая колдуньѣ нѣсколько серебряныхъ денегъ. — «Да отведи же меня поскорѣе домой».

«Не торопись, перегоди часокъ: теперь ѣхать опасно!» отвѣчала колдунья, положа въ карманъ деньги, и подала Алексѣю кружку браги.

«Выпей-ка вотъ прежде эту завороженную бражку на доброе здоровье; отъ нее будешь всегдапокоенъи счастливъ».

«Нѣтъ,— я ни за что не стану пить! мнѣ не хочется», отвѣчалъ Алексѣй, отталкивая кружку.

«Не станешь? Что ты? вздурился что ли?... Ну, да пожалуй не пей, поѣзжай домой, за то не видать тебѣ невѣсты, какъ ушей своихъ!»

Алексѣй ни за что не хотѣлъ выпить брагу. Дѣвушка, взглянувши на него, подала знакъ, чтобъ онъ выпилъ и не боялся.

«Пей же, коли хочешь быть счастливъ», повторила опять колдунья. Ободренный знакомъ дѣвушки, онъ наконецъ взялъ кружку и выпилъ до дна.

«Ну, вотъ славно!» сказала старуха, и злобная улыбка показалась на лицѣ ея.—«Теперь посиди, подожди немного, я свезу тебя;—до дому не далеко!»

«Пожалуйста, поскорѣе! Меня, я думая, дома заждались».

«Не торопись, я тебѣ говорю, теперь полночь; русалки по Днѣпру разгуливаютъ: пожалуй, перевернетъ лодку вверхъ дномъ, такъ заставятъ сырую уху хлѣбать».

Алексѣй рѣшился подождать. Но посидѣвши нѣсколько минутъ, вдругъ въ глазахъ у него потемнѣло и закружилась голова.

«Господи милостивый!... что такое со мной? Дайте мнѣ скорѣе воды! сказалъ онъ слабымъ голосомъ, склонившись на грудь.

Дѣвушка пошла за водой, но онъ уже, не могши усидѣть, упалъ безъ чувствъ на полъ.

«Не хлопочи, Груняша!» сказала старуха дѣвушкѣ. — «Поставь воду, да помоги мнѣ прибрать его. Ого!... да какой славный на немъ кафтанъ; на-

добно раздѣть, посмотрѣть, нѣтъ ли еще у него денегъ».

«Куда-жъ мы, тетушка, приберемъ его?» спросила дѣвушка.

«Куда? развѣ не знаешь? — Въ тотъ же оврагъ, гдѣ лежитъ гончаръ Гаврило; двоимъ-то имъ будетъ веселѣе», отвѣчала колдунья язвительно усмѣхаясь.

«Какъ въ оврагъ, тетушка? Да вѣдь онъ, кажется, еще живъ».

«Живъ?... Полно врать; типунъ тебѣ на языкъ!... мертвый не воскреснетъ!»

«Да посмотри, тетушка, право живъ!»

Старуха наклонилась къ Алексѣю и прислушивалась. Онъ тяжело дышалъ, будучи погруженъ въ глубокій сонъ».

«Батюшки мои!... точно.... точно живъ!... Онъ спитъ! Ахъ, я окаянная!» кричала колдунья; «какъ это я обманулась? Попуталъ чортъ, не той травы полужила. Ну, да ладно, какъ нибудь поправлю».

Она подошла къ печкѣ, вынула изъ берещаной корзины ножъ и начала точить объ шестокъ.

«Что ты дѣлаешь, тетушка? Неужели ты хочешь зарѣзать его?»

«А то какъ же? Взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. — Прибрать поскорѣе, да и концы въ воду!»

«Ахъ, тетушка!... родимая!... пожалуйста оставь, пожалуйста оставь, не рѣжь его. — Вишь, онъ какой добрый да пригожій, — снесемъ его подальше, пусть проснется, до идетъ Богомъ, куда надо!»

«Что ты, шальная?... Энъ что вздумала! — оставить себѣ на шею.... Съ ума что ли ты сошла?... Тогда проклятый полякъ убьетъ меня до смерти!»

«Нѣтъ, тетушка, не бойся! Я стащу его въ лѣсъ, въ подвалъ. запру тамъ, да стану кормить до тѣхъ поръ, покуда полякъ изъ нашей стороны уѣдетъ. Сдѣлай милость, пощади, родная!

«Нѣтъ, ни за что! Вишь вздумала приставать. Бѣлены что ли объѣлась? Молчи, проклятая!»

Дѣвушка залилась слезами и упала колдуньѣ въ ноги,—«Умилосердись, голубушка!... не бери новаго грѣха на

душу; когда нибудь умирать надобно. Страшенъ часъ смерти.... Подумай о Божьемъ судѣ!... Много ужъ ты душъ загубила, много обездолила.... Пусти хоть эту на покояніе, родимая!»

Дѣвушка обнимала ноги старухи, но у вѣдьмы блистали глаза отъ ярости, и она оставалась непреклонною.

«Нѣтъ! нѣтъ! — отшатнись отъ меня полоумная!... Изъ твоей потѣхи мнѣ себя не погубить?...

«Хорошо же!... будешь знать меня!...» вскричала дѣвушка и проворно вскочила. — «Коли добромъ не слушаешься, сейчасъ побѣгу въ село, разскажу все: какъ ты людей морочишь, губишь христіанскія души.... разскажу всѣ твои обманы. Какъ скоро твои шашни узнаютъ, такъ нагрянутъ и сюда, не побоятся... будетъ тебѣ худо!»

«Молчи, побродяжная! Ты побѣжишь на село! Ахъ ты гадина!... Смѣй только ступить, раздавлю какъ лягушку!»

«Нѣтъ, не замолчу! Вѣдь я не сонная, меня не зарѣжешь... Сама чѣмъ

не попадя отвѣчу. Сейчасъ пойду разскажу, какая ты злодѣйка... душегубка.... Какъ ты меня сдѣлала несчастной, прощай! — не дожидайся меня!...»

Дѣвушка выбѣжала вонъ. Старуха спохватилась, бросила ножъ и побѣжала за ней.

«Постой! постой, безумная!... Куда бѣжишь? На! — возми его себѣ!—такъ и быть. Только смотри, держи да не выпусти!... чтобы никто не зналъ; а если полякъ провѣдаетъ, не быть намъ въ живѣ!»

«Ужъ пожалуйста, никто не узнаетъ. А лучше на свѣтъ человѣка пустить, чѣмъ взять лишній грѣхъ на душу».

Вѣдьма обыскала соннаго Алексѣя, сняла съ него новый кафтанъ и надѣла худой сермяжный халатъ, потомъ положили его на рогожу и потащили далеко въ лѣсъ.

Тамъ, въ глубокомъ каменномъ подвалѣ, выстроенномъ передъ тѣмъ за 50 лѣтъ для гончарнаго завода, положили его на пукъ соломы. Подвалъ былъ темный, совершенная могила; только на

верху въ маленькую продушину можно было подавать пищу.

Старуха заперла подвалъ тяжелымъ замкомъ; ключъ взяла къ себѣ и воротилась съ доброй дѣвушкой въ свою ветхую лачугу.

ГЛАВА VI.

Тоска по женихѣ. Радичъ обольститель.

Послѣ того несчастнаго дня, когда надежды добраго отца и ожиданія друзей были такъ внезапно разрушены, Макаръ Антиповичъ, убитый скорбію, перемогался черезъ силу; наконецъ не въ состояніи будучи долѣе сносить, легъ, спустя три дня, въ постель. Имъ овладѣлъ ужасный недугъ. Мало оставалось надежды на выздоровленіе, и со дня на день ожидали его смерти.

Маша, несчастная Маша, лишась жениха и единственнаго друга своей юности, нѣсколько дней была почти въ безчувственномъ положеніи, и послѣ хотя нѣсколько оправилась, но жестокая грусть какъ змѣя терзала бѣдное сердце дѣвушки.

Во всемъ домѣ была всегдашняя тишина; никто почти не приходилъ навѣстить больнаго: всякому было непріятно идти навѣщать больнаго въ завороженный домъ, въ которомъ вѣдьма такъ много нанесла бѣды. Только одинъ изъ знакомыхъ Макара Антиповича постоянно, всякій день, его навѣщалъ, это былъ Панъ Радичъ, который ежедневно приходилъ въ 7 часовъ вечера, просиживалъ нѣсколько времени у постели больнаго, но долѣе всего старался пробыть съ Машей, окружая ее вниманіемъ и предупредительностію. Въ одинъ изъ вечеровъ онъ ясно открылся Машѣ въ любви. Робкая и неопытная дѣвушка сначала испугалась, но потомъ, вслѣдствіе приводимыхъ Радичемъ докучливыхъ доводовъ о ожидаемомъ ее счастіи, сказала ему, что кромѣ Алексѣя никого не можетъ любить и ни за кого на свѣтѣ не согласится выйдти замужъ.

Радичъ, огорченный неудачею, ушелъ домой и, пришедши на другой день, опять не пересталъ увѣрять ее въ сво-

ей пламенной любви; но все было напрасно.

Въ одно изъ подобныхъ посѣщеній Маша сидѣла въ своей комнатѣ и не замѣтила какъ взошелъ Радичъ.

«Прекрасная Машинька вѣрно не замѣтила, или, можетъ быть, не хотѣла замѣтить мой приходъ», сказалъ онъ, поклонясь ей.

«Нѣтъ, я что-то такъ задумалась.... Мнѣ сдѣлалось очень скучно.... такъ и не увидала, какъ вы взошли.

«О чемъ же такъ много думать? мыслями не поможешь. Сколько разъ я говорилъ тебѣ Машинька, что молодой дѣвушкѣ надобно быть веселой, а ты все плачешь....»

«Мнѣ быть веселой?... Развѣ вы не знаете, что батюшка при смерти боленъ; если бы хоть онъ выздоровѣлъ, много бы у меня отъ сердца отлегло, а то онъ умираетъ, и Алеши моего нѣтъ; какъ вздумаю объ этомъ, такъ слезы изъ глазъ сами собой и катятся».

Она заплакала. Радичъ началъ утѣшать ее, опять повторялъ прежнія пред-

ложенія, наконецъ сдѣлался гораздо вольнѣе и вдругъ поцѣловалъ ее.

Невинная дѣвушка вспыхнула отъ такой дерзости, заплакала, грозила сказать все Панкратьевнѣ и говорила, что она въ другой разъ не отойдетъ отъ нее ни на шагъ.

Панъ все слушалъ ее, наконецъ страшно заблистали глаза его. Онъ всталъ и спросилъ суровымъ голосомъ:

«Я теперь говорю съ тобой въ послѣдній разъ! Итакъ, скажи мнѣ откровенно, ты никогда не забудешь своего Алексѣя?»

«Никогда!» отвѣчала Маша.

«Слѣдовательно никогда не согласишься выдти добровольно за меня замужъ?»

«Никогда! Кромѣ Алеши, я не хотѣла быть ни за кѣмъ на свѣтѣ, такъ лучше и умру въ дѣвушкахъ».

«И въ этихъ словахъ никогда не перемѣнишься?»

«О! нѣтъ, я всегда буду говорить то же».

«Такъ прощай же! Мы когда нибудь увидимся; будешь много каяться, да не воротишь». Сказавши эти слова, онъ

вышелъ изъ свѣтлицы, сильно хлопнулъ калиткой и быстро пошелъ по улицѣ.

Маша сперва была нѣсколько испугана, но потомъ успокоилась. Радичъ на другой день не приходилъ. Прошло еще два дня—его не было. Наконецъ и въ день перелома болѣзни Макара Антиповича онъ не показывался. Надежда, что Радичъ оставилъ свои преслѣдованія, совершенно успокоила Машу.

ГЛАВА VII.

Слухи о мошенникахъ. Нечаянное открытіе. Побѣгъ Маши.

12-го августа, между тѣмъ какъ въ домѣ у больнаго Макара Антиповича было такъ грустно и пусто, — остроумный ораторъ, Платонъ Платоновичъ, уже извѣстный нашимъ читателямъ, пришедши отъ обѣдни, сидѣлъ за сытнымъ обѣдомъ съ почтеннымъ откупщикомъ, Борисъ Борисовичемъ, и еще двумя богагыми заводчиками. Жирная кулебяка была разрѣзана, полштофъ хорошаго травнику опорожненъ; во славу божію принялись за другой; пошли веселые разговоры, говорили много о томъ, о семъ, но, по тогдашнему времени, наконецъ коснулись и до атамана разбойниковъ.

«Что-то объ мошенникѣ-то всѣ замолчали», сказалъ Борисъ Борисовичъ, поглаживая усы.—«Съ мѣсяцъ ужъ ничего не слыхать; диковинка! словно куда провалился!»

«Да, съ тѣхъ поръ какъ Богъ посѣтилъ Антиповича, какъ въ воду канулъ, проклятый. Видно протурили назадъ, такъ и не смѣетъ показать носу».

«Да, видно что такъ. А что ни говори, жаль бѣднаго Антипыча, свернулся, сердечный».

«Работникъ говоритъ, что врядъ ли живъ будетъ. Я признаюсь, навѣстилъ бы, да боюсь, чтобы на себя чего не накликать. Ты былъ у него, Борисъ Борисычъ?»

«Нѣтъ! Богъ съ нимъ! еще пожалуй бѣды наживешь.... Вишь, на него проклятая вѣдьма какъ напустила, какъ будто заколдовала весь домъ. Кому же ходить охота. Только и слоняется одинъ полякъ Радичъ, да вѣрно не съ проста; я думаю, ужъ не подбирается ли онъ къ дочкѣ».

«Да и не мудрено», сказалъ Платонъ Платоновичъ, разрѣзывая жареную рыбу. «Я его вижу каждый день: все ходитъ въ сумерки мимо окошекъ; да вотъ ужъ дни съ четыре и его не видать нигдѣ, куда-то скрылся. Этотъ полякъ настоящая aenigma aenigmatum (загадка изъ загадокъ) для всѣхъ добрыхъ людей; его никакъ не поймешь».

«Ужъ и подлинно не поймешь: какой-то чудной. Для чего здѣсь живетъ, Богъ знаетъ; все высматриваетъ, да выглядываетъ; собирается ѣхать въ Кіевъ, а не ѣдетъ. Нанялъ у Нилыча избу, а тотъ говоритъ, что изба всегда почти на замкѣ, а онъ шляется ни вѣсть гдѣ, только темная ночь загонитъ. Да что говорить? Самъ лѣшій, прости Господи, его не разгадаетъ!»

«А я такъ немножко разгадалъ, что онъ за звѣрь!» сказалъ рыжій заводчикъ, Федулъ Карпычъ. «Вотъ какъ отобѣдаемъ, я скажу вамъ секретъ; только чуръ молчать!... А то введете меня въ слово».

Обѣдъ кончился. Всѣ окружили съ любопытствомъ Федула Карпыча и не-

терпѣливо желали узнать новость про непонятнаго поляка.

«Ну, разскажи-ка намъ, почтеннѣйшій, что такое!» возгласилъ Целеберримусъ, понюхивая табакъ, «разрѣши намъ эту непостижимую задачу».

«Слушайте, любезные!» говорилъ Карпычъ, озираясь кругомъ и смотря съ робостію на дворъ. «Первое я вамъ скажу, что онъ польскій господинъ, а долженъ быть или еретикъ, или самъ нечистый духъ!»

«Господи Іисусе!» закричали всѣ, перекрестясь. «Что ты Карпычъ?...»

«Быть не можетъ, чтобы это былъ воплощенный духъ тьмы», возразилъ Платонъ Платонычъ; «тѣ исчезаютъ отъ имени Божія, а онъ бывалъ при мнѣ въ церкви».

«Ну, коли не дьяволъ, такъ ужъ вѣрно еретикъ или колдунъ; за это головой отвѣчаю!»

«Да вѣрно ли ты это знаешь?» спросилъ Борисъ Борисычъ, нахмуря брови.

«Такъ, какъ самъ себя. И это видно вотъ почему, что проклятый полякъ за одно съ окаянной вѣдьмой».

«Батюшки свѣты!... часъ отъ часу не легче.... Гдѣ жъ ты это успѣлъ развѣдать?»

«А вотъ, выслушайте: назадъ тому съ недѣлю была у меня кума Варвара въ гостяхъ; мнѣ и захотѣлось попотчивать ее ухой, нынче же постъ, вотъ я послалъ за рыбой къ Игнаткѣ, перевозчикову сыну. Гляжу и тащитъ мнѣ рыбу самъ старикъ, его отецъ; я взялъ рыбу и позвалъ его къ себѣ въ каморку разсчитаться; старикъ-то онъ такой добрый, взялъ съ меня дешево, вотъ я и задалъ ему хорошую чарку сивухи. Тутъ мы поразговорились, и пришлось мнѣ какъ-то спросить, не случилось ли какой бѣды въ ту ночь, какъ была большая-то буря.—Нѣтъ, у всѣхъ Богъ пронесъ, отвѣчалъ онъ, только я остался чуть живъ. Мнѣ захотѣлось узнать, отъ чего старикъ не сказываетъ; я добиваться,—нѣтъ, молчитъ, собрался домой. Я ему еще чарку: мой старикъ и сталъ поразвязнѣе, только Христомъ да Богомъ просилъ никому не сказывать! А ужъ и поразсказалъ мнѣ!...»

«Что жъ такое? Скажи пожалуйста!» спросили всѣ съ нетерпѣніемъ.

«А вотъ что: въ эту бурную ночь и пришелъ къ старику какой-то закутанный человѣкъ, весь въ черномъ, да совсѣмъ было хотѣлъ зарѣзать, — вишь перевези его въ такой вихорь на другую сторону; нечего было дѣлать—повезъ. А у дьявола то вишь харя то такая страшная, глаза какъ два угля такъ и блестятъ и поминутно перемѣняются: то покраснѣютъ, то позеленѣютъ; какъ переѣхали — такъ вишь окаянный и пошелъ прямо къ вѣдьмѣ въ сосновый боръ, а старику велѣлъ дождаться!»

«Господи! какая страсть. Да, можетъ быть, это былъ не Радичъ».

«Нѣтъ, вишь, онъ самый. Старикъ какъ оттуда везъ, такъ и разглядѣлъ его. А видно, богатъ, что отсыпалъ старику рублей шесть серебромъ».

«Ахъ, проклятый!... Спаси Господи отъ этого ворога. Ну, такъ и не диво, что онъ пропалъ. Того и жди, и гляди нанесетъ на насъ какую-нибудь бѣду!»

Долго не переставали они толковать объ этомъ происшествіи съ ужасомъ. Винные пары, соединясь съ суевѣріемъ, представляли имъ все въ увеличенномъ видѣ; наконецъ дѣло дошло и до споровъ; какъ вдругъ кто-то скоро прошелъ по двору; растворилась дверь, и знакомый намъ пивоваръ вошелъ запыхавшись въ избу.

«Что вы здѣсь посиживаете, разгульные? А не знаете новости, что у насъ бѣда за плечами», сказалъ онъ едва переводя духъ.

«Какъ бѣда? какая?... Неужто Господь еще какую напасть посылаетъ?»

«А вотъ какая напасть, что разбойники отсюда не далеко: того и гляди завтра къ намъ въ гости нагрянутъ!»

«Господи многомилостивый!... Вотъ еще радость! Да кто объ этомъ узналъ?»

«Гаврюшка Коняй какъ шальной пріѣхалъ съ мыльнаго завода, вишь верстахъ въ 30 отсюда видѣлъ бродягъ изъ ватаги Чернаго Ворона; они зажгли тамъ суконную фабрику, всѣхъ перебили, да и пируютъ. А слышно, что на нашу братью не такъ нападаютъ, а

все больше на бояръ, да на прикащиковъ; особливо коли кто злой, разомъ свернутъ шею!»

«Экіе разбойники!... Да гдѣ имъ и насъ помиловать!... Слава Богу, что не застали въ расплохъ. Надобно куда нибудь убраться», закричалъ Федулъ Карпычъ въ испугѣ и побѣжалъ вонъ изъ горницы.

Другой заводчикъ спѣшилъ за нимъ.

«Что намъ будетъ дѣлать? Куда дѣваться? Пропало наше доброе!» вскричалъ Борисъ Борисовичъ.

«Да нечего больше дѣлать, какъ забрать все, что помягче, да унести поскорѣе ноги. Я забѣжалъ было къ приказному крючку, Конону Устинову, а онъ ужъ все узналъ и лежитъ въ постели; давеча я видѣлъ, былъ здоровъ, а теперь видно съ удальства лихорадка прошибла. Да, правду сказать, и не этакого горе свалитъ».

«Посмотрите-ка, народъ весь бѣгаетъ какъ шальной; иной не знаетъ куда и дѣваться. Да и мнѣ пора».

«Прощайте, братцы; убирайте головы покуда цѣлы!»

Онъ проворно ушелъ, за нимъ и Борисъ Борисовичъ.

Остался одинъ почтенный философъ; но такъ какъ его имущество состояло больше въ наличныхъ деньгахъ, оставшихся послѣ покойнаго отца, соборнаго псаломщика, то ему и не долго было уложить свои пожитки.

Между тѣмъ на улицѣ сдѣлался въ самомъ дѣлѣ ужасный крикъ и суматоха: всѣ бѣгали взадъ и впередъ, не зная куда, увязывали, укладывали; всякому хотѣлось въ ночь убраться. Пьяный народъ бушевалъ, кричалъ, бѣгалъ съ фонарями, и страшно было смотрѣть на картину всеобщаго ужаса.

Несчастная Маша, видя всеобщее смятеніе, страхъ, при такомъ слабомъ состояніи отца, не могли ничѣмъ помочь ему и, лишась друга, который бы могъ подать утѣшеніе, почти совершенно потеряла разсудокъ. Сердце ея замерло отъ грусти и ужаса. Даже слезы не текли и не облегчали груди ея.

Но всѣхъ жалостнѣе было положеніе добродушнаго Макара Антиповича. Одержимый болѣзнію, не имѣя силъ

никуда удалиться отъ всеобщаго разоренія, онъ, услышавши страшную вѣсть, всплеснулъ дрожащими руками, заплакалъ и слѣпо поручилъ себя предопредѣленію Божію. Только одна мысль чрезвычайно убивала его — мысль, что невинная дочь должна будетъ достаться на поруганіе злодѣямъ; это совершенно лишило его послѣднихъ силъ, и состояніе его сдѣлалось еще хуже.

Маша, не зная, куда спрятаться отъ шуму, крику, и видя кругомъ дома буйныя толпы устрашеннаго народа, бѣгала изъ свѣтлицы въ свѣтлицу, оттуда на дворъ. Вспомнила наконецъ про задворный огородъ; тамъ было все тихо, и она опрометью побѣжала туда.

Огородъ былъ изобильно засѣянъ разными овощами, но такъ какъ въ немъ было много яблонь и грушъ, то кругомъ высокій деревянный заборъ защищалъ его отъ лакомыхъ мошенниковъ.

На самомъ концѣ была деревянная небольшая бесѣдка, въ которой Макаръ Антиповичъ часто обѣдывалъ, и здѣсь-то бѣдная дѣвушка, упавши на скамейку, наконецъ залилась горькими сле-

зами. Долго она плакала; бѣдное сердце разрывалось на части; какъ вдругъ какой-то шорохъ около стѣны и невнятный разговоръ привлекъ ея вниманіе.

Сперва она очень испугалась, но слыша, что разговоръ все продолжался, приложила ухо къ щели и ясно услышала, что говорили между собою трое незнакомыхъ мужчинъ.

«Ну, что тутъ думать?» говорилъ одинъ голосъ, «вотъ прямо изъ огорода заднее крыльцо, а заборъ вѣдь не высокъ».

«Оно такъ», говорилъ другой, «да не худо бы еще быть четвертому, а то троимъ не очень ловко справиться».

У Маши сердце пуще замерло, и она продолжала слушать.

«Пустяки! — какъ не управиться?» говорилъ одинъ голосъ: «ты останешься у озими съ кибиткой, а мы съ Бушуемъ прямо на крыльцо; свѣтлица ея крайняя со двора; стащимъ съ постели, завернемъ въ простыню, да и въ повозку. А если нянька или старый хрычъ помѣшаетъ, зададимъ карачунъ,—однакожъ безъ нужды онъ ни-

кого рѣзать не велѣлъ, еще видно добрая душа».

«Ну, пойдемъ, полно толковать», прервалъ другой, «ляжемъ съ тобой гдѣ поукромнѣе, а ты пошелъ къ повозкѣ; какъ всѣ улягутся въ домѣ, такъ и за работу!»

Сказавши эти слова, они всѣ трое пошли вдоль стѣны, и больше ничего не было слышно.

Покуда они ушли, Маша слушала все, ни живая, ни мертвая; трудно изобразить ея ужасъ!

«Господи, Боже милостивый!» вскричала она, упавши на колѣни. — «Въ комъ я найду прибѣжище отъ злодѣевъ, которые со всѣхъ сторонъ стерегутъ меня? Защити, мать Пресвятая Богородица!...»

Страхъ совершенно оковалъ всѣ ея чувства; съ одной стороны жестокое состояніе отца убивало ее и привязывало къ нему, но мысль, что увезутъ ее Богъ знаетъ куда и, можетъ быть, поругаются честнымъ именемъ, — эта мысль наконецъ заставила ее убѣжать куда глаза глядятъ.

Она тотчасъ вышла изъ огорода и вошла въ свою свѣтлицу. Тамъ съ горькимъ рыданіемъ встрѣтила ее добрая Мавра Панкратьевна.

«Гдѣ это ты была, мое дитятко безталанное, горемышное? Я ужъ испугалась и не знала, гдѣ искать тебя».

«Я гуляла въ огородѣ, тамъ такъ тихо. А что, каковъ батюшка?»

«Безъ памяти голубушка моя, все безъ памяти».

Маша вошла въ комнату отца, долго рыдала надъ нимъ и тысячу разъ покрывала безчувственную руку поцѣлуями; наконецъ, предавши его милосердію, и покровительству Божію, вышла вонъ. Панкратьевна слѣдовала за ней съ плачемъ до самой ея свѣтлицы.

«Оставь меня, тетушка родимая! я лягу спать; мнѣ что-то уснуть захотѣлось. Да и сама спи со Христомъ. Что будетъ завтра,—положимся на Бога, а по своему ничего не сдѣлаешь».

«Ахъ, гдѣ ужъ мнѣ спать, пташечка моя! Да я знаю, и ты не уснешь; ну, хоть полежи, все лучше. Прощай, Христосъ съ тобой, золотая моя!»

Она перекрестила Машу и ушла къ постели безчувственнаго Макара Антиповича.

Между тѣмъ Маша заперлась и долго молилась на колѣняхъ съ душевнымъ усердіемъ. Потомъ, когда всѣ мало по малу на улицѣ поуспокоились, и шумъ нѣсколько утихъ, надѣла сверхъ сарафана короткую гронитуровую шубейку, завязала въ узелокъ нѣсколько необходимаго бѣлья, вышла потихоньку на дворъ, отперла ворота и пошла вдоль по улицѣ.

Кругомъ была совершенная темнота. Только суетливый народъ изрѣдка мелькалъ съ фонарями. Многіе попадались навстрѣчу робкой дѣвушкѣ, но въ суетахъ никто не замѣтилъ ее; она благополучно вышла изъ села на большую дорогу, еще разъ взглянула на счастливую колыбель своей юности и сама, не зная куда, пошла по широкому полю.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
Глава I.	Рукобитье. Панъ Радичъ. Вѣдьма-Колдунья	5
„ II.	Бурная ночь. Вѣдьма. Заговоръ . . .	29
„ III.	Дѣвичникъ. Опять колдунья. Мнимое предсказаніе. Прощай женихъ	46
„ IV.	Свадьбѣ не бывать. Радичъ. Нищій . .	53
„ V.	Алексѣй у вѣдьмы. Добрая дѣвушка. Долгій сонъ	63
„ VI.	Тоска по женихѣ. Радичъ обольститель	79
„ VII.	Слухи о мошенникахъ. Нечаянное открытіе. Побѣгъ Маши	84

ПАНЪ РАДИЧЪ

или

СТРАШНЫЯ НОЧИ ЗА ДНѢПРОМЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

взятый изъ народныхъ преданій.

Н. Инзарцева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. И. ПРѢСНОВА.

МОСКВА.

Типографія Т. Рисъ, у Яузской части, д. Медынцевой.

1875.

Дозволено цензурою. Москва. 9 октября 1874 года.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

Алексѣй узникъ. Утѣшительница. Панъ Радичъ.

Вы хотите спросить меня, любопытный читатель, въ какомъ положенiи находится теперь бѣдный Алексѣй. Какъ онъ перенесъ свое неожиданное несчастiе?... Не безпокойтесь! я предупреждаю васъ, и сей часъ разскажу вамъ все въ подробности.

Ужъ прошла та роковая ночь, въ которую скаредная колдунья лишила свободы невиннаго и простодушнаго юношу. Разсвѣло. День былъ прекрасный; солнце величественно выплывало изъ за отдаленныхъ лѣсовъ и совершенно прогнало остатки густаго тумана; птички въ тѣни сосноваго бора составили прiятный концертъ; но бѣд-

ный узникъ все еще не просыпался. Сильное дѣйствіе усыпительнаго порошка отяготило его утомительнымъ сномъ, и несчастный лежалъ еще на связкѣ соломы безъ движенія.

Наконецъ, уже высоко поднялось солнце и наступилъ десятый часъ дня, когда онъ началъ приходить въ чувство; открывши глаза, и видя себя въ совершенной темнотѣ, онъ протянулъ руку и ощупалъ связку соломы. Не могши понять съ просонья, гдѣ находится, онъ всталъ, протеръ себѣ глаза и наконецъ къ удивленію примѣтилъ маленькое окошко въ каменной стѣнѣ. Трудно изобразить весь его ужасъ и недоумѣніе. Видя себя одного, оставленнымъ въ просторномъ подвалѣ, долго онъ не могъ припомнить и сообразить того, что случилось въ прошлую ночь. Голова его была тяжела и пуста, какъ послѣ тягостной боли. Все прошедшее вмѣстѣ: колдунья, невѣста и дѣвичникъ, все какъ хаосъ смѣшалось и не ясно представилось его воображенію. Долго сидѣлъ онъ и приводилъ въ порядокъ свои мысли, но пришедши въ

себя и видя ясно свое несчастіе, горько заплакалъ.

«Боже милостивый! очень я былъ несчастливъ всю жизнь мою, и только того не доставало, чтобъ ты лишилъ меня утѣхи видѣть прекрасный свѣтъ твой! Теперь я похороненъ заживо, и ты не защитилъ меня, Создатель, отъ проклятой злодѣйки! Но да будетъ воля Твоя; видно мнѣ ужъ такъ на роду написано!...» Онъ продолжалъ безутѣшно плакать; больше всего убивала его грусть, что этотъ день долженъ быть радостнѣйшимъ въ его жизни, соединивши съ прекрасной Машей, которой онъ теперь на вѣки лишился. Сердце замирало отъ страха и жестокой тоски; голодная смерть представлялась со всѣми своими ужасами, и злополучный Алексѣй, не могши болѣе преодолѣть скопившихся чувствъ, отъ стѣсненія въ груди упалъ замертво на свою скудную постель.

Прошла ужъ большая половина дня, какъ онъ опомнился. Кругомъ все было сыро и пусто; дрожь пробѣгала невольно по всему тѣлу; наконецъ кто-то

показался у окошка, и довольно знакомый голосъ громко спросилъ:

«Спишь ты, или нѣтъ, молодецъ?»

Алексѣй чрезвычайно испугался, но увидѣвши ясно, что это была не вѣдьма, ободрился и отвѣчалъ печально.

«Нѣтъ, не сплю, да и какъ можно спать въ такой могилѣ?»

«Ты очень слабъ, еще ничего не ѣлъ, на вотъ, прими, покушай да испей на доброе здоровье!»

При сихъ словахъ дѣвушка просунула ему въ отверстіе небольшей узелокъ съ хлѣбомъ и кувшинъ молока. Алексѣй принялъ все и положилъ на солому.

«Спасибо тебѣ, добрая душа, что не оставила меня умереть съ голоду. Но скажи пожалуйста, какой злой человѣкъ заперъ меня заживо въ могилу? Или я кому зла желалъ? или кому что сдѣлалъ?...»

«Богъ вѣсть! Я этого не знаю; а только есть противъ тебя, горемычнаго, великій злодѣй; онъ твоей смерти какъ воронъ крови ищетъ, и еслибъ не я, не быть бы тебѣ въ живѣ!»

«Господи Боже мой! Ктожъ этотъ злодѣй? Порукой мать Пресвятая Богородица, что я противъ себя ни одного ворога не вызывалъ и не накликивалъ!»

«Не вызывалъ, да самъ навязался.... А страшной ворогъ! — жаль мнѣ тебя, ужъ такъ и быть все тебѣ скажу; ты знаешь поляка, что живетъ въ вашемъ селѣ? Ну, еще такой богачъ.... Я забыла, какъ его зовутъ».

«Панъ Радичъ!... Господи!... неужели это онъ моей грѣшной души ищетъ?»

«Онъ, онъ проклятый пріѣзжалъ къ моей теткѣ злодѣйкѣ, далъ ей золотой, да еще сулилъ сотню, чтобы тебя уходить. Вотъ она обманомъ вчерась и затащила тебя къ себѣ, хотѣла погубить отравой; да скажи мнѣ спасибо: я подмѣнила отраву на сонное зелье и тутъ хотѣла было зарѣзать тебя окаянная, да и опять таки я упросила.... Ужъ такая была буря, что святыхъ вонъ понеси!»

«Спаси тебя Творецъ батюшка за твою милость! Если Богъ велитъ на свѣтъ бѣлый выдти, во вѣки тебя не забуду, голубушка. Вижу я, за что

меня злодѣй ненавидитъ! Онъ подыскивается къ моей милой Машинькѣ, проклятый; да нѣтъ, она его не полюбитъ: только здѣсь мнѣ горько несчастному».

«Не плачь, молодецъ, не плачь!» говорила добрая дѣвушка не отходя отъ окна. «Я бы тебя и теперь выпустила, да тетка къ себѣ ключъ убрала, а замокъ сбить я не умѣю. Ну, да потерпи; я всякій день буду навѣщать тебя, принесу, что поѣсть; съ голоду не умрешь. А тамъ что будетъ.... Надѣйся на Бога!... Прощай!... мнѣ некогда, да не плачь пожалуйста».

Она ушла. Алексѣй опять залился слезами; сердце его разрывалось на части; до самаго вечера онъ не могъ ничего ѣсть и когда, уже смерклось, проглотилъ небольшой кусокъ хлѣба.

Наступила ночь. Страшно было ему въ темной дубравѣ. Ночной соловей, веселясь своей свободой, напротивъ самаго окна пріятными трелями развлекъ было нѣсколько его ужасъ; но два голодные волка, пришедши къ дверямъ и почуя запахъ человѣка, своимъ отвратительнымъ воемъ заглушили пріятную

мелодію. Сова влетѣла въ отверстіе и искала себѣ пищи; Алексѣй съ трудомъ прогналъ ее. Бросясь на свою постель, онъ не могъ сомкнуть глазъ до разсвѣта.

Такъ несчастный проводилъ время каждый день. Денные и ночные собесѣдники своими напѣвами усиливали грусть и ужасъ его; только добрая дѣвушка, принося кушанье доставляла ему нѣсколько минутъ отрады.

Протекла безконечная недѣля заключенія Алексѣя, вѣдьма ждала къ себѣ Пана Радича, но онъ все еще не бывалъ. Жадная старуха злилась и, отчаявшись обѣщанной награды, посылала ко всѣмъ дьяволамъ и тысячу разъ проклинала хвастливаго поляка; наконецъ, 18 іюля по вечеру сильно кто-то застучалъ въ дверь ея лачуги.

«Кто тутъ?» спросила вѣдьма въ испугѣ; «отшатнись, а не то худо будетъ!»

«Отопри, старуха! Неужели не узнала меня?» кричалъ грубый голосъ, и старуха, узнавши Радича, опрометью побѣжала къ дверямъ.

«Ахъ, родимый, золотой!... Это ты, мой батюшка! Ну вотъ, насилу-то тебя Богъ принесъ; а я ужъ ждала, ждала да и отчаялась. Здоровъ ли, мой голубчикъ?»

«Слава Богу! Ну, спасибо тебѣ, заварила ты въ селѣ кашу по моему приказу. Сколько было слезъ да вытья, всѣ было взбѣгались, какъ будто съ бѣлены, да нигдѣ не нашли. А на насъ съ тобой никто и не думаетъ!»

«Ну, вотъ и хорошо, мой батюшка! Я все сдѣлала, какъ надо. Теперь ужъ ты не зѣвай,—держи ухо востро!»

«Я и такъ не зѣваю. У меня дѣло скоро пойдетъ на ладъ.—Старикъ Макаръ издыхаетъ, Маша плачетъ, а я утѣшаю ее; если же не утѣшу, такъ по своему сдѣлаю. Да разскажи-ка мнѣ какъ ты съ удальцемъ управилась».

«О!... У меня коротка расправа: завезла сюда ворожить, наворожила, застращала съ три пропасти, дала браги съ соннымъ зельемъ, да и ножемъ въ горло. Вотъ его и платье! посмотри, родимый!» При семъ словѣ она поглядѣла сурово на смуглую дѣвушку, вы-

тащила изъ мѣшка кафтанъ Алексѣевъ, выпачканный куриной кровью, и подала Радичу.

«Славно! славно!» сказалъ Радичъ, смотря на кафтанъ; «я думаю и не пикнулъ, сердечный!—Ну, да туда и дорога. А кудажъ ты прибрала его?»

«Куда?... о, у меня мѣста много, золотой!—вонъ стащила въ оврагъ, тамъ и пируютъ вдвоемъ съ Гаврилой Гончаромъ. Тоже былъ мошенникъ, насилу уходила весной; да тотъ ужъ чай совсѣмъ сгнилъ, либо вороны ощипали, да и этому тоже достанется».

«Молодецъ, старуха, молодецъ; только бы атаманомъ быть. Коли рука не дрогнетъ, такъ быть дѣлу; много ты отъ меня денегъ наживешь; а теперь что обѣщалъ, то на вотъ, возьми! Только и впередъ сдѣлай что будетъ нужно».

Онъ бросилъ на столъ кошелекъ золота; старуха схватила его, высыпала на руки червонцы и запрыгала какъ сумасшедшая.

«Изволь, батюшка, изволь дорогой, изволь кормилецъ, изволь золотой!...»

Она продолжала прыгать, всыпала деньги въ карманъ, звенѣла ими и не помнила себя отъ радости.

Полякъ смотрѣлъ на нее долго съ удивленіемъ.

«О! изъ этой гадины можно все сдѣлать золотомъ!» прошепталъ онъ тихо и наконецъ ударилъ колдунью по плечу.

«Полно прыгать-то! поговоримъ лучше объ дѣлѣ».

«Поговоримъ, батюшка, поговоримъ! Слушаю, изволь говорить!» отвѣчала старуха, все еще не опомнясь.

«Ну, слушай же! Сперва я обхлопочу дѣло съ Машей, тамъ скоро подойдутъ ко мнѣ товарищи, и будетъ у насъ большая работа. Если до тебя случится нужда, смотри, не зѣвай; когда приду къ тебѣ съ гостями, прими хорошенько, а ужъ довольна будешь. Мои товарищи спѣшатъ издалека въ поле; а къ тебѣ все-таки загуляемъ».

«Слушаю, батюшка, слушаю!... милости просимъ, всего наготовлю и что нужно будетъ сгоношить, душой рада!»

«Ну, такъ прощай!... Смотри же не зѣвай, а я буду свое работать до августа, а тамъ пойдетъ потѣха».

«Прощай, батюшка, прощай родной! Да позволь спросить тебя: ужъ ты не за одно ли съ добрымъ молодцемъ по прозванью Чернымъ Ворономъ?»

«Тсъ!... молчи!» Радичъ приложилъ палецъ ко рту старухи и скоро вышелъ изъ избы.

Старуха, оставшись одна, перецѣловала всѣ червонцы и не легла уснуть во всю ночь отъ удовольствія. На другой день долго любовалась ими; наконецъ, перетерла, положила въ сундукъ, и этотъ день былъ для нея радостнѣе всей жизни.

ГЛАВА II.

Набѣгъ разбойниковъ. Опустошеніе. Радичъ или Черный Воронъ. Онъ является. Смерть Макара Антиповича.

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній,
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній.

Прошла половина страшной ночи послѣ всеобщаго смятенія, и вскорѣ послѣ побѣга Маши двѣ широкія улицы села Д... стали совершенно пусты и темны. Всѣ жители выѣхали, опасаясь опустошенія отъ набѣга злодѣевъ, и ни въ одномъ домѣ не было видно огня. Только въ свѣтлицѣ страждущаго Макара Антипыча теплилась лампада передъ образомъ Богоматери всѣхъ скорбящихъ и разливала тусклый свѣтъ. Онъ былъ все безъ памяти. Добрая Пан-

кратьевна, сложа крестообразно руки, съ поникшей головой сидѣла передъ образомъ подлѣ больнаго. Въ набожныхъ и печальныхъ размышленіяхъ она было задремала, какъ вдругъ ужасный стукъ пробудилъ ее: онъ былъ слышенъ изъ боковой свѣтлицы. Больной вздрогнулъ, открылъ глаза и спросилъ слабымъ голосомъ: «что такое?...» Набожная старуха не знала, что подумать и, зажегши свѣчу, пошла посмотрѣть; но лишь только отворила дверь Машиной свѣтлицы, какъ два человѣка съ фонаремъ выскочили одинъ за другимъ въ открытое окошко и побѣжали черезъ дворъ въ огородъ.

Бѣдная Панкратьевна отъ ужаса уронила изъ рукъ свѣчу и едва могла закричать: «воры, воры! разбойники!...» На крикъ ея прибѣжалъ работникъ, только одинъ оставшійся въ домѣ; зажгли огня; въ комнатѣ было все разбросано, постель раскидана, и Маши не было.

Кто изобразитъ весь ужасъ простодушной старушки! Она побѣжала съ громкимъ воплемъ въ комнату больнаго

и тамъ, грянувшись на старинныя кресла, вскричала:

«Ой, батюшки!... родимые мои! Машиньку нашу увезли!... Что намъ дѣлать? — пропала золотая моя, сгибла, пропала!...»

«Пропала!» прошепталъ больной въ жару. «Ну что жъ? Богъ обрящетъ ее!...» Онъ улыбнулся и опять погрузился въ безчувственность.

Мавра Панкратьевна не переставала плакать, и ея вопли раздавались по опустѣлымъ хоромамъ.

Ударило три часа, но на темныхъ улицахъ еще никто не показывался, кромѣ нѣсколькихъ собакъ, оставленныхъ хозяевами. Румяная заря начала заниматься, все еще ни кого не было слышно; но когда совершенно разсвѣло, густая пыль поднялась столбомъ по большой дорогѣ съ противуположной стороны Днѣпра, и большая толпа мошенниковъ, не менѣе 100 человѣкъ, вооруженныхъ какъ кто могъ, съ яростнымъ крикомъ спѣшила въ опустѣлое селеніе. Достигши до средины улицы и не видя ни однаго живаго человѣка,

ватага остановилась и казалась въ недоумѣніи.

«Чортъ побери!» закричалъ одинъ высокорослый разбойникъ изъ толпы. «Видно, здѣсь всѣ повымерли: ни одинъ дьяволъ не показывается, кромѣ шальныхъ собакъ».

«Нѣтъ, должно быть, еще спятъ, такъ мы ихъ разбудимъ», прибавилъ другой.

«Ступай, ребята, въ крайній домъ!» закричала вся толпа, и злодѣи устремились въ растворенныя ворота дома Бориса Борисовича. Не нашедши тамъ никого, они выбили стекла изъ окошекъ, переломали и повыкидали всю домашнюю утварь, разбили кладовую и, нашедши въ погребѣ два боченка, одинъ съ брагой, а другой съ сивухой, выкатили на середину улицы. Началась попойка».

«Экіе дьяволы!» говорили многіе изъ грабителей. «Какъ мы ни старались захватить ихъ въ расплохъ,—всѣ разбѣжались, какъ мыши по норамъ!»

«Зажигай, ребята!» слышно было, изъ другой толпы. «Зажигай съ обѣихъ концовъ! теплѣе будетъ; а то чего

ждать, вишь вездѣ пусто, хоть шаромъ покати!»

«Нѣтъ, подождемъ до вечера!» кричали нѣкоторые. «Ночь темна будетъ, такъ мы освѣтимъ ее, да запируемъ!»

Нѣкоторые изъ разбойниковъ, забравшись на церковную колокольню, начали часто ударять въ колокола, будто для торжества своихъ злодѣйствъ. Всеобщій крикъ, шумъ, брань и буйство, сливались въ одинъ ужасный, невнятный гулъ и раздавались по окрестности.

Между тѣмъ, какъ буйство и грабежъ усиливались болѣе и болѣе; небольшая часть толпы, состоящая изъ 7 человѣкъ, отдѣлилась отъ своихъ полупьяныхъ товарищей и пошла къ дому Макара Антиповича. Двое изъ нихъ, высокаго роста, смуглые, одѣтые въ сѣрыхъ казакинахъ, съ саблями и винтовками, казалось, были изъ уральскихъ козаковъ; другіе трое въ военныхъ шинеляхъ, повидимому, бѣглые солдаты; сзади шелъ въ нѣмецкомъ кафтанѣ извѣстный бродяга, бывшій здѣсь въ нарядѣ нищаго. Но всѣхъ замѣчательнѣе былъ одинъ здоровый, и

чрезвычайно высокій мошенникъ, въ короткомъ полукафтанѣ и тумаковой шапкѣ; двѣ пары пистолетовъ были заткнуты у него за поясомъ; сзади на ремнѣ висѣло двухствольное ружье, и сабля на стальной цѣпочкѣ чертила по песку. Каждая черта лица его выражала звѣрство, и по всему можно было догадаться, что онъ былъ изъ киргизовъ.

«О! да здѣсь, кажется, есть люди!» сказалъ онъ грубымъ голосомъ, подошедши къ дому и увидя въ окнѣ плачущую Мавру Панкратьевну.

«Ломай ворота!» закричала вся толпа. Но ворота были не заперты, и они свободно взошли на дворъ.

Крыльцо было отворено настежь. Мошенники устремились въ комнаты, но въ широкихъ сѣняхъ встрѣтила ихъ отчаянная Панкратьевна съ громкимъ плачемъ и упала въ ноги.

«Умилосердитесь, батюшки мои! отцы родные!... Нѣтъ у насъ ничего, только хворый хозяинъ!» кричала она почти безъ памяти. «Пустите душу на покаяніе!... Не отнимайте послѣдніе жи-

воты!... Будьте милостивы, если въ васъ есть искра Божія!...»

«Прочь, старая вѣдьма!» закричалъ суровый киргизъ. «Мы узнаемъ, точно ли ты говоришь правду». Онъ оттолкнулъ ногой старуху, вошелъ съ товарищами въ большую свѣтлицу, а оттуда черезъ всѣ покои и въ спальню Макара Антиповича.

Почтенный старикъ, изнуренный болѣзнію, не слыхалъ шуму всеобщаго разоренія и не видалъ звѣрскихъ лицъ, окружающихъ его постель. На добродушномъ лицѣ его ясно отражалось приближеніе послѣднихъ минутъ жизни и надежда на успокоеніе отъ земныхъ страданій.

«Чѣмъ онъ болѣнъ?» спросилъ свирѣпый разбойникъ Панкратьевну, полумертвую отъ страха.

«Не знаю, чѣмъ, батюшка!... не знаю; а только ужъ послѣдніе часы, совсѣмъ отходитъ, сердечный!»

«Пусть его умираетъ, коли хочетъ!» прервалъ разбойникъ; а ты, старая корга, вынеси намъ сейчасъ на дворъ столъ да двѣ скамейки и давай вина,

закусокъ; а не то живой кости не оставимъ. Слышишь-ли?»

«Слышу, родной; сей часъ, сей часъ!» И Панкратьевна побѣжала въ погребъ за виномъ и брагою; а разбойники вытащили сами столъ и расположились пировать по среди двора.

«Эко раздолье!» сказалъ рыжій плотный мошенникъ, наливая стаканъ. Здѣшняя сторона привольна для нашей братіи, только жаль, что никого не застали; вишь, всѣ попрятались по норамъ; а то славное дѣло; теперь не такъ какъ съ Егоромъ Башлыкомъ, не смотри ни у кого изъ рукъ, сами себѣ господа. Ну, качнемъ-те-ка братцы за нашу золотую волюшку!...»

«Ура!» закричали всѣ разбойники, и полные стаканы поминутно осушались.

«Однако, господа, пить, а до пьяна не напиваться!» сказалъ высокій азіатецъ. «Гуляй, гуляй, а свое дѣло не забывай! Помните ли пирушку за Белебеемъ: мы пировали на обгорѣлыхъ костяхъ, да и сами чуть не сдѣлались костями. Прочь! стаканы къ чорту! Мы

старшіе, такъ намъ и должно порядокъ держать!»

Пить перестали. Все оружіе поклали въ кучу на столъ и усѣлись въ кружокъ.

«Что не идетъ проклятый Воронъ!» сказалъ одинъ изъ бродягъ одѣтый въ шинель. «Я думалъ, что онъ насъ встрѣтитъ, анъ его и слѣдъ простылъ. Что у него за дѣла съ Вихремъ и Щукой? Признаюсь этакой атаманъ намъ не надеженъ».

«Что за дѣла?... Ахъ ты угорѣлый!» перервалъ мошенникъ, одѣтый въ нѣмецкій кафтанъ; «да развѣ ты не слыхалъ про дѣвчонку, что зазнобила ему сердце.... Намедни, какъ я носилъ письмо, онъ много кой чего поразсказалъ объ ней: вишь жить безъ нее не можетъ!...»

«Такъ и не диво, что теперь не является», прервалъ Киргизъ: «видно около нее хлопочетъ; да нѣтъ, братъ, мы выбьемъ эту дурь изъ головы; у насъ дѣлай дѣло! Дурно было у Башлыка, да тотъ хоть тѣмъ хорошъ, что коли примется за дѣло, у него не зѣвай! А это на что похоже?...»

«Ну его къ чорту!... Какой атаманъ!» подхватилъ третій разбойникъ. «Жилъ здѣсь почти два мѣсяца и ничего путнаго не сдѣлалъ; насилу добились отвѣта, все увивается около дѣвчонки... Ужъ тутъ не будетъ пути. Да скажите, братцы, я что-то не помню, изъ какого отродья онъ къ намъ попалъ?»

«Ну вотъ, не помнишь!... Польскій панъ, высокая собака, на Волгѣ присталъ къ нашему Егору; тотъ полюбилъ его; да, правду сказать, есть за что и полюбить: малый головорѣзъ, смерти не боится; а особливо съ своимъ задушевнымъ итальянцемъ, онъ работалъ такія штуки, что есть надъ чѣмъ позабавиться. Помнишь въ Астрахани, какъ облупили процентщика. Только полякъ сказалъ: «Капеллино! быть бычку на веревочкѣ!» И дѣло свято!»

«Что правда, то правда:—малой удалой, на рѣдкость сказать; да до дѣвокъ очень лакомъ, вотъ что сгубило!... Развѣ будетъ хорошій товарищъ, такъ дѣло пойдетъ живѣй».

«А что слышно про этого Капеллино? Еще онъ въ Башлыковской ватагѣ?

«Нѣтъ, говорятъ, удралъ; а ужъ куда— Богъ его знаетъ, какъ въ воду канулъ. Что-то будетъ теперь дѣлать безъ этихъ двухъ удальцевъ нашъ молодецъ? Вѣрно, запоетъ пѣтухомъ. Не умѣлъ насъ на привольѣ держать, такъ и оставайся съ тумаками!»

«Да не надержится долго!» подхватилъ другой бродяга. «Коли взяться нечѣмъ, такъ придется и самому въ петлю лѣзть,—а мы пойдемъ своей дорогой; большаго не ищемъ, лишь бы добраться до матушки Москвы, къ золотымъ маковкамъ; отопремъ да заглянемъ въ непочатые сундуки богачей. То-то будетъ раздолье!»

«Не загадывай впередъ, а гляди, что подъ носомъ», прервалъ киргизъ. «Еще птицу не поймали, такъ нечего и щипать; что будетъ, то будетъ».

«И то дѣло! Масло есть, такъ заваримъ кашу; а что ни говори, мы безъ хорошаго атамана, какъ безъ рукъ».

«И подлинно, безъ рукъ! Не за дѣвками же намъ гоняться съ Вороном, надобно за себя отвѣтить. Эхъ! во вѣкъ бы не разстался съ Егоромъ, какъ бы

онъ не свахлялся съ этимъ французишкомъ; ужъ больно умничать стали, чортовы дѣти?...»

«Ну, разворчался!... что сдѣлано, то свято! Не хотѣли служить у Егорки, такъ удирай, поваливай!... Самъ себѣ баринъ, бей, не робѣй!...» При этомъ словѣ здоровый киргизъ сильно ударилъ кулакомъ по столу.

«Подождемъ ребята, подождемъ! можетъ быть, и изъ Ворона путь будетъ», сказалъ бродяга полунѣмецъ. «Правду Мурзой говоритъ: самъ себѣ баринъ, были бы плеча, не водить на помочахъ!»

Такъ разсуждали долго между собою разбойники на дворѣ осиротѣлаго дома. На улицѣ продолжался грабежъ; мошенники, разсѣявшись по всѣмъ концамъ села, бушевали; но вдругъ шумъ усилился; грабители начали собираться въ густыя толпы, тѣснились, и ужасный крикъ огласилъ всю улицу.

«Что наши черти взбѣленились? Вишь какъ дерутъ глотки!» сказалъ азіятецъ, вытягиваясь изъ стола. «Видно, что нибудь нашли помягче, да не знаютъ, какъ

раздѣлить», подхватилъ рыжій разбойникъ. «Пойдти было и мнѣ къ нимъ».

«Куда, дурацкая голова? Развѣ не слышишь кричать ура! Экъ у тебя зубы-то разгорѣлись на поживу!»

Но между тѣмъ шумъ и крикъ становился слышнѣе; толпа приближалась къ воротамъ дома, и Панъ Радичъ (котораго мы станемъ называть Чернымъ Вороном) вошелъ на дворъ, окруженный разбойниками. Многіе изъ нихъ продолжали кричать и махали шапками, но у большей половины видно было на лицахъ неудовольствіе и досада.

«Добрый день, ребята! Съ пріѣздомъ! Пора приниматься за работу», сказалъ Черный Воронъ, подошедши къ столу.

Разбойники сидѣли молча, и ни одинъ не сдѣлалъ ему никакого привѣтствія.

«Что жъ вы молчите? или мнѣ по пріятельски развязать вамъ языкъ!»

«Съ нами не въ полѣ съ дѣвками», возразилъ сильный Мурзой, положа руку на саблю;—сами отвѣтимъ!»

«Ступай лучше отъ насъ въ хороводы играть!» сказалъ другой мошенникъ съ сверкающими глазами.

«Что это значитъ?... или какой дьяволъ зародился между васъ, такъ я выкурю этого демона», сказалъ Черный Воронъ, выступя впередъ. «Кто недоволенъ мною, вынимай саблю, да прежде привяжи крѣпче къ плечамъ голову. Сказывайте, кто не доволенъ мной?...» Онъ повторилъ послѣднія слова ужаснымъ голосомъ. Его блестящіе огненные глаза, злодѣйская физіономія и колоссальная фигура, оковывали какимъ то невольнымъ страхомъ кровожадныхъ злодѣевъ.

Ропотъ, возникшій было въ толпѣ, утихъ, но старшіе разбойники взволновались, опрокинули столъ и закричали въ одинъ голосъ: «всѣ недовольны! всѣ недовольны!»

«Выходи же всякій по одиночкѣ и сказывай! Если правда — выслушаю; если вздоръ—познакомлю вотъ съ этимъ товарищемъ!» Онъ показалъ на пистолетъ, заткнутый за поясомъ.

«Не горячись! простынешь!... Прежде самъ отвѣчай на то, что мы спросимъ», сказалъ Мурзой, выступя впередъ изъ толпы. «Зачѣмъ ты подговорилъ насъ

отстать отъ Егорки Башлыка. На какой конецъ вызвалъ изъ за Дона въ эту незнакомую сторону? Ты побожился отвѣчать за насъ головой.... Отвѣчай же!»

Черный Воронъ съ презрѣніемъ взглянулъ на разбойниковъ. «Эхъ вы, безмозглые! Жаль мнѣ тупить вострую саблю о ваши буйныя головы. И ты, взбалмошный Мурзой, вздумалъ меня спрашивать, зачѣмъ вызвалъ я васъ сюда. Если не надоѣло тебѣ, полоумному, таскаться по голоднымъ волжскимъ полямъ съ сумасшедшимъ Башлыкомъ, если тебѣ какая вздорная баба напророчила, какъ ему, небылицы въ лицахъ, — ступай, бѣги, скачи сломя голову къ своему задушевному; авось попадешься на зубы къ Михельсону, либо на штыкъ къ суворовцамъ. А вы, бѣшеные—вы что взбѣленились?... чего вамъ отъ меня хочется?»

«Давай намъ работы! давай хлѣба!» закричали всѣ разбойники. «Ты насулилъ намъ горы золота, а мы голодаемъ; веди насъ къ Москвѣ бѣлокаменной!»

«Молчать, проклятые! говорите по одиночкѣ, а то васъ самъ чортъ не разберетъ!»

«Говорятъ тебѣ, не горячись!» возразилъ рыжій бродяга, устремя пламенные глаза на Чернаго Ворона. «Какъ добрый атаманъ ты, умная голова, оставилъ насъ въ трущобѣ, уѣхалъ сюда высмотрѣть, да вывѣдать, а самъ цѣлый мѣсяцъ гонялся за дѣвкой. Послали нѣмчуру, тому наболталъ съ три короба, а на дѣлѣ все ничего. И все ты правъ, все хочешь сухой изъ воды вылѣзть!»

«Ахъ, ты, огненное пугало! И ты смѣешь такъ говорить мнѣ?... Прочь, скверная гадина! Я никогда не забуду о своихъ товарищахъ; а любить того, кто мнѣ по сердцу, никто не запретитъ. Ребята удалые! чего жъ хотите вы? Нѣтъ у васъ хлѣба — за пять верстъ отсюда помѣщичьи магазеи. Нѣтъ вина — винный заводъ не далеко!... Все наше! Нѣтъ у васъ золота — вотъ оно, возьмите!...»

При сихъ словахъ онъ бросилъ въ ватагу длинный вязаный кошелекъ,

полный червонцевъ. Разбойники схватили его, и деньги тотчасъ раздѣлили по себѣ.

«Довольны ли вы теперь? или кто еще вызовется, или вы хотите другаго атамана? Пусть кто нибудь выйдетъ и купитъ кровью мое первенство. Тогда безъ меня скорѣе прибавится работы заплечнымъ мастерамъ, и висѣлицы не будутъ пусты! Что жъ вы молчите? Довольны ли вы?»

Въ шайкѣ зашумѣлъ невнятный говоръ, и вдругъ всѣ мошенники закричали: «ура! Никого намъ не надобно! ты нашъ атаманъ!... Рады умереть за тебя, только давай намъ работы!»

Всѣ разбойники, не исключая и старшихъ, окружили Чернаго Ворона цѣловали его въ плеча и въ голову, наконецъ подняли вверхъ на рукахъ, и отъ громкаго ура задрожали стекла въ домѣ Макара Антиповича.

«Говори, приказывай, что намъ дѣлать! Веди насъ, куда тебѣ надобно. Три сотни головъ нашихъ будутъ отвѣчать за тебя, а ты одинъ за насъ. Ты наша опора!...»

«Спасибо, товарищи, спасибо! У меня коли за работу, успѣвай развертываться, пойдетъ потѣха. А теперь покуда перестаньте грабить; соберитесь въ порядкѣ передъ домомъ и дожидайтесь моего приказа; а я съ Мурзой зайду въ покои; хозяинъ мнѣ знакомъ. Не знаетъ ли кто изъ васъ, живъ онъ, или умеръ?»

«Еще живъ, а только едва дышетъ», отвѣчалъ Мурзой.

«Ну, такъ пойдемъ, братъ, навѣстимъ его!»

Они вошли въ свѣтлицу; разбойники ужасно шумѣли подъ окошками; Макаръ Антиповичъ лежалъ безъ движенія, а Панкратьевна прыскала ему лице святой водой.

Увидя Чернаго Ворона вмѣстѣ съ незнакомымъ разбойникомъ, старуха чрезвычайно удивилась, но, догадавшись о причинѣ, стояла передъ ними, сложа руки и не смѣя вымолвить ни слова.

Злодѣи остановились у постели старика и долго на него смотрѣли. Страждущій какъ будто нѣсколько пришелъ въ себя и, слыша около дома шумъ,

полный червонцевъ. Разбойники схватили его, и деньги тотчасъ раздѣлили по себѣ.

«Довольны ли вы теперь? или кто еще вызовется, или вы хотите другаго атамана? Пусть кто нибудь выйдетъ и купитъ кровью мое первенство. Тогда безъ меня скорѣе прибавится работы заплечнымъ мастерамъ, и висѣлицы не будутъ пусты! Что жъ вы молчите? Довольны ли вы?»

Въ шайкѣ зашумѣлъ невнятный говоръ, и вдругъ всѣ мошенники закричали: «ура! Никого намъ не надобно! ты нашъ атаманъ!... Рады умереть за тебя, только давай намъ работы!»

Всѣ разбойники, не исключая и старшихъ, окружили Чернаго Ворона цѣловали его въ плеча и въ голову, наконецъ подняли вверхъ на рукахъ, и отъ громкаго ура задрожали стекла въ домѣ Макара Антиповича.

«Говори, приказывай, что намъ дѣлать! Веди насъ, куда тебѣ надобно. Три сотни головъ нашихъ будутъ отвѣчать за тебя, а ты одинъ за насъ. Ты наша опора!...»

«Спасибо, товарищи, спасибо! У меня коли за работу, успѣвай развертываться, пойдетъ потѣха. А теперь покуда перестаньте грабить; соберитесь въ порядкѣ передъ домомъ и дожидайтесь моего приказа; а я съ Мурзой зайду въ покои; хозяинъ мнѣ знакомъ. Не знаетъ ли кто изъ васъ, живъ онъ, или умеръ?»

«Еще живъ, а только едва дышетъ», отвѣчалъ Мурзой.

«Ну, такъ пойдемъ, братъ, навѣстимъ его!»

Они вошли въ свѣтлицу; разбойники ужасно шумѣли подъ окошками; Макаръ Антиповичъ лежалъ безъ движенія, а Панкратьевна прыскала ему лице святой водой.

Увидя Чернаго Ворона вмѣстѣ съ незнакомымъ разбойникомъ, старуха чрезвычайно удивилась, но, догадавшись о причинѣ, стояла передъ ними, сложа руки и не смѣя вымолвить ни слова.

Злодѣи остановились у постели старика и долго на него смотрѣли. Страждущій какъ будто нѣсколько пришелъ въ себя и, слыша около дома шумъ,

IRREGULAR PAGINATION

спросилъ: «кто тамъ кричитъ? уймите ихъ!»

«Это добрые люди, родной мой!» отвѣчала Панкратьевна, взглянувши робко на Чернаго Ворона.

«Что жъ они не привели мнѣ дочь мою?... Вѣрно, они убили ее!... да.... отняли у меня дочь.... Она была у меня одна....»

Послѣднія слова онъ сказалъ такъ тихо, что едва можно было разслышать. Дыханіе его стало тяжеле, прерывистѣе, и не прошло четырехъ минутъ, какъ добродушный старикъ оставилъ здѣшнюю жизнь и поручилъ душу свою Богу. Его кончина была тиха, подобно кончинѣ праведника.

Горько завыла Панкратьевна надъ холоднымъ трупомъ его. «Охъ родные мои!... горе мнѣ, грѣшной! Не осталось у меня никого на бѣломъ свѣтѣ!... Куда я преклоню мою голову?... Гдѣ я дѣну моего сердечнаго?... чѣмъ похороню его?...»

«Не плачь, старуха! Мы тебя отъ этаго избавимъ», сказалъ Черный Воронъ и кликнулъ въ свѣтлицу нѣ-

жидъ, подойдя къ окну и стуча пальцемъ.

На дворѣ послышался женскій голосъ; ветхія ворота отворились, въѣхали на дворъ, и молодая жидовка встрѣтила пріѣзжихъ со свѣчею.

«Э, да вы не одни!» сказала она, увидя Машу. «Какая это женщина?»

«Бѣдная богомолка; введи ее въ корчму, пусть у насъ переночуетъ, да прежде накорми хорошенько!»

Жидовка высадила Машу изъ телѣги и ввела въ горницу; жиды слѣдовали за ней. Увидя ея пріятное лице, отуманенное грустью, тафтяной сарафанъ и лисью гарнитуровую шубейку, они остановились отъ удивленія, съ завистью осматривали ее съ ногъ до головы, дѣлали другъ другу разные знаки, и наконецъ начали за ней ухаживать.

«Ахъ, святой Моисей, какъ она слаба!» сказала молодая жидовка, всплеснувши руками. «Ахъ, бѣдная! ты, видно, очень много шла и ничего не ѣла. Сядь, сядь здѣсь, отдохни! я сей часъ налью тебѣ борщу. Батюшка!» сказала она потомъ, обратясь къ жиду, который

IRREGULAR PAGINATION

былъ постарше, «какъ мнѣ жалко эту дѣвушку, ей надобно что нибудь выпить; принеси скорѣе кружку вина!»

Зоавель пошелъ за виномъ. Рифка поставила подлѣ печи столъ, посадила за него Машу, подала ей бѣлаго хлѣба, молока, борщу, баранины, суетилась и не знала, чѣмъ еще накормить ее.

Несчастная странница, изнуренная усталостію, ничего почти не ѣла, только выпила нѣсколько вина для подкрѣпленія.

«Что жъ такъ мало кушаешь?» спросила ее Рифка съ видомъ состраданія. «Ахъ святой Авраамъ! Я и забыла, что нынче постъ, наставила все скоромнаго; ну, не взыщи, покушай побольше пшеничнаго хлѣба, или тебѣ очень уснуть хочется, такъ я сейчасъ постелю тебѣ постель». И услужливая жидовка въ одну минуту разостлала войлокъ по широкой лавкѣ, положила двѣ подушки и овчинную шубу вмѣсто одѣяла.

«Ну, вотъ и постель готова; не думай ничего, усни съ Богомъ, а завтра коли справишься, пойдешь и дальше въ дорогу». При сихъ словахъ она помогла

сколько товарищей. Разбойники тотчасъ вытащили тѣло умершаго изъ дому: сыскали старыя носилки, положили его на нихъ и потащили въ поле. Неутѣшная Панкратьевна провожала тѣло до самаго мѣста, гдѣ оно было зарыто.

Итакъ, добродѣтельному отцу семейства, гостепріимному Макару Антиповичу, Богъ судилъ умереть одинокому въ ужасную эпоху бѣдствій, и бренное тѣло его не радушные родственники, но буйные грабители предали холодной могилѣ.

Едва успѣла воротиться погребальная процессія, какъ уже опустѣлый домъ покойника былъ преданъ расхищенію: сундуки разбиты, все переломано, выкидано; разбойники дѣлили между собою добычу, а осиротѣлая старуха, не имѣя куска хлѣба и пристанища, пошла куда глаза глядятъ, съ горькими слезами, изъ разграбленнаго селенія.

«Ну, полно ребята дурачиться!» закричалъ наконецъ атаманъ; «собирайтесь въ кружекъ, да пора приниматься за дѣло!»

Разбойники начали всѣ сходиться къ своему атаману, и онъ, будучи окруженъ ими, началъ отдавать приказанія.

«Слушайте, молодцы! намъ въ селѣ мѣшкать больше нечего; отдохнемъ немного, да и на берегъ Днѣпра. Тамъ расположимся повыгоднѣе, чтобы легче было отбояриться отъ солдатъ, если на насъ нагрянутъ! Ужо вечеромъ покатимъ разбивать хлѣбные магазеи, а теперь покуда Шумляй, Путло, Щучка и Бурло пусть займутъ отводные караулы. Ты, Вихорь съ Боровомъ, коли не умѣли поймать птицу въ клѣткѣ, ступайте ловите ее. А ты, Нѣмчура, одѣнься русскимъ нищимъ, да ступай опять высматривать, нѣтъ-ли гдѣ въ округѣ чего хорошаго. Ты, Мурзой, останешься при мнѣ: посмотримъ, не заѣдетъ ли сюда моя услужливая вѣдьма; надобно будетъ съ ней поговорить. Ну, ребята, по мѣстамъ живѣе!»

Всѣ разбойники разошлись по атаманову назначенію; остальные продолжали шарить по домамъ, а нѣкоторые изъ опьянѣлыхъ ложились отдыхать, кому гдѣ попало. Черный Воронъ съ двумя

товарищами остался въ разграбленномъ домѣ покойнаго Макара Антиповича и продолжалъ обдумывать планы будущихъ злодѣйствъ по выходѣ изъ разграбленнаго селенія.

ГЛАВА III.

Корчма. Безкорыстные жиды. Бѣдная Маша.

Мы оставили бѣдную Машу, наканунѣ смерти ея родителя на произволъ судьбы, въ темную ночь и на безпріютномъ полѣ. Юная страдалица, не зная совершенно дороги, убитая грустью и несчастіями, шла безъ всякой цѣли; страхъ быть настигнутой злодѣями ускорялъ шаги ея, и черезъ часъ она была уже далеко отъ села.

Начиная отъ самаго селенія верстъ на пять, близъ большой дороги, разстилались широкія поля, засѣянныя хлѣбомъ; но далѣе дорога была прорѣзана сквозь мелкій сосновой лѣсъ, на концѣ котораго была небольшая деревушка. Несчастная странница, до сихъ поръ

непривычная къ ходьбѣ, дошедши до лѣсу, отъ чрезвычайнаго напряженія, почувствовала усталость, но, боясь долѣе оставаться въ лѣсу, собрала послѣднія силы и спѣшила перейдти его. Желаніе избавиться отъ преслѣдователей заглушало весь страхъ опасности. Не видя ничего вокругъ себя по проложенной черезъ чащу дорогѣ, она дошла наконецъ до деревушки и упала на траву отъ усталости.

«Господи! подкрѣпи меня, грѣшную сироту! Все отнято у меня; не попусти же злодѣямъ наругаться надо мной!»

Голова ея кружилась; слабость отъ изнурительной ходьбы отнимала всю способность къ продолженію пути; но бѣдная дѣвушка боялась ночевать въ деревушкѣ и непремѣнно хотѣла идти далѣе.

Отдохнувши съ полчаса на лугу, она нѣсколько подкрѣпила себя, перекрестилась, встала и, оставя въ правой рукѣ селеніе, тихо пошла по проселочной дорогѣ.

Еще свѣтъ не показывался; кругомъ было темно; черныя облака облегли со

всѣхъ сторонъ, и подымался вѣтеръ. Маша дошла до небольшаго озера, въ трехъ верстахъ за деревушкой; здѣсь силы ее совершенно оставили; она легла въ кустарникъ на траву, покрытую росой и принуждена была дожидаться разсвѣта.

Ночи въ августѣ мѣсяцѣ были довольно холодны, и короткая гарнитуровая шубейка слабо защищала отъ стужи нѣжную грудь несчастной дѣвушки. Она дрожала, прижавшись къ кустарнику, и колючія вѣтви качались надъ головой ея.

Вдругъ по дорогѣ, проложенной подлѣ кустарника, послышался стукъ отъ проѣзжихъ; онъ все приближался, и наконецъ показалась телѣжка, запряженная въ одну лошадь; на ней сидѣли два человѣка, и большая собака бѣжала впереди.

Поровнявшись съ тѣмъ кустомъ, подъ которымъ лежала одинокая дѣвушка, собака громко залаяла и бросилась къ ней. Маша, испугавшись, закричала; но она, не отставая отъ нея, готова была изорвать въ клочки весь сарафанъ.

Телѣжка остановилась. Одинъ изъ сѣдоковъ закричалъ на собаку, но она не слушалась.

«Что за чудо! вѣрно, не съ проста!» сказалъ онъ вылѣзая изъ телѣжки.

«Надобно посмотрѣть; мнѣ послышался женскій голосъ», сказалъ другой. По выговору ихъ можно было догадаться, что это были жиды. Одинъ изъ нихъ остался у лошади, а другой, отогнавши собаку, подошелъ къ трепещущей дѣвушкѣ.

«Кто ты такова?... Зачѣмъ здѣсь бродишь въ глухую ночь?» спросилъ онъ сурово.

«Я честная дѣвушка!... Сжальтесь добрые люди, не погубите меня!» отвѣчала Маша, дрожа отъ страха.

«Честная дѣвушка!... Зачѣмъ же ты тутъ одна въ такую пору?... Откуда ты?

«Издалека; я ходила въ Кіевъ молиться Богу, да говорятъ, что на нашу сторону нападутъ разбойники, такъ я заторопилась, запоздала, да вотъ и боюсь одна идти дальше. Возьмите меня ради Бога, добрые люди, довезите съ собою

IRREGULAR PAGINATION

до ближняго села; по гробъ вашей милости не забуду».

«Пожалуй, садись! коли устала, такъ у насъ и отдохнешь. А есть ли у тебя деньги?»

«Нѣтъ, добрые люди, право нѣтъ ни копѣйки!»

«Какъ же ты идешь въ дорогу безъ денегъ? вѣрно, ты нищая?»

«Нѣтъ, я не нищая, а всѣ деньги издержала; теперь ей-Богу нѣтъ ничего!»

«Ну, ну, что съ тобой дѣлать, садись! У насъ хоть переночуешь».

Бѣдная дѣвушка не имѣла силъ сама сѣсть въ телѣжку, и жиды подсадили ее подъ руки.

«Ого! да на ней шелковая шуба!» сказалъ тихо одинъ жидъ, толкая локтемъ своего товарища.

«Да, да, молчи!—это не даромъ!» отвѣчалъ другой, и наконецъ поѣхали.

Миновавши кустарникъ, они проѣхали еще версты съ четыре полемъ, и остановились подъ горой у бѣдной корчмы.

Въ окошкѣ мелькалъ огонь. «Гей! гей! Рифка отпирай!» закричалъ одинъ

Машѣ раздѣться, уложила ее, и усталая дѣвушка, прочитавши тихо молитву, наконецъ заснула крѣпкимъ сномъ.

Жиды послѣ того долго еще хлопотали, ходили около нея на пальцахъ, боясь разбудить, осматривали съ удивленіемъ все платье, долго шептали и улеглись почти вмѣстѣ съ разсвѣтомъ.

Утро было прекрасное. Еще до восхода солнца въ корчмѣ всѣ проснулись и засуетились. Маша также не могла долѣе спать, встала и начала собираться въ дорогу.

«Куда жъ ты собираешься?» спросила ее Рифка, «вотъ погоди позавтракай, да возьми съ собой на дорогу хлѣба, еще успѣешь: на дворѣ рано».

Она подала Машѣ большой ломоть и налила въ кружку нѣсколько краснаго вина; — но бѣдная дѣвушка не хотѣла ничего ѣсть. Жестокая тоска тѣснила ей грудь, и, опасаясь долѣе оставаться въ корчмѣ, она хотѣла поскорѣе продолжать путь свой.

«Гдѣ жъ твоя родина?» спросилъ ее Зоавель, подошедши къ столу; «далека ли тебѣ еще путь дорога?»

«У меня нѣтъ родныхъ; я сирота», отвѣчала Маша печально, «а родина моя въ Москвѣ».

«Въ Москвѣ!... такъ и въ Кіевъ ты ходила изъ Москвы?»

«Изъ Москвы».

«Ну, далеко же твоя дорога; много еще достанется бѣлымъ ногамъ твоимъ. Неужели ты пойдешь въ Москву въ этомъ платьѣ?»

«Больше у меня никакого нѣтъ; рада бы промѣнять на другое, да негдѣ».

«А тебѣ непремѣнно надо его перемѣнить», сказалъ жидъ, потирая руки. «По дорогамъ пропасть мошенниковъ; въ этомъ платьѣ тебя ограбятъ и убьютъ; не дойти тебѣ живой до Москвы.

«Ахъ, Боже милостивый!» вскричала Маша, испугавшись, «что же мнѣ дѣлать?... Сжальтесь надо мной, добрые люди, возьмите себѣ мое платье, а мнѣ дайте ради Бога другое, избавьте отъ неминучей бѣды!»

«Изволь, пожалуй», отвѣчалъ старый еврей съ улыбкой удовольствія. «Законъ Моисеевъ велитъ намъ помогать бѣднымъ; изволь, я тебя избавлю отъ

злой смерти. Рифка! поди принеси сюда платье, что лежитъ на сундукѣ въ подвалѣ.

Рифка пошла за платьемъ. Маша стояла блѣдная, какъ полотно, отъ испуга. Боясь быть узнанной отъ злодѣевъ, она очень рада была перемѣнить платье. Зоавель продолжалъ осматривать ее съ ногъ до головы

«Ты не думай, умница», говорилъ онъ Машѣ, «чтобъ я это дѣлалъ изъ чего нибудь для себя, или для дочери; мнѣ ничего не надобно. Богъ Авраамовъ порукой, что я полюбилъ тебя, какъ родную, и радъ все сдѣлать изъ добродушія».

Рифка принесла платье, и добросердечная Маша свой шелковый сарафанъ перемѣнила на крашенинной, а лисью шубейку на овчинный полушубокъ.

«Господь Израилевъ велитъ помогать людямъ своимъ безъ корысти», говорилъ еврей, встряхивая шубейку и приготовясь положить ее въ сундукъ.

«Намъ доброе дѣло дороже золота!» сказала Рифка, складывая тафтяной са-

рафанъ; «дай Богъ, чтобъ ты во время пути спасла душу свою!»

Маша стояла какъ окаменѣлая и почти не слыхала ихъ ласковыхъ привѣтствій; видя себя еще въ первый разъ въ жизни въ такомъ нарядѣ и не зная сама, куда идти, она терялась въ мысляхъ и только молила Бога, чтобъ онъ подалъ ей силы перенесть тяжелый крестъ несчастія.

«Ну вотъ, теперь можно тебѣ идти, куда хочешь, голубушка», сказалъ Зоавель; «никто тебя не остановитъ и не тронетъ. Возьми съ собой хлѣбца, съ голоду не умрешь; а тамъ Богъ доведетъ и до Москвы».

«А это что у тебя за кольцо?» спросила Рифка, увидя на рукѣ у Маши золотое кольцо съ камнемъ, подаренное ей Радичемъ въ первые дни знакомства.

«Ахъ! я было и забыла про него», сказала Маша, взглянувши на руку; «возьмите и его себѣ; оно мнѣ не надобно».

«Да и не хорошо идти въ дорогу съ золотымъ кольцомъ; намедни за Кіевомъ

у купца отрѣзали два пальца съ перстнемъ, такъ пожалуй долго ли до бѣды». При сихъ словахъ она надѣла себѣ на палецъ Машино кольцо.

«Вотъ тебѣ ячменный хлѣбецъ!—возьми съ собой, да кушай на здоровье; а я завяжу покуда твой узелокъ». Зоавель взялъ Машинъ узелъ, отворотился къ сторонѣ и, положивши туда небольшой хлѣбъ, вытащилъ тихонько полотняную бѣлую рубашку и сунулъ за пазуху.

«На вотъ, возьми! я все тутъ завязалъ, голубушка, ступай! Да сохранитъ тебя святый Моисей».

Маша встала, хотѣла перекреститься, но не видя иконъ и вспомнивши, что она у жидовъ, сотворила тихо молитву.

«Прощайте, добрые люди! дай Богъ вамъ здоровья; за вашу ласку и за ваше добро я никогда васъ не забуду.

«Прощай, прощай, дочь моя!—спаси тебя Богъ Авраамовъ, помилуй тебя, какъ добрую дочь Фараона. Теперь не бойся ничего; ангелъ Божій доведетъ тебя до Москвы, какъ дѣтей Израилевыхъ!»

Такъ проводили они ее съ благословеніями на большую дорогу, — и несчастная дѣвушка пошла съ грустью въ сердцѣ и упованіемъ на милость Божію.

«Убей меня Богъ! я готовъ поклясться десятью заповѣдями, что это не богомольщица, а вѣрно какая-нибудь красотка убѣжала отъ родныхъ, да и пробирается къ своему соколу». Такъ говорилъ Зоавель, возвратившись въ корчму.

«Однако мы не даромъ накормили ее», сказала Рифка, глядя себѣ на руку, это кольцо стоитъ десяти нашихъ обѣдовъ».

«Да не меньше. А лисья-то шубка въ Кіевѣ на рынкѣ всякій не глядя дастъ 50 рублей. Признаюсь, почаще Богъ давалъ бы такихъ постояльцевъ, нажили бы денежки».

Такъ разсуждали они долго о своихъ барышахъ; Рифка нѣсколько разъ отпирала сундукъ, любовалась сарафаномъ и лисьей шубейкой: нежданная прибыль не давала ей покою цѣлый день, и черезъ то оправдалось общее мнѣніе о евреяхъ, что они любятъ деньги больше, нежели жизнь свою.

ГЛАВА IV.

Семейство угольника. Могила. Алексѣй освобожденъ.

«Дядюшка, дядюшка! что-то въ избѣ какъ свѣтло!

«Замолчишь ли ты, неугомонная!... Дай хоть больному-то уснуть, что тебя, блохи что ли кусаютъ, покою не даешь!»

«Да право, дядюшка, словно день; посмотри самъ, это, вѣрно, не къ добру!»

Такъ говорила, лежа на печкѣ, Матреша, одиннадцатилѣтняя дѣвочка, дядѣ своему Ѳаддею угольнику, живущему за Днѣпромъ на противуположной сторонѣ села Д.... Была глухая полночь, но избу въ самомъ дѣлѣ такъ освѣтило, что можно было все видѣть и читать безъ труда мелкое письмо.

Въ переднемъ углу на смертномъ одрѣ лежалъ умирающій девяностолѣтній ста-

рикъ, дѣдъ угольника, на полатяхъ —внукъ, а на печкѣ—малолѣтняя правнучка, Матреша. По бѣдности, за неимѣніемъ ночника, больной старикъ долженъ былъ оставаться въ темнотѣ; но когда въ избѣ безъ огня сдѣлалось вдругъ свѣтло какъ днемъ, умирающій дѣдушка сталъ творить молитву. Матреша проснулась, оробѣла и начала будить своего дядю; но трудолюбивый Ѳаддей, утомленный работою, пріѣхавши поздно изъ лѣсу, на палатяхъ, завернувши по привычкѣ голову въ подушку, спалъ крѣпкимъ сномъ.

Крикъ племянницы разбудилъ его въ самый сладкій сонъ; ему чрезвычайно не хотѣлось открыть голову; онъ бранился, ворчалъ, заставлялъ ее спать; но Матреша все будила его; наконецъ, наскуча ея крикомъ, Ѳаддей раскуталъ голову, свѣсился немного съ палатей, и вдругъ сердце у него замерло, когда увидѣлъ, что въ избѣ въ самомъ дѣлѣ свѣтлехонько.

«Господи милостивый! что за чудо!... Видно нечистый духъ сосновый боръ зажегъ!» сказалъ онъ дрожащимъ отъ

испуга голосомъ и спѣшилъ слѣзть съ иолатей.

Матреша также слѣзла съ печи и надѣла свой кафтанъ, а слабый старикъ крестился и шепталъ про себя: «знаменіе Господне!... знаменіе послѣднихъ дней нашихъ!...»

Вышли изъ избы на поле, и тутъ открылась глазамъ бѣднаго угольника разительная картина: богатое село Д..., оставленное жителями, было зажжено съ обоихъ концовъ улицы; ярко горѣли опустѣлые дома; густой дымъ клубился, и огромное зарево разливалось по мрачному небосклону. Поднимался вѣтеръ; головни съ блестящими искрами долетали до самаго берега Днѣпра, а нѣкоторые даже упадали въ воду, которая отъ отраженія зарева казалась покрытая кровью. Крикъ и шумъ, слившись въ одинъ ужасный гулъ, страшно завывали подобно порывамъ вѣтра въ самую жестокую бурю.

«Владыко всемогущій!» сказалъ угольникъ, сотворя знаменіе креста; «эки злодѣи! не довольны грабительствомъ, такъ начали жечь да палить, и Господь

рикъ, дѣдъ угольника, на полатяхъ —внукъ, а на печкѣ—малолѣтняя правнучка, Матреша. По бѣдности, за неимѣніемъ ночника, больной старикъ долженъ былъ оставаться въ темнотѣ; но когда въ избѣ безъ огня сдѣлалось вдругъ свѣтло какъ днемъ, умирающій дѣдушка сталъ творить молитву. Матреша проснулась, оробѣла и начала будить своего дядю; но трудолюбивый Ѳаддей, утомленный работою, пріѣхавши поздно изъ лѣсу, на палатяхъ, завернувши по привычкѣ голову въ подушку, спалъ крѣпкимъ сномъ.

Крикъ племянницы разбудилъ его въ самый сладкій сонъ; ему чрезвычайно не хотѣлось открыть голову; онъ бранился, ворчалъ, заставлялъ ее спать; но Матреша все будила его; наконецъ, наскуча ея крикомъ, Ѳаддей раскуталъ голову, свѣсился немного съ палатей, и вдругъ сердце у него замерло, когда увидѣлъ, что въ избѣ въ самомъ дѣлѣ свѣтлехонько.

«Господи милостивый! что за чудо!... Видно нечистый духъ сосновый боръ зажегъ!» сказалъ онъ дрожащимъ отъ

испуга голосомъ и спѣшилъ слѣзть съ иолатей.

Матреша также слѣзла съ печи и надѣла свой кафтанъ, а слабый старикъ крестился и шепталъ про себя: «знаменіе Господне!... знаменіе послѣднихъ дней нашихъ!...»

Вышли изъ избы на поле, и тутъ открылась глазамъ бѣднаго угольника разительная картина: богатое село Д..., оставленное жителями, было зажжено съ обоихъ концовъ улицы; ярко горѣли опустѣлые дома; густой дымъ клубился, и огромное зарево разливалось по мрачному небосклону. Поднимался вѣтеръ; головни съ блестящими искрами долетали до самаго берега Днѣпра, а нѣкоторые даже упадали въ воду, которая отъ отраженія зарева казалась покрытая кровью. Крикъ и шумъ, слившись въ одинъ ужасный гулъ, страшно завывали подобно порывамъ вѣтра въ самую жестокую бурю.

«Владыко всемогущій!» сказалъ угольникъ, сотворя знаменіе креста; «эки злодѣи! не довольны грабительствомъ, такъ начали жечь да палить, и Господь

терпитъ на землѣ окаянныхъ; видно послѣдніе вѣки». Онъ продолжалъ креститься.

«А что такое, дядюшка, кишмя кишитъ у перевоза?» спросила Матреша, «слышь какой шумъ, ничего не разберешь!»

«Это они, проклятые!... Вишь, какъ орутъ.... Ахъ, родные мои!... никакъ приготовили двѣ лодки, да хотятъ переплывать на эту сторону. Господи батюшка!... куда дѣваться намъ грѣшнымъ?... видно придется бѣжать».

«Да зачѣмъ же бѣжать, дядюшка? вѣдь у насъ имъ взять нечего».

«Вѣстимо нечего, да ты не знаешь, дурочка, врагъ коли нагрянетъ, никого не помилуетъ.... Воры изъ-за мѣднаго гроша животы отнимаютъ. Пойдти было мнѣ....» Дѣвочка испугалась и заплакала горько.

«Ну, что заревѣла, глупая; полно, рюмить-то, Богъ милостивъ; у насъ не какіе сборы, убѣжимъ, да и поминай какъ звали».

«Да гдѣ же мы жить-то будемъ?...» говорила дѣвочка, всхлипывая и утирая слезы рукавомъ.

«Ну, гдѣ Богъ приведетъ! Ужъ Господь коли посѣтилъ напастью, такъ и надобно терпѣть», отвѣчалъ Ѳаддей и спѣшилъ въ свою тѣсную избу.

Собравши проворно все, что было въ домѣ съѣстнаго, онъ связалъ въ узелъ и положилъ на маленькую телѣжку, не забылъ туда-же уложить скребокъ, лопату, и кой что изъ домашней рухляди; потомъ подвезъ къ дверямъ большую телѣгу, наслалъ въ нее соломы, покрылъ рогожей и, взваливши полумертваго старика на плеча, положилъ на телѣгу.

«Куда вы тащите меня?» спрашивалъ старикъ умирающимъ голосомъ, «видно настаетъ преставленіе свѣта! Небо все покрылось кровью грѣховъ нашихъ!... Куда же вы тащите меня?...»

«Куда Богъ велитъ, дѣдушка», отвѣчалъ Ѳаддей и укутывалъ его своимъ тулупомъ. Старикъ закрылъ глаза и, казалось, былъ безъ чувствъ.

«Матреша!» закричалъ угольникъ, укутавши старика, «вези ты за мной потихоньку вотъ эту маленькую телѣжку, а я впереди повезу дѣвушку. Ну, принимайся благословясь».

«Куда же ты повезешь его?» спрашивала робкая дѣвочка, за «рѣку что-ли?»

«Куда за рѣку?—вотъ сюда въ сосновый боръ!»

«Въ боръ?... Что ты, дядюшка, тамъ злая вѣдьма пожалуй съѣстъ; нѣтъ, я не пойду туда». Она опять заплакала.

«Полно врать, полудурье!... что за вѣдьма, я никогда ее не боялся; а правду сказать, коли некуда дѣваться и къ вѣдьмѣ уберешься. Вези что-ли! А не то одна здѣсь оставайся, такъ разбойники разомъ шею сломятъ».

Дѣлать было нечего; дѣвочка со слезами повезла телѣжку, а впереди здоровый Ѳаддей—своего полумертваго дѣда. Подъѣхавши къ сосновому бору, у смѣлаго угольника началъ подирать по кожѣ морозъ; сердце заныло, но страхъ быть убитымъ побѣдило химеры; они шли дальше. Еще почти при самомъ входѣ въ лѣсъ, по густотѣ деревьевъ проѣхать

съ телѣгой было невозможно, и добрый угольникъ, взваливши себѣ дряхлаго старика на плечи, продолжалъ путь свой; по тяжести ноши нѣсколько разъ останавливался, отдыхалъ, наконецъ взошелъ въ самую ужасную глушь.

Зарево отъ пожара было такъ велико, что даже въ густой чащѣ лѣса красноватый свѣтъ отражался на столѣтнихъ деревьяхъ, и можно было различать всѣ предметы.

Здѣсь, утомясь затруднительной ходьбой, Ѳаддей положилъ на траву свою ношу и бросился подъ дерево. «Охъ, батюшки мои!... наказалъ Богъ меня, грѣшнаго; съ роду не было мнѣ такой ночи; хоть лягъ да умри!...» «Ай! ай! дядюшка Ѳаддей!» кричала Матреша, прижавшись къ нему, «посмотри, посмотри, тамъ, кажись, сѣрый волкъ; я боюсь.... онъ пожалуй насъ съѣстъ!...»

«Полно кричать-то, глупая, какой волкъ: тебѣ такъ померещилось.... А хоть бы и вправду волкъ, такъ у насъ, слава Богу, есть чѣмъ отборониться!»

Дѣвочка завернулась въ свой кафтанъ и дрожала. Угольникъ, отдохнувши нѣ-

сколько, всталъ посмотрѣть на своего дѣда. Приподнявши овчинную шубу, которой былъ закрытъ страждущій старикъ, Ѳаддей долго смотрѣлъ на него; лице не имѣло никакихъ признаковъ жизни, глаза полуоткрыты и губы посинѣли. Онъ положилъ ему руку на грудь; она была холодна какъ ледъ.

«Владыко милостивый! онъ отошелъ!... Упокой Господи душу его! Матреша, Матреша!... ужъ у насъ нѣтъ дѣдушки; посмотри-ка, онъ умеръ!...» Крупные слезы покатились изъ глазъ угольника, и Матреша также начала плакать.

«Царство небесное тебѣ сердечному! Много пострадалъ, покуда Богъ послалъ по душу.... Только то горько, что и отпѣть-то тебя, горемычнаго, некому».

«А развѣ его въ церковь-то не понесутъ, дядюшка?» спросила дѣвочка съ удивленіемъ.

«Куда же въ церковь, глупая?... ужъ теперь Богъ вѣсть, и отецъ Василій живъ-ли!... Можетъ, уходили мошенники.... Неча дѣлать: вырою могилу, да зарою съ молитвой».

Онъ взялъ заступъ, долго работалъ, наконецъ вырылъ глубокую яму, опустилъ въ нее по кушаку умершаго старика и, закидавши землею, насыпалъ на верху небольшой бугоръ.

«Пріими Господи духъ твой съ миромъ, родимой!... Кто думалъ, гадалъ, что въ такомъ захолустьи лягутъ твои косточки, анъ вотъ Господь что привелъ.... Охо! хо!... Еще и не до того доживемъ».

Набожный Ѳаддей отломилъ отъ дерева большой прямой сукъ, пореломилъ его и, связавши крестомъ, воткнулъ на могильномъ бугрѣ.

«Вѣчная память тебѣ, родному!» При сихъ словахъ онъ низко поклонился могилѣ.

«Матреша, поклонись и ты дѣдушкѣ; скажи ему царство небесное! ужъ мы больше никогда его не увидимъ».

«Царство небесное!» пролепетала дѣвочка и также поклонилась въ землю по примѣру дяди.

Между тѣмъ зарево поуменьшилось; сѣрыя тучи облегли со всѣхъ сторонъ, и началъ накрапывать дождикъ.

«Ну, никакъ гроза хочетъ подыматься; куда мы теперь денемся? Все вымочитъ до нитки!» сказалъ Ѳаддей и сталъ въ нерѣшимости. Не зная, что дѣлать и куда идти, онъ долго былъ въ раздумьи, какъ вдругъ нечаянная мысль пришла ему въ голову.

«Молись Богу, Матреша!... Онъ меня надоумѣлъ; сейчасъ мы пріютимъ себя отъ грозы; совсѣмъ было изъ головы вышло, что здѣсь въ лѣвой сторонѣ есть пустой каменный подвалъ; еще года за четыре до вѣдьмы я видалъ его, какъ ѣзжалъ за дровами; садись на телѣжку, я повезу тебя, авось скоро найдемъ; тамъ будетъ раздолье».

Дѣвочка сѣла. Онъ поворотилъ въ лѣвую сторону и не успѣлъ отъѣхать 20 саженъ, какъ изъ-за деревьевъ показался каменный гончарный подвалъ, не далѣе какъ въ осьми шагахъ.

«Ну, вотъ и онъ!... Вишь, какъ Богъ далъ, скорехонько нашли», сказалъ Ѳаддей, остановясь у каменной стѣны; между тѣмъ пошелъ проливной дождь, и онъ спѣшилъ съ своей телѣжкой къ двери.

Но какъ огорчился бѣдный угольникъ, когда увидѣлъ, что она была заперта тяжелымъ замкомъ.

«Эхъ мы, горемычные, и тутъ удачи нѣтъ!» сказалъ онъ почти со слезами. Кого чортъ догадалъ запереть замкомъ; вотъ и оставайся опять на юру; сбилъ бы замокъ, да боюсь бѣды наживешь».

Онъ продолжалъ горевать у двери, какъ вдругъ изъ продушины, бывшей наверху, послышался знакомый голосъ, и довольно внятно спросилъ его:

«Что тебѣ здѣсь надобно, добрый человѣкъ?»

Ѳаддей удивился, поглядѣлъ вверхъ, и началъ креститься. «Съ нами Богъ!... Что это мнѣ мерещится; ну, ни дать ни взять по голосу Алексѣй Трофимычъ! Такъ и есть, онъ.... А почемъ ты меня знаешь?» спросилъ Алексѣй, глядя въ отдушину.

«Да какъ тебя не знать, батюшка: ты биралъ у меня уголья на заводѣ; неужели не узнаешь угольника Ѳаддея?

«Ахъ, это ты, Ѳаддей!... Какъ тебя Богъ занесъ въ такую глушь?»

«Горе, батюшка, и не сюда занесетъ. А вотъ то диво, кто тебя, родной, засадилъ въ такую трущобу!»

«Злой человѣкъ сгубилъ меня. Вотъ сижу, не знаю какъ вырваться; нельзя-ли тебѣ сбить замокъ, да меня выпустить; вѣкъ-бы за тебя Богу молилъ».

«Изволь, батюшка, Алексѣй Трофимовичъ, изволь, отъ чего не помочь доброму человѣку; я самъ тобой много доволенъ,—разомъ сколочу».

Услужливый угольникъ тотчасъ снялъ съ телѣжки желѣзный заступъ и, ударивши съ силой нѣсколько разъ по замку, сбилъ его. Громко раздался стукъ по лѣсу; желѣзная дверь со скрыпомъ отворилась, и Алексѣй былъ на свободѣ.

Слишкомъ мѣсяцъ почти не видя Божьяго свѣта и питавшись однимъ хлѣбомъ, онъ былъ слабъ и блѣденъ; вышедши изъ подвала, почувствовалъ сильное головокруженіе и сѣлъ на траву.

«Спаси тебя Господь за твою милость!» сказалъ онъ Ѳаддею, нѣсколько отдохнувши. «Во вѣкъ тебя не забуду; а те-

перь здѣсь мѣшкать нечего, пойду помаленьку домой».

«Домой? ахъ родимой! куда жъ ты пойдешь? Ужъ я думаю твоего дому то и духу нѣтъ». Алексѣй смотрѣлъ въ глаза угольнику и не понималъ, что онъ говоритъ.

«Не ходи, не ходи, батюшка! попадешься на встрѣчу злодѣямъ, такъ еще уходятъ».

«Какимъ злодѣямъ? Развѣ Черный Воронъ въ нашемъ селѣ?»

«Да видно что онъ, проклятый. Вчерась ранехонько нахлынули окаянные, все разграбили, а теперь село зажгли съ обѣихъ сторонъ, да переѣзжаютъ на этотъ берегъ;—ужъ Богъ вѣдаетъ какая кутерьма!... Вотъ недавно поутихло, а то было такое зарево, словно красный день».

«Господи милостивый!... и волю ты мнѣ даешь не въ радость.... Скажи же ради Бога, не слыхалъ ли ты, что сдѣлалось съ Макаромъ Антиповичемъ и Гавриловной?»

«Ничего не слыхалъ, родной!... Еще съ вечера изъ села всѣ повыбрались, а

Макаръ Антиповичъ врядъ ли выѣхалъ: при смерти больнехонекъ, сердечный!... Чего добраго, можетъ, и уходили злодѣи!»

Бѣдный Алексѣй слушалъ, ни живой ни мертвый, разсказы угольника. Сердце замерло отъ ужаса; наконецъ, пришедши нѣсколько въ себя, онъ спѣшилъ удалиться изъ страшнаго лѣса, и то же самое совѣтовалъ добродушному угольнику.

«Да куда же ты пойдешь, Алексѣй Трофимовичъ? спросилъ его Ѳаддей съ удивленіемъ: не лучше ли остаться съ нами, да станемъ вмѣстѣ горе мыкать. Вишь, какая погода, а кафтанецъ-то на тебѣ перомъ встряхнуть, до костей пробьетъ, родимый.... Кругомъ же все злодѣи, разбойники.... Останься, другъ сердечный».

«Нѣтъ, прощай, добрый человѣкъ!... лучше пойду куда Богъ велитъ; авось найду добрыхъ людей, можетъ быть, чѣмъ и-помогутъ!»

«Ну, такъ возьми еще хоть мой кафтанишко да шапку, все лучше, не такъ промочитъ; да иди сторонкой, къ бе-

регу не близко, не попадись окаяннымъ».

Алексѣй поблагодарилъ добраго угольника за его совѣты и ласку, надѣлъ сверху кафтанъ его и пошелъ на право изъ дремучаго бора, а Ѳаддей съ своей ношей въ другую сторону искать себѣ надежнаго убѣжища.

ГЛАВА V.

Открытіе. Ярость вѣдьмы. Убійство. Побѣгъ.

Въ глухую полночь, на канунѣ Успеньева дня 1773 года, поверхность широкаго Днѣпра была тиха, и только не большая лодка, разсѣкая чистыя струи, летѣла стрѣлой къ луговой сторонѣ, и громкая пѣсня раздавалась по окрестности. Это пѣла заднѣпровская вѣдьма, и громкое эхо разносило пѣсню далеко по рѣкѣ; она ѣхала въ своей легкой лодочкѣ домой изъ гостей отъ новаго пріятеля своего, Чернаго Ворона.

Разбойники, разграбивши все, что было оставлено жителями въ селѣ и не находя большей надобности въ немъ оставаться, выпросили у атамана позволеніе зажечь его для потѣхи съ обоихъ

концевъ. Позволивши зажечь село, Черный Воронъ приказалъ было переправляться черезъ Днѣпръ, чтобы на томъ берегу основать свой притонъ; но послѣ, разсудя, что это затруднитъ его побѣгъ, въ случаѣ, если нападутъ солдаты, онъ остался на томъ же берегу и отступилъ съ своей ватагой за 5 верстъ, съ лѣвой стороны отъ села, въ широкую лощину между двумя горами. Проходя мимо хлѣбныхъ магазиновъ сосѣдняго помѣщичьяго села, мошенники разбили ихъ и нашли немного хлѣба, также успѣли въ расплохъ захватить нѣсколько живаго скота; и такимъ образомъ съ съѣстными запасами, раскинувши свои палатки въ кустарникахъ, назначали здѣсь до время свой притонъ.

Рано по утру послѣ пожара и побѣга Алексѣя, вѣдьма, вышедши изъ лѣсу на берегъ и видя догарающее село, чрезвычайно удивилась скорому набѣгу вороновой шайки и спѣшила въ своей лодкѣ поздравить его съ начатіемъ дѣла.

Переправясь на другую сторону и узнавши отъ нѣсколькихъ оставшихся бродягъ о мѣстопребываніи шайки, она пришла къ Ворону. Полякъ, надѣясь всегда имѣть въ ней вѣрную помощницу въ своихъ злодѣйствахъ, принялъ ее очень ласково, угощалъ виномъ и кушаньемъ, какое на эту пору случилось; цѣлый вечеръ разговаривалъ съ ней наединѣ и уже ночью, отпустивши отъ себя домой, далъ нѣсколько червонцевъ. Это было первое утѣшеніе для скаредной колдуньи; она поѣхала чрезвычайно весела, и громкая отвратительная пѣснь ея была слышна слишкомъ на версту по берегу.

Только одно обстоятельство нѣсколько тревожило проклятую вѣдьму: панъ Радичъ между прочими разговорами сказалъ ей, что, подумавши, можетъ быть, на этихъ же дняхъ, если не со всей шайкой, то по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ любимыхъ злодѣевъ онъ непремѣнно оснуетъ свой главный притонъ близъ ея избушки, а прочимъ мошенникамъ выберетъ повыгоднѣе мѣсто въ какой нибудь глуши,

по другую сторону Днѣпра, чтобы чрезъ то съ обѣихъ сторонъ имѣть наблюденіе и посылать шпіоновъ во всѣ стороны.

Выслушавши это намѣреніе разбойника, вѣдьмѣ тотчасъ пришла мысль въ голову, что если онъ переѣдетъ къ ней жить въ сосновый боръ и откроетъ заключеніе Алексѣя въ каменномъ подвалѣ, то непремѣнно убьетъ ее. Эта мысль чрезвычайно встревожила старуху и наконецъ она рѣшилась, пріѣхавши домой, непремѣнно погубить Алексѣя, такъ чтобъ Груня этого незнала; опасаясь же съ ея стороны какихъ-нибудь препятствій и подозрѣній, она намѣрена была тѣло прибрать подальше, а дѣвушку обмануть, будто бы онъ бѣжалъ.

Съ этими мыслями ѣхала она домой, будучи совершенно увѣрена въ успѣхѣ а Груня поджидала ее по обыкновенію на берегу съ фонаремъ. Затрудняясь носить къ Алексѣю пищу каждый день, она часто принашивала ему вдругъ на два и на три дня и наканунѣ этого дня принесла ему также двойную пор-

цію. Это самое попрепятствовало доброй дѣвушкѣ узнать побѣгъ его.

«Гей! гей! Груня, Груня! ау!»

«Гей! гей! ау, я здѣсь!»

Такъ перекликалась вѣдьма съ дѣвушкой, подъѣзжая ближе и ближе къ берегу. Груня открыла фонарь, и наконецъ колдунья вышла на берегъ. Привязавши лодку, онѣ спѣшили въ сосновый боръ. Погода была сырая. Не безъ труда и довольно вымочившись наконецъ дошли онѣ до своей избушки.

Груня, пришедши домой, сняла съ себя обувь и легла погрѣться на печь, а вѣдьма поглядѣла подъ печку, взяла тихонько съ полки большой ножъ и сунула себѣ въ карманъ, потомъ, зажегши ночникъ, фонарь спрятала подъ епанчу.

«Эй, Груня! насушила-ли ты къ завтраму на истопь хворосту?»

«Нѣтъ, забыла тетушка; да, кажись, еще подъ печкой отъ вчерашняго осталось».

«Нѣтъ почти ничего, только два прутчка. Пойти было мнѣ самой набрать

да насушить. Подожди меня, я сей часъ ворочусь».

«Да не трудись тетушка, я вотъ схожу».

«Грѣйся ужъ добро, грѣйся, вишь назяблась, я сама наломаю!»

Она вышла изъ избы; дѣвушка, не подозрѣвая ничего, осталась на печи и, пригрѣвшись, наконецъ задремала.

Колдунья съ фонаремъ спѣшила къ подвалу. Огненные глаза ея блистали отъ нетерпѣнія упиться человѣческой кровью, и на лицѣ заранѣе видна была улыбка кровожаднаго удовольствія.

Подойдя къ желѣзной двери, она поставила фонарь на мокрую траву, вынула изъ кармана большой ключъ и хотѣла отпереть замокъ; но каково было ея удивленіе, когда она увидѣла, что онъ былъ сломанъ. Войдя въ подвалъ съ фонаремъ и найдя его совершенно пустымъ, кровожадная колдунья затряслась, уронила фонарь на полъ и закричала съ дикимъ воплемъ.

«Ахъ, чертовка проклятая! Ахъ, змѣя подколодная!... это она его выпустила.... Что надѣлала съ моей побѣдной голо-

вушкой!... Куда мнѣ дѣться съ бѣла свѣта?... Какъ разбойники поймаютъ Алешку, вѣрно, убьютъ меня до смерти.... Ахъ, стерва валящая!... Да нѣтъ, нѣтъ, и ей же не сдобровать! Зарѣжу, зарѣжу гадину проклятую!...»

Она подняла съ земли свой фонарь, который къ счастію еще не погасъ, и съ бѣшенствомъ выбѣжала изъ подвала. Подбѣжавши къ избѣ, она тихонько растворила дверь, чтобы несмотрѣть, что дѣлаетъ Груня.

Бѣдная дѣвушка, не ожидая никакой опасности, спала безпечно, раскинувшись на печи; мѣдная запонка на строченой рубашкѣ была растегнута, и полная грудь дышала безмятежной нѣгою.

Для колдуньи это положеніе было чрезвычайно выгодно: устремя налитые кровью глаза свои на добродушную Груню, она подошла на цыпочкахъ къ печи, вынула изъ кармана ножъ и съ яростію вонзила его въ грудь спящей смуглянки. Дѣвушка вздрогнула, испустила протяжный стонъ и залилась кровью.

«Ага!... это видно не съ своимъ братомъ.... Востеръ, проклятый.... да ишто, по дѣломъ окаянной.... сама себя сгубила».

При сихъ словахъ колдунья вытерла тряпицей кровь вокругъ умершей Груни, вытащила изъ-за печи рогожу и, положивъ на нее тѣло, стащила въ оврагъ, который скрывалъ уже не первую жертву ея лютости.

Такъ погибла бѣдная дѣвушка отъ руки чудовища за свое добродушіе. Она была единственная дочь богатаго купца изъ грековъ; еще въ малолѣтствѣ украдена вѣдьмой изъ дому родителей и воспитана подъ именемъ ея племянницы. Врожденная наклонность къ добру обнаруживалась въ ней во всякомъ случаѣ, но радушная дѣвушка не предчувствовала, что ей Богъ опредѣлитъ своею жизнію купить свободу Алексѣя.

Между тѣмъ гнусная вѣдьма, воротясь отъ оврага въ избу, опять завыла, бросилась на свой кованый сундукъ и начала кричать отчаянно:

«О, батюшки, мои свѣты!... куда же дѣваться мнѣ?... Пропало все добро мое,

убьютъ меня, загубятъ меня; а всѣхъ виноватѣй проклятый полякъ: онъ, онъ довелъ меня до всего, онъ срѣзалъ мою головушку, безъ него жила бы я да жила, промышляла бы себѣ денежку; онъ отнялъ животы мои; да хорошо же, хорошо, воръ, хорошо, разбойникъ! Сгубила одного ворога, отплачу же и тебѣ, буду кановнымъ ворогомъ!... Вымещу, вымещу, все вымещу!...»

Она скрежетала зубами отъ злости, но, вспомня про деньги, что должна ихъ лишиться, опять завыла и начала рвать волосы и кричала громче прежняго:

«О, мои денежки!... золотыя мои денежки!... Все сгинетъ, все пропадетъ у меня... Куда я дѣну васъ?—взять съ собой—злодѣи отнимутъ! Здѣсь покинуть—сгубятъ, промотаютъ! О, я несчастная!... Да нѣтъ, постой же, зарою, схороню ихъ,—пусть не достанутся ни мнѣ, ни ворогу, тогда и побѣгу куда глаза глядятъ!»

Она раскрыла сундукъ; въ немъ были насыпаны три котелка мѣдными, серебряными и золотыми деньгами. Долго смотрѣла на нихъ вѣдьма со слезами,

цѣловала ихъ, рвалась отъ горести; наконецъ взяла большой топоръ, приподняла съ полу три ветхія половицы, вырыла заступомъ яму и поставила въ нее котелки съ деньгами, потомъ опять засыпала землей и накрыла по прежнему половицами.

Долго еще проклинала она Чернаго Ворона, покойную Груню; вытащила изъ кулечковъ кой-какія травы съ корешками, насовала себѣ въ карманы и, надѣвши сверху теплую шубу, побѣжала съ фонаремъ изъ избы безъ оглядки.

ГЛАВА VI.

Добрый колонистъ. Гостепріимство. Алексѣй. Волкъ въ овечьей шкурѣ.

Разставшись съ добродушнымъ угольникомъ, Алексѣй долго бродилъ по лѣсу, не чувствуя самого себя. Потерявши все, что привязывало его къ жизни, она для него сдѣлалась тягостна; онъ жалѣлъ, зачѣмъ не убила его колдунья; внутренно упрекалъ добрую Груню за спасеніе своей жизни; жестокая тоска по драгоцѣнной Машѣ убивала осиротѣлое сердце, а желаніе что нибудь узнать о ея участи и страхъ опять попасться въ руки колдуньи, побуждали его скорѣе выдти изъ страшнаго бора.

Начало разсвѣтать. Дождикъ все не уменьшался; бѣдный Алексѣй, промокши

до рубашки и не зная дорогъ въ лѣсу, заходилъ все дальше въ глушь; потомъ, опять воротясь назадъ, нашелъ наконецъ небольшую тропинку проложенную вѣдьмой изъ лѣсу. Идя по ней съ четверть часа, онъ услышалъ глухой отдаленный крикъ многихъ голосовъ; чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ крикъ становился слышнѣе; онъ происходилъ отъ нѣсколькихъ мошенниковъ, которые, отдѣлясь отъ шайки, бушевали по ту сторону Днѣпра. Алексѣй, подумавъ, что разбойники у лѣса, и боясь попасться имъ въ руки, принужденъ былъ искать себѣ убѣжища на весь день въ чащѣ бора. Увидя невдалекѣ отъ тропинки маленькій полуразвалившійся шалашъ изъ хвороста, который былъ сдѣланъ, вѣроятно, дровосѣками до переселенія вѣдьмы, онъ легъ въ него, зарылся въ сухихъ вѣтвяхъ и рѣшился ждать до тѣхъ поръ, пока все утихнетъ.

Не прошло получаса, какъ онъ услыхалъ неподалеку отъ себя голосъ вѣдьмы, идущей по тропинкѣ; сердце замерло; онъ притаилъ дыханіе; но вѣдьма, разговаривая сама съ собою, про-

шла мимо и не обратила на шалашъ никакого вниманія.

Крикъ слышенъ былъ до полудня. Бѣдный Алексѣй, дрожа отъ сырости въ мокромъ платьѣ, принужденъ былъ все лежать въ шалашѣ, и, когда уже солнце начало садиться, онъ осмѣлился выдти. Что бы не попасться злой колдуньѣ навстрѣчу, миновавъ тропинку, онъ шелъ долго стороной и наконецъ вышелъ изъ лѣсу.

Какъ замерло сердце несчастнаго юноши, когда онъ увидѣлъ ужасное зрѣлище разрушенія: на открытомъ прелестномъ мѣстоположеніи, гдѣ было прежде обширное село, обогащенное промышленностію, дымились обгорѣлые остатки домовъ; голодныя собаки бѣгали по пожарищу и искали себѣ пищи; на мѣстѣ, гдѣ стоялъ красивый домъ умершаго Макара Антиповича, возвышалась одна опаленная печь; домъ Алексѣя также сгорѣлъ до тла; только одна церковь Божія, какъ бы нѣкоторымъ чудомъ, осталась невредимою отъ пожара и разграбленія; домъ священника за церковью хотя былъ и цѣлъ, но

стекла въ окнахъ всѣ выбиты и двери выломаны.

Долго смотрѣлъ Алексѣй на опустошенный пріютъ своего младенчества, и слезы невольно потекли изъ глазъ его. «Да будетъ воля Твоя, Господи милостивый!» вскричалъ онъ наконецъ съ душевной скорбію. «Видно, такая судьба мнѣ горькому, чтобы шататься сиротиной по бѣлу свѣту; но такъ и быть, пойду куда глаза поведутъ!»

Солнце закатилось за рѣку. Онъ хотя и желалъ переправиться на ту сторону, но, не имѣя средствъ на чемъ переѣхать, пошелъ мимо бора по этому берегу. Было около десяти часовъ вечера, когда Алексѣй отошелъ по берегу пятнадцать верстъ отъ разграбленнаго селенія; проходя чрезъ двѣ небольшія деревушки, онъ нашелъ ихъ пустыми: всѣ жители, опасаясь приближенія мошенниковъ, заранѣе выбрались и оставили на жертву злодѣямъ свои опустѣлые дома. Далѣе мелкій еловый лѣсъ простирался версты на двѣ, а за нимъ былъ широкій ручей, который Алексѣй перешелъ въ бродъ. Отъ безпрестанной ходьбы и

неѣвши ничего цѣлый день, онъ наконецъ почувствовалъ усталость и сѣлъ на скатѣ небольшой горы.

Не имѣя надежды найти спокойный ночлегъ, онъ рѣшился было ночевать въ полѣ, какъ увидѣлъ вдали мелькнувшій огонь: онъ то исчезалъ, то опять показывался; наконецъ можно было разсмотрѣть, что освѣщено было нѣсколько окошекъ въ домѣ, разстояніемъ не больше какъ на версту.

«Вѣрно, тутъ живутъ добрые люди!» сказалъ про себя Алексѣй, «авось пріютятъ меня безпріютнаго!» Онъ всталъ, пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ были огни, и черезъ нѣсколько времени очутился передъ большимъ деревяннымъ домомъ съ шестью окошками, которыя были освѣщены. Обширныя пристройки и надворное строеніе можно было почесть за фабрику или какое-нибудь заведеніе довольно зажиточнаго хозяина.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ новый химическій заводъ, устроенный довольно искусственной рукою и снабжавшій аптеки окрестныхъ губерній. Владѣлецъ его, добросердечный Францъ Рейхель

Германскій колонистъ, обучавшійся въ Дрезденѣ медицинскому искусству, съ давняго времени упражняясь въ составленіи медикаментовъ, пріѣхалъ въ Россію, и этотъ заводъ выстроилъ не болѣе году. Лишась супруги, не имѣя въ Россіи никакого родства, онъ былъ одинокъ, пріучился къ уединенію, и въ занятіяхъ около своего небольшаго заведенія проводилъ жизнь однообразную. Родясь съ доброй душой и открытымъ характеромъ, онъ хотя не былъ богатъ, но считалъ всегда первымъ удовольствіемъ помогать бѣднымъ. Дверь дома его для нищаго и странника никогда не была затворена. По всей окрестности обыкновенно называли его добрымъ нѣмцемъ, и добрый нѣмецъ заслужилъ всеобщее уваженіе.

Хотя по тогдашнему времени и далеко носились слухи о злодѣйствахъ Чернаго Ворона, о разбояхъ его соучастниковъ въ низовыхъ губерніяхъ, но Рейхель еще не зналъ приближенія шайки и безъ всякаго опасенія занимался въ своемъ кабинетѣ. Латинская Фармокопея, множество нѣмецкихъ медицинскихъ и химическихъ книгъ рас-

кладены были со всѣхъ сторонъ; химикъ совершенно былъ углубленъ въ свои изысканія, какъ вдругъ вошедшій слуга доложилъ ему, что какой-то прохожій проситъ позволенія переночевать у него въ домѣ. Гостепріимный Рейхель приказалъ позвать къ себѣ прохожаго, и черезъ нѣсколько минутъ Алексѣй былъ введенъ къ нему въ кабинетъ.

«Что ты за человѣкъ, другъ мой?» спросилъ его Рейхель ласково.

«Я казенный крестьянинъ, честный господинъ», отвѣчалъ Алексѣй, учтиво поклонившись ему.

«Куда же ты идешь такъ поздно? издалека-ли?...»

«Не издалека: верстъ 20 отсюда не будетъ. А куда иду самъ не знаю—куда глаза глядятъ».

«Что это значитъ?» вскричалъ Рейхель съ удивленіемъ, «ты идешь куда глаза глядятъ, развѣ ты бѣглый?»

«Нѣтъ, не бѣглый, а пришлось бѣжать, бояринъ, когда разбойники въ нынѣшнюю ночь выжгли все село до тла, хоть ступай по міру».

«Выжгли село?... что за чудо! ты говоришь, не дальше 20 верстъ и вчерашнюю ночь?...»

«Да, бояринъ, верстъ съ 18 больше не будетъ, да ты, можетъ быть, и знаешь наше село Д.... Все до конца разграбили и выжгли проклятые!...»

«Ахъ, мой Богъ! мой Богъ!... такъ это вѣрно отъ него видно было вчера пребольшое зарево, какъ утреняя заря».

«Да видно что отъ него; вѣдь не много ни мало было сто дворовъ, и у меня былъ свой домъ; все запалили злодѣи, грабители!»

«И вѣрно съ ними тотъ разбойникъ, который называется Чернымъ Вороном?»

«Ужъ этого я не знаю, а только знаю, что съ ними одинъ проклятый полякъ, который много надѣлалъ мнѣ зла».

«Полякъ? быть не можетъ! Это долженъ быть самъ атаманъ. А много ли съ нимъ всѣхъ бандитовъ?»

«Ужъ Богъ вѣсть, баринъ, есть ли у него бандиты, а мошенниковъ, говорятъ, большая ватага: около двухъ сотъ».

«Двухъ сотъ!... Ай, ай, ай!... вѣрно они пожалуютъ и ко мнѣ въ гости,

вмѣсто прогулки. Спасибо, спасибо тебѣ, мой другъ, за извѣстіе; мнѣ надобно будетъ по утру отсюда выѣхать; а ты между тѣмъ ночуй у меня».

Онъ приказалъ своему слугѣ взять Алексѣя въ другую комнату, хорошенько накормить и успокоить, а самъ между тѣмъ призвалъ своего прикащика и работниковъ, приказалъ имъ все собирать и увязывать на воза, чтобы рано по утру уѣхать.

Встревоженные работники засуетились, начали запрягать лошадей, таскали мебель, сундуки, химическіе кубы, банки, бутылки съ медикаментами. Испуганный нѣмецъ самъ всѣмъ распоряжался, и у всѣхъ вообще сердце замирало отъ приближающейся опасности.

Но вдругъ, жалобный стонъ и крикъ раздался передъ воротами дома, — это всѣхъ удивило. Рейхель, бывши самъ на дворѣ, приказалъ узнать, кто такъ жалобно стоналъ, и работникъ подошелъ къ воротамъ съ фонаремъ.

«Батюшки, помогите!... Родные, дайте прежде конца покаяніе!» кричалъ безобразный сѣдой старикъ, лежа у воротъ. Онъ былъ почти нагой: кафтанъ

и рубашка, изорванные въ лохмотья, покрывали тѣло его, правая рука и голова были увязаны тряпками, лице желтое, обезображенное; по всему замѣтно было, что онъ шелъ изъ дальней стороны.

«Что ты воешь, старикъ?» спросилъ его работникъ, освѣщая фонаремъ страннаго старика. «Что съ тобой сдѣлалось?»

«Охъ, батюшки, родные! дайте пріютъ на темную ночь, не погубите грѣшную душу; смерть моя! заживо умираю!...»

«Да откуда ты, и кто тебя такъ изуродовалъ, сердечный? Видно ты и встать-то не можешь!»

«Охъ! смерть моя, родной!... Развѣ приподнимешь, такъ, можетъ, какъ нибудь и поплетусь».

Работникъ поднялъ изувѣченнаго старика и привелъ на середину двора. Рейхель, увидя его бѣдственное состояніе, очень удивился и вскричалъ съ состраданіемъ:

«Ахъ, мой Богъ!... какъ онъ жалокъ! сведите его поскорѣе къ тому бѣдняку; пусть вмѣстѣ переночуютъ, а я сейчасъ самъ приду».

Старика привели въ комнату къ Алексѣю въ то время, когда тотъ ужиналъ, и положили на постланный на полу тюфякъ, а Алексѣю приготовили постель на лавкѣ.

Изувѣченный бѣднякъ продолжалъ стонать и охать. Алексѣй смотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ, потому что и его участь была близка къ положенію страдальца.

Вошелъ Францъ Рейхель.

«Что съ тобой сдѣлалось, бѣднякъ?» спросилъ онъ съ участіемъ старика. Кто тебя такъ изувѣчилъ?»

«Ой, батюшка, кормилецъ!... смерть моя! ни кто меня не билъ, а самъ себя уходилъ!»

«Да куда же ты шелъ и что съ тобой случилось?...»

«Въ Богуславль шелъ, батюшка, изъ Кіева мірскимъ подаяніемъ, отъ святыхъ угодниковъ Печерскихъ, да вотъ тутъ недалеко въ перелѣскѣ и встрѣтилась мнѣ престрашная вѣдьма, глаза какъ два угля такъ и горятъ; какъ закричитъ на меня, проклятая, а изъ рота полымя такъ и пышетъ!... я испугался, ударился бѣжать, да и по-

палъ не нарокомъ въ волчью яму; ужъ и не помню, какъ меня вытащилъ отъ туда какой-то дровосѣкъ; вотъ ни рукой ни ногой ворохнуться не могу, все разбило. Охъ, родные мои!... хоть бы смерть скорѣй пришла!»

«Жалко, жалко мнѣ тебя, бѣдный; тебѣ надобно приложить пластырь, да примочить голову. Покажи-ка, гдѣ у тебя ушибено?»

«Нѣтъ, нѣтъ, родимый!... Развязать никакъ нельзя, такъ авось пройдетъ, коли Богъ не вынетъ душу. Мнѣ бы только уснуть Господь далъ».

«Ну, какъ хочешь, а лучше бы сдѣлать перевязку;—да послушай, старикъ, какъ ты вышелъ изъ Кіева, не видалъ ли тамъ за Днѣпромъ разбойниковъ?»

«Разбойниковъ? нѣтъ, не видалъ, отецъ родной; были они окаянные, выжгли верстъ за 20 отсюда село, да и ушли далеко назадъ; говорятъ, что суворовцы подступаютъ, такъ и подняли ноги, злодѣи!»

«Стало быть ихъ и нѣтъ въ этой сторонѣ?»

«Нѣтъ, бояринъ, нѣтъ ни одного, всѣ какъ тараканы передъ пожаромъ по

щелямъ разбрелись; вишь испугались грозы, которая надъ ними собралась, почуяли Суворова!»

«Такъ я, видно, по пустякамъ и собираюсь, не остаться ли мнѣ здѣсь?»

«Вѣстимо остаться, батюшка. Пошто изъ пустяковъ весь домъ полошить?»

«Нѣтъ, не оставайся, бояринъ! прервалъ Алексѣй, взглянувши сурово на нищаго. Пустой болтовни нечего слушать; пожалуй ни оттуда ни отсюда нахлынутъ окаянные!»

«И въ самомъ дѣлѣ лучше уѣхать; ужъ у меня почти все готово. Да и ты, кажется, нездоровъ, дружокъ, отчего такъ блѣденъ?» обратился Рейхель къ Алексѣю.

«Ужъ и не спрашивай, честной господинъ»; отвѣчалъ Алексѣй со вздохомъ; «я самъ отъ вѣдьмы пострадалъ, засадила проклятая, высидѣлъ въ подвалѣ съ мѣсяцъ, хорошо что добрый человѣкъ выпустилъ».

«Засадила въ подвалъ! ай, ай, ай! видно она тебя не взлюбила!»

«Пришлось, баринъ, не взлюбить, когда проклятый полякъ, атаманъ раз-

бойниковъ, деньги задалъ, чтобъ меня извести».

«Извести! то есть убить. Ахъ, бѣднякъ, бѣднякъ! за что-жъ тебя убить?»

«Ни за что, ни про что, бояринъ! полюбилась ему моя невѣста, разбойнику, началъ мнѣ яму рыть, да вотъ и доканалъ таки, злодѣй!... При семъ словѣ крупныя слезы невольно полились изъ глазъ бѣднаго Алексѣя».

«Не плачь, не плачь, милый! отдохни хорошенько; Богъ милостивъ, онъ дѣлаетъ все къ добру. А куда же ты думаешь завтра идти отсюда?»

«Богъ вѣсть куда! .. теперь мнѣ вовсе негдѣ преклонить голову,— остался сирота сиротой!»

«Ну, такъ молись же Богу! — ты не будешь сиротой, подожди!» И добрый нѣмецъ вышелъ изъ комнаты.

Изувѣченный прохожій все стоналъ. Алексѣй сидѣлъ въ раздумьи, дожидаясь возвращенія Рейхеля; наконецъ онъ вошелъ, держа въ рукахъ запечатанное письмо.

«Умѣешь ли ты читать по русски?» спросилъ онъ Алексѣя.

«По русски? умѣю, баринъ, а по другому не гораздъ».

«Ну, такъ вотъ тебѣ письмо. Верстъ за 40 отсюда живетъ мой двоюродный братъ, Генрихъ Рейхель; ты найдешь его по адресу; приди къ нему, отдай письмо и живи покойно, какъ у родныхъ, сколько тебѣ захочется».

«Спасибо тебѣ, честной господинъ!» сказалъ Алексѣй, взявши письмо; «вѣчно буду со слезами за тебя Бога молить, и какъ въ церковь,—такъ молебенъ отслужу. Да ты изволилъ мнѣ сказать про адресъ, гдѣ же мнѣ повидаться съ нимъ, бояринъ?»

«Адресъ увидать!... Да онъ тутъ на письмѣ, прочти такъ и увидишь».

«Тутъ написанъ! ну ладно. Дай тебѣ Господь всякаго счастія и благополучія; ты мнѣ вмѣсто отца роднаго. Спасибо, вѣкъ не забуду».

«Не благодари, не благодари! не за что. Усните хорошенько, любезные, до завтра; какъ соберетесь съ силами, пораньше и въ счастливый путь!... Прощайте!»

Добродѣтельный Рейхель вышелъ изъ комнаты. Алексѣй, помолясь Богу, легъ

спать, и не успѣлъ еще забыться, какъ больной старикъ всталъ и потихоньку вышелъ изъ комнаты на дворъ. Его встрѣтилъ Рейхель, еще хлопотавшій съ возами, и чрезвычайно удивился, видя, что онъ идетъ прямо къ воротамъ.

«Куда-жъ ты бредешь, старикъ? — развѣ не ночуешь у меня?» спросилъ онъ нищаго.

«Нѣтъ, спасибо батюшка! теперь мнѣ полегче; поплетусь помаленьку».

«Да куда жъ въ такую пору? опять упадешь!»

Но старикъ ничего не слушалъ и шелъ дальше, прихрамывая, и скрылся въ темнотѣ.

Гостепріимный Рейхель поглядѣлъ ему въ слѣдъ съ изумленіемъ и принялся опять за свои хлопоты.

Лишь только разсвѣло, Алексѣй поблагодарилъ хозяина за его ласку и отправился отыскивать Генриха Рейхеля; а гостепріимный хѣмикъ также вскорѣ послѣ него съѣхалъ со двора съ грузными подводами. Дорога его лежала въ Черниговъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

2-й части.

		Стран.
Глава I.	Алексѣй узникъ. Утѣшительница. Панъ Радичъ	5
„ II.	Набѣгъ разбойниковъ. Опустошеніе. Радичъ или Черный Воронъ. Онъ является. Смерть Макара Антипыча . .	16
„ III.	Корчма. Безкорыстные жиды. Бѣдная Маша	38
„ IV.	Семейство угольника. Могила. Алексѣй освобожденъ	51
„ V.	Открытіе. Ярость вѣдьмы. Убійство. Побѣгъ	66
„ VI.	Добрый колонистъ. Гостепріимство. Алексѣй. Волкъ въ овечьей шкурѣ . .	76

ПАНЪ РАДИЧЪ

или

СТРАШНЫЯ НОЧИ

ЗА ДНѢПРОМЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

взятый изъ народныхъ преданій.

Н. Инзарцева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. И. ИРѢСНОВА.

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, у Яузской части,
д. Медынцевой.
1875.

Дозволено цензурою. Москва. 9 октября 1874 года.

ГЛАВА I.

Притонъ за Днѣпромъ. Прибытіе Капеллино. Старинные друзья. Шпіонъ. Походъ.

«Тьфу, чортъ побери!... какъ здѣсь скучно.... сидимъ какъ сверчки по угламъ; ужъ скорѣе бы рукава засучать, да кровавое поле пахать!»

Такъ говорилъ разудалый Мурзай, выколачивая о камень пепелъ изъ своей деревянной трубки.

«Ужъ и меня зѣвота забираетъ!» подхватилъ Бурло, помѣшивая своимъ ржавымъ палашемъ кучу хвороста, зажженнаго на землѣ. «Лежи на печи, да гложи кирпичи, говорятъ у насъ рускія бабы; а намъ того гляди придется и вправду кирпичи глодать».

«Да и погложешь!—Вишь, Воронъ то нашъ не больно летаетъ, крылья опустилъ; все сидитъ на лавкѣ, сложа лапки, и думаетъ, что ему подъ носъ поднесутъ. Нѣтъ, братъ, по нашему

какъ развернулся, пошелъ помахивать, жги да коли, не будетъ глухой поры, а то сидѣть нюней повѣся голову, пожалуй ее и съ плечъ затеряешь; что что тутъ добраго. Вѣстимо никакого добра нѣтъ! вотъ какъ не помянуть Башлыка. Поневолѣ вспомнишь: у того хоть служить и тяжело было, ужъ за то успѣвай оглядываться: потѣха за потѣхой. Бывало такъ нагрѣешь руки, что и плечамъ достанется, за то ужъ и поѣшь сладко; а здѣсь видно только на словахъ, какъ синица, готовы море зажечь, а дойдетъ до дѣла, такъ въ лужѣ утонемъ! — Вотъ только житья бытья и лакомства!»

При сихъ словахъ Бурло бросилъ въ огонь сырое яйцо, и оно испеклось въ одну минуту.

Напротивъ его сидѣлъ широкоплечій Бушуй и точилъ стальной кинжалъ объ отломокъ дикаго камня. Щучка, прижавшись къ дереву, щелкалъ орѣхи, а Путло, прилегши подъ кустъ, игралъ кистенемъ, а прочіе разбойники, собравшись въ кружокъ, сидѣли толпами на травѣ, а нѣкоторые, пригрѣвшись на солнцѣ, спали крѣпкимъ сномъ.

Во время общаго разговора и ропота на Чернаго Ворона, всѣ между собой шумѣли, спорили и кричали; только одинъ задумчивый Путло долго не вмѣшивался въ ихъ споры; но вслушавшись наконецъ въ разговоръ, подвинулся поближе къ товарищамъ и сказалъ:

«Эхъ вы, головы молодецкія! Всѣ вы спорите, а объ чемъ, сами не знаете. Неужто у васъ сердца ретивыя льдомъ заморожены? Полетѣлъ бы и нашъ Воронъ за синее море, какъ бы не было у него зазнобы; а то вишь врѣзался въ красную дѣвку—ворожбой не отворожишь. Вотъ погодите, пройдетъ первая дурь, самъ опомнится, тогда и махнемъ во всю удалую!»

«Да, жди покуда онъ опомнится, а до того зубы-то на полку положи. Хорошъ разумъ!

«А отъ чего жъ и не подождать, подхватилъ Щучка. Охъ вы мнѣ нетерпѣливые! Не прошло двухъ дней, а вамъ бы ужъ и горы золота. Я помню еще маленькій въ училищѣ читалъ: терпѣніе побѣждаетъ все. То ли дѣло потерпишь, послѣ самому слюбится!»

«Ахъ, ты, разумная голова, ужъ мы знаемъ, что ты учился 10 лѣтъ да толку-то ничего нѣтъ. Все дуракъ дуракомъ; а что, чай всѣ и грамматики переучилъ?»

«Да, есть грѣхъ. И листамъ и переплетамъ досталось, да въ головѣ-то ничего не осталось. У меня какъ-то существительное зацѣпилось за прилагательное, я запутался, отъ грамматики отсталъ, да и попалъ вотъ сюда, какъ подъ красную шапку».

«И славное дѣло! У насъ, братъ, Башлыкъ завелъ свою грамматику, только безъ прилагательнаго: ужъ у кого голову съ плечъ снимешь, такъ не приложешь... ха, ха, ха! Нѣтъ, ребята, былъ такой дока, что умѣлъ и голову къ плечамъ прикладывать, какъ бишь его звали?... да.... Брюсъ! Вотъ былъ дотошная голова, велѣлъ себя разрубить, да послѣ живой водой спрыснуть, опять и ожилъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ».

«Убирайся къ чорту съ своимъ Брюсомъ. Я бы теперь отъ скуки тебя разрубилъ да зажарилъ, какъ теленка; а то, видишь, ѣстьпочти нечего!»

«Да ребята, какъ ни балагуръ, а и вправду что-то скучно; хоть бы удрать отсюда подальше, а то у меня сердце ноетъ, чтобъ не было бѣды. Да что мы здѣсь и сдѣлали-то путнаго? — Погрѣлись около села, да и сидимъ какъ тараканы распустя усы. Насулилъ пропасть хлѣба, вотъ онъ почти и весь, а отъ баранины только одни кости остались. Нѣтъ, братъ, три сотни однимъ хлѣбомъ не укормишь».

«Каковъ хлѣбъ, иного станетъ и на пять сотъ!»

«А въ какой печи ты испечешь его, разумная голова?»

«Ура!» раздалось вдругъ изъ за еловаго перелѣска. «Ура!» повторилось еще ближе. Разбойники засуетились.

«Кой чортъ!... орутъ, какъ за языкъ повѣшанные!» сказалъ Мурзай, вставши и перетягивая себя ремнемъ.

«Еще пожалуй разбудятъ атамана, взбалмошь проклятая!»

«Нѣтъ, братъ, его не разбудишь; коли въ голову попало, да заснулъ, такъ хоть изъ пушекъ стрѣляй, не услышитъ».

Многіе изъ разбойниковъ хотѣли идти въ ту сторону, откуда былъ слышенъ

шумъ, какъ вдругъ показался удалой Шумляй съ пятью товарищами, которые тащили большой боченокъ, съ громкимъ крикомъ.

«Гей! здорово товарищи послѣ давишняго!» закричалъ Шумляй, бросивши въ кучу разбойниковъ свою изломанную шляпу. Вы здѣсь спину грѣете, а я за васъ работай? Вотъ досталъ бочку браги да еще какой! городской!»

«Ну, давай разопьемъ ребята!»

«Спасибо, спасибо, братъ! Гдѣ это ты свахлялъ? Вѣрно на пивоварню залѣзъ?»

«Куда къ чорту, я и не знаю пивоварни, а вотъ тутъ проселкомъ гляжу и ѣдетъ баба; въ телегѣ боченокъ. Я гаркнулъ, ребята налетѣли—глядь, въ боченкѣ то брага. Давай намъ сюда!... Бабу обшарили—ничего нѣтъ; только вотъ вынули одинъ гарнитуровый платокъ, ужъ не знаю, какъ его и дѣлить, а лошаденка алтына не стоитъ. Поглядѣлъ, поглядѣлъ да и отпустилъ».

«Ну, ладно, братъ, и такъ хорошо. Выпьемъ, такъ на сердцѣ-то будетъ все повеселѣе. Качай ребята!»

Разбойники обступили боченокъ, налили изъ него браги въ большой чу-

гунъ и начали черпать, кто ковшомъ, кто половникомъ а кто тянулъ черезъ край. Пошла пирушка! «Славная брага, ребята!» кричалъ Бурло, подвалясь къ чугуну; отольемте-ка въ горшокъ атаману, какъ проснется на похмѣлье».

«И то дѣло, отольемъ, а то скоро у насъ ни капли не останется». Тотчасъ большой горшокъ былъ налитъ брагой и поставленъ къ сторонѣ.

Черезъ четверть часа боченокъ сдѣлался пустъ. Разбойники развеселились и буйными толпами разбрелись по окрестнымъ кустарникамъ; только старшіе усѣлись въ кружокъ, и пошли разговоры:

«Ну, Шумляй, разогналъ ты наше горе кручину», сказалъ Мурзай, расчищая усы; безъ тебя сидѣли мы какъ пойманные, а теперь въ головѣ шумитъ—и сердцу легче!»

«Да, братъ, хмѣль царь въ головѣ и много дѣла дѣлаетъ. Теперь я самъ не свой, кажись гаркнулъ бы пѣсенку во всю удалую».

«За чѣмъ же дѣло стало? Споемте, ребята. Эй, Путло! ты у насъ запѣвало, ну, подвигайся-ка, да затягивай залихвацкую».

«Ладно, товарищъ! да чуръ, подхватывайте дружнѣе, не выдавайте».

«Ужъ запѣвай, не выдадимъ; а ты, Щучка, мастеръ присвистывать, нутка разгуляйся по ухорски!»

Всѣ придвинулись ближе другъ къ другу. Путло сѣлъ въ серединѣ, откашлянулся, подперъ себѣ бока, и громкая пѣсня раздалась по окружности.

За Ураломъ, за рѣкой,
Казаки гуляютъ;
И стрѣлою каленой
За рѣку пущаютъ!
Гай, гай! ну гуляй! за рѣку пущаютъ.

Казаки не простаки,
Вольные ребята;
Все на шапкахъ тумаки!
Всѣ живутъ богато!
Гай, гай! ну гуляй! всѣ живутъ богато.

Ночью темной не уснутъ,
Въ полѣ разъѣзжаютъ;
Всѣ добычу стерегутъ,
Свищутъ, не зѣваютъ.
Гай, гай! ну гуляй! свищутъ не зѣваютъ.

Гей! сибирскіе купцы
Ѣдутъ съ соболями;
Ну, дружнѣе молодцы,
Полетимъ стрѣлами!
Гай, гай! ну гуляй! полетимъ стрѣлами!

Какъ добычу раздѣлимъ,
Тутъ-то запируемъ;
Сладко выпьемъ, поѣдимъ,
Горе позабудемъ!
Гай, гай! ну гуляй! горе позабудемъ.

Пѣсня кончилась. «Ну, ребята, давно мы не пѣвали такъ дружно любимой Егоркиной пѣсни», сказалъ Мурзай; «кажись, съ тѣхъ поръ, какъ за Уфой былъ праздникъ; да ужъ тогда было что и попить: въ винѣ хоть купайся, а теперь вишь съ баченка браги распотѣшились, какъ и ни вѣсть што!»

«Нечего дѣлать, братъ! порой квасъ молодой, а другой и съ водой. Что есть подъ носомъ, тѣмъ и будь доволенъ. По мнѣ такъ и брага хороша, когда вина нѣтъ».

Такъ разсуждали они, сидя въ кругу. Нѣкоторые изъ удальцовъ, развеселясь, начали бороться между собой, другіе, чтобы испытать силу, со всего размаху били кистенями въ деревья. Молодыя ели трещали отъ сильныхъ ударовъ, а бойцы хвастались одинъ передъ другимъ и выказывали свое удальство.

Вдругъ громкій хохотъ раздался невдалекѣ, и Ванька Барсукъ подбѣжалъ къ сидѣвшимъ въ кругу разбойникамъ.

«Ха, ха, ха! ну, господа старшіе, посмотрите-ка, наши молодцы ведутъ какого охряка; вотъ будетъ потѣха. Что за чудакъ? Либо какой дьячекъ, либо монастырскій служка!...»

«Такъ чему жъ ты смѣешься-то, дура голова? Эка радость припала, или очень разобрало?»

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ двое мошенниковъ привели человѣка; онъ былъ не высокаго роста, съ большой сѣдой бородой, въ черномъ полукафтаньѣ, подпоясанъ ремнемъ и въ шляпѣ съ широкими крыльями.

«Что это за чернецъ?» спросилъ Мурзой приведшихъ его мошенниковъ.

«Не знаемъ; онъ попалъ намъ здѣсь въ перелѣскѣ, проситъ, чтобъ привели его прямо къ атаману: вишь ему надобно!»

«Къ атаману! вотъ чудо!... каковъ гусь! Да на что же тебѣ, пріятель, нашего атамана?»

«У меня есть до него дѣло», отвѣчалъ чернецъ.

«Какое жъ дѣло? скажи прежде намъ; все равно, мы старшіе у Чернаго Ворона».

«Нѣтъ, я никому не скажу моего дѣла, кромѣ самого атамана; сведите меня къ нему».

«Каковъ молодецъ!—лихая замашка. Нечего дѣлать, разбудите, ребята, атамана, посмотримъ что такое за дѣло».

«Мнѣ что-то знакомъ его голосъ», сказалъ Шумляй, смотря на незнакомаго.

Прочіе разбойники всѣ его обступили и также глядѣли съ удивленіемъ на страннаго пришлеца.

Между тѣмъ разбудили Чернаго Ворона и пришли за чернецомъ.

Атаманъ лежалъ въ раскинутой палаткѣ на войлокѣ; потягиваясь со сна, онъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на нежданнаго гостя и, зѣвая, спросилъ его:

«Что тебѣ надобно, честный отецъ? зачѣмъ ты искалъ меня?»

«Я искалъ тебя затѣмъ, что слухъ о твоемъ грабительствѣ пронесся далеко; много ты загубилъ христіанскихъ душъ и теперь хочешь все пить кровь неповинную.—Когда же будетъ конецъ твоему нечестію?»

«Началъ славно!—Ну, чтожъ будетъ дальше? Вѣрно, ты пришелъ меня усовѣщивать!»

«Я пришелъ просить тебя, чтобъ ты вышелъ изъ этой стороны, чтобъ бросилъ жизнь злодѣйскую, а не то страшись! Гости нежданные не далеко, и веревка ждетъ твою шею, окаянный!

«Ага! ты ужъ началъ ругаться. Хорошо же, покуда до веревки я тебя встряхну, у меня отправишься по паспорту на тотъ свѣтъ».

Ярко заблистали глаза у Чернаго Ворона; онъ искалъ около себя какого нибудь оружія, какъ вдругъ чернецъ захохоталъ.

«Каково мы работаемъ!» закричалъ онъ, и снялъ съ себя большой сѣдой парикъ; потомъ, отвязавши длинную бороду, распоясался и началъ скидавать платье.

«Капеллино!» вскричалъ Черный Воронъ съ удивленіемъ. «Вотъ чудо! откуда тебя Богъ принесъ?»

«Капеллино!» вскричали разбойники. Слухъ о прибытіи его въ одну минуту распространился по всей шайкѣ.

«Капеллино здѣсь! Капеллино здѣсь!» кричали всѣ и кидали вверхъ свои шапки. — «Вотъ славно; теперь дѣла наши пойдутъ лучше!»

Многіе изъ разбойниковъ толпились къ палаткѣ, чтобъ увидѣть новаго гостя.— итальянецъ стоялъ передъ Чернымъ Вороном въ короткомъ козакинѣ, и богатый кинжалъ блисталъ за поясомъ.

«Здорово, братъ Станиславъ!» сказалъ онъ обнимая Чернаго Ворона, «заставилъ ты меня земли поколесить, насилу открылъ тебя, вишь засѣлъ въ какую трущобу; ну что, каково идутъ дѣла твои?»

«Покуда хорошо. — Ну, ты, братъ, сыгралъ славную штуку, хоть убей не узналъ бы; правду говорятъ что итальянцы хитры; ты и хитраго перехетришь.

«Да, братъ Воронъ, пришло подниматься на выдумки, когда нужда привела; надобно же было какъ нибудь до тебя добраться».

«А я, признаюсь, не ждалъ тебя. Откуда ты? Гдѣ нашъ балагуръ Башлыкъ?»

«Теперь не знаю гдѣ, а я прямо сюда изъ Краснояра; тамъ были всѣ вмѣстѣ».

«Изъ Краснояра? ого! го!.. неужели ты шелъ все пѣшкомъ?»

«Нѣтъ, больше ѣхалъ, а кой гдѣ и ногамъ доставалось».

«Ну такъ отдохни же, дружище; те-

перь мы съ тобой вдвоемъ начнемъ помахивать. Москва у насъ не за горами, а ружья за плечами.—Гей! пошлите сюда старшихъ!»

Старшіе тотчасъ пришли въ палатку, и съ восхищеніемъ обнимали своего давнишняго товарища; все оживилось.

«Ну, старинный камрадъ!..» сказалъ Мурзой, глядя съ улыбкой на Капеллино, «ты такъ похорошѣлъ, что трудно узнать; а я ужъ и не чаялъ тебя и въ живыхъ видѣть».

«Да, ребята, далеко мы летали, да вотъ опять Богъ привелъ къ вамъ въ гости».

«Садись же братъ, да разскажи намъ, какъ вы послѣ насъ поживали съ своимъ пріятелемъ», сказалъ Черный Воронъ, разстилая по травѣ коверъ для Капеллино. — «Вотъ какъ у насъ, по турецки, безъ церемоній!»

Капеллино сѣлъ. Всѣ окружили его и со вниманіемъ приготовлялись услышать новости.

«Ну, начинай же, любезный!—У всѣхъ уши на готовѣ».

«Помните, господа», началъ Капеллино, «какъ мы подошли подъ Царицынъ; вы тутъ были не больше двухъ

дней, и послѣ ушли вмѣстѣ съ Донцами, а мы остались горе мыкать; кой гдѣ побирались отъ проѣзжающихъ, отбивали табуны лошадей, и все было какъ-то неладно.

«Тутъ же Боаспре сулилъ намъ золотыя горы, а Башлыкъ захворалъ. Тутъ мы проживали больше недѣли, потомъ отступили на 20 верстъ въ сторону, разграбили двѣ деревни,—все было мало поживы. — Наконецъ онъ выздоровѣлъ; тутъ пошла было у насъ опять потѣха, да проклятый французишко все меня затиралъ въ грязь; я молчалъ; какъ вдругъ, послышимъ, Суворовъ послалъ на насъ отрядъ уланъ, мы встрепенулись, не тутъ-то было!—Ты знаешь, Станиславъ, что у насъ было до 200 человѣкъ; хоть регулярная пѣхота и слаба, но все таки везла помаленьку, а про казаковъ нечего и говорить; нѣтъ, братъ, ничто не помогло. — Два часа мы дрались какъ черти съ уланами, и давай Богъ ноги!—Остальные Донцы и пѣхота съ мужиками сдались, а мы удрали внизъ по Волгѣ къ Краснояру; тутъ и начали переправляться черезъ рѣку: кто на

лодкѣ, а кто вплавь; я спросилъ у Боаспре: куда же мы пойдемъ отсюда?—Въ Уральскую степь! пробормоталъ онъ мнѣ сердито.—Въ Уральскую степь!... Это мнѣ показалось не по шерсти. Изволь съ нимъ таскаться голодный по степи; а 500 верстъ исходить не шутка.—Вотъ мнѣ и пришло на умъ отыскать васъ. Вечеромъ позвалъ меня атаманъ къ себѣ и препоручилъ, какъ другу, присматривать за новобранными Уральцами. — Жадный французъ былъ тутъ-же и завистливо смотрѣлъ на меня. — Подавись всѣмъ, кроклятый!... подумалъ я про себя; принялъ препорученіе, насказалъ ему кучу всякаго зброду, да, пришедши отъ него, выбралъ что было получше изъ палатки—и давай Богъ ноги за Волгу!..»

«Браво, браво!» закричали всѣ разбойники. — «Вотъ молодецъ не добирается царства, такъ голова на плечахъ цѣлѣе будетъ!»

«Ну, какъ же ты доплелся до насъ?» спросилъ Черный Воронъ. «Гдѣ досталъ этотъ нарядъ?»

«А вотъ какъ: у Краснояра повстрѣчался мнѣ одинъ богомолецъ, старикъ

древній; хилый; убить его было жалко; я снялъ съ него этотъ черный халатъ и всю збрую, обшарилъ карманы, нашелъ пачпортъ да 5 рублей. И то наше! парикъ съ бородой были у меня свои, вотъ такъ и пошелъ. Дорогой распродалъ кой гдѣ всѣ свои пожитки, денегъ таки у меня понабралось; и распрашиваю я, нѣтъ ли гдѣ разбойниковъ, говорятъ, что завелись въ Кіевѣ или за Кіевомъ; вотъ я и догадался, что это наши, пріѣхалъ сюда, пошелъ пѣшкомъ изъ Кіева, да вотъ тутъ верстахъ въ 5 набрелъ на село,—только одни головы торчатъ. — И все это нашей работы, сказалъ я, пошелъ перелѣскомъ, тутъ мнѣ и попались ваши молодцы; я думалъ, что меня хоть кто нибудь узнаетъ, анъ нѣтъ и ты самъ не узналъ, пріятель!»

«Да гдѣ узнать? ты мнѣ показался такимъ старовѣромъ, что и ввѣкъ бы не догадался. Теперь мы съ тобой заживемъ вдвоемъ: молодцевъ раздѣлимъ пополамъ, и дѣла пойдутъ живѣе».

«А чтожъ ты намѣренъ тутъ дѣлать? и надолго ли здѣсь останешься?»

«Здѣсь пробуду не долго, на этой

же недѣлѣ пойдемъ вверхъ къ Москвѣ; правду сказать, ужъ и давно бы ушли, да тутъ въ селѣ задержала меня пара хорошенькихъ глазъ.»

А а!.... Ну чтожъ? захватимъ рыбу на уду, или ушла?»

«Ушла, братъ; мои дураки поймать не умѣли; правда, задушевнаго-то ея у меня колдунья уходила, а ужъ коли самую не найду, живъ не буду, да теперь при тебѣ я спустя рукова отыщу ее.

«Пожалуй для друга похлопочу, у меня и не этакія птицы попадали въ клѣтку!

«Ужъ знаютъ тебя, не разсказывай! Я слышалъ, какъ ты еще въ Венеціи дѣла коверкалъ, и въ Польшѣ у насъ про тебя слухъ былъ; да здѣсь, братъ, я самъ о своемъ горе похлопочу, а ты у меня работай съ удальцами!»

«И то дѣло: мы зѣвать не будемъ; сегодня 15 августа, съ легкой руки и за работу. Я еще съ малолѣтства научился владѣть кинжаломъ, промаху не дамъ!

Воронъ еще обнялъ за расположеніе молодаго итальянца и разкупорилъ послѣднюю бутылку донскаго.

«Ну, ребята! выпьемъ по стакану за

здоровье Капеллино, вотъ что есть послѣдки!»

«А мы было приготовили тебѣ горшокъ браги!» сказалъ Бушуй со смѣхомъ.

«Брага, гдѣ она? Давайте ее сюда! Все равно хоть это будетъ и послѣ скобеля топоромъ!»

Принесли горшокъ и поставили на середину палатки; распивши съ громкимъ крикомъ донское, бутылку покатили по травѣ и принялись за брагу; полные стаканы начали ходить кругомъ, какъ вдругъ у входа въ палатку между разбойниками поднялся шумъ.

«Нѣмчура! нѣмчура!» кричали многіе и громкій хохотъ раздался у палатки, наконецъ толпа разступилась, и разбойникъ въ лохмотьяхъ, едва переводя дыханіе вбѣжалъ въ середину круга.

«А! Штурмъ!» вскричалъ Капеллино, поглядѣвши на разбойника, «откуда ты взялся?...»

«Капеллино!» вскричалъ тотъ съ удивленіемъ. «Вотъ чудо!.... да мнѣ некогда теперь съ тобой разговаривать, а дѣло до атамана!»

«Что скажешь?» спросилъ Черный Воронъ; «да отъ чего ты безъ бороды, и какъ будто сорвался съ цѣпи?»

«Не спрашивай!... а скорѣй собирайся да покачивай, коли успѣемъ захватить молодцевъ, такъ будѣтъ пожива».

«Да гдѣ? сказывай скорѣе!»

«А вотъ гдѣ, верстъ за 20 отсюда; я бѣжалъ такъ, что индо пятки горятъ, и вѣрно еще птицу поймаемъ!»

«Да гдѣ же, разскажешь ли ты, старый дьяволъ?» закричалъ атаманъ сердито.

«Сейчасъ, сейчасъ! вотъ видишь ли, охъ!... не могу отдохнуть.... вотъ видишь ли?...»

«Да чортъ тебя возьми! я ничего не вижу, станешь ли ты говорить, или я тебѣ лобъ расколю на двое!»

«Не торопись, сейчасъ.... Вотъ видишь ли.... верстъ за 20 отсюда есть нѣмецъ заводчикъ, гдѣ дѣлаютъ пластыри да мази....»

«То есть химическій заводъ, ну, ну что дальше?»

«А вотъ что: я ночевалъ у этого заводчика; онъ долженъ быть богачъ хоть у него всего больше я видѣлъ стклянокъ да банокъ, а купороснаго масла столько что можно уморить тысячу; а вѣрно есть и деньги».

«Ну такъ чтожъ? Тутъ толковать нечего, сейчасъ соберемся, да и катай!..»

«Постой, постой! дай же досказать... Я прикинулся больнымъ и пришелъ къ этому заводчику повысмотрѣть что хорошенькаго; онъ проклятый землякъ собирается со всѣмъ скарбомъ въ походъ,—пришелъ къ нему молодой парень; Богъ вѣсть какой, вишь мѣсяцъ сидѣлъ у твоей вѣдьмы въ подвалѣ...»

«Что? что ты говоришь? у вѣдьмы въ подвалѣ...»

«Да у вѣдьмы, вишь засадила его въ подвалъ, да еще, кажется, онъ говорилъ, по твоему приказу.—Вотъ этотъ то дуралей и разсказалъ ему, что мы близко, а тотъ и давай Богъ ноги, да врядъ ли уѣдетъ: коли мы поторопимся, такъ захватимъ!»

«Ахъ чортъ возьми!» закричалъ Радичъ ударивши себя въ лобъ», неужли это Алексѣй? неужли проклятая колдунья обманула меня?... О!.. если такъ,—въ клочьи изорву, ни одной щепы не оставлю, да вотъ сейчасъ все узнаемъ! Гей, ребята, сюда всѣ ко мнѣ!.» закричалъ онъ ужаснымъ голосомъ, и губы его тряслись отъ ярости.

Разбойники всѣ въ одну минуту столпились около палатки, и едва было не опрокинули ее на бокъ. Радичъ вышелъ на лугъ и сталъ въ срединѣ толпы.

«Слушайте!» закричалъ онъ, «ты Мурзай, сейчасъ возьми съ собой 50 отборныхъ ребятъ и съ нѣмчурой катайте проворнѣе на заводъ, если никого не захватите, такъ ударьте въ погоню, но не дальше 5 или 6 верстъ, а если догоните, все что получше обобрать, ненужное оставить, пуще всего не забудьте лошадей; а людей всѣхъ живьемъ ко мнѣ въ сосновый боръ къ колдуньиной лачугѣ. Ну, ступай!»

Онъ махнулъ рукой и Мурзай проворно побѣжалъ формировать свою ватагу.

«Ты, любезный товарищъ», сказалъ Панъ Радичъ, обратясь къ Капеллино, «поѣдешь со мной и съ нами 50 человѣкъ лихачей, кто половчѣе; тамъ мы будемъ поджаривать сухія кости. Всѣ старшіе со мной, только Путло съ остальными останатся дома; онъ у меня любитъ домосѣдничать».

«Да смотри, какъ можно крѣпче по дорогамъ караулы держать!»

«Слушаю», отвѣчалъ Путло съ важностію, подпершись въ бокъ рукою.

«Ну, такъ разомъ въ дорогу!»

Въ одну минуту назначенные мошенники собрались и вооружились. Радичъ также привязалъ свою польскую саблю и взялъ двухствольные пистолеты; Капеллино палашъ и ружье, и черезъ нѣсколько минутъ двѣ большія толпы потянулись къ перевозу; тамъ онѣ нѣсколько промедлили; наконецъ, переѣхавши на двухъ лодкахъ на другую сторону, одна ватага пошла къ сосновому бору, а другая лѣвой стороной вдоль по берегу.

ГЛАВА II.

Еще пожаръ. Неудача. Поиски по слѣдамъ.

Страшно зашумѣлъ сосновый боръ когда вошла въ него буйная ватага разбойниковъ; дикіе крики раздавались въ чащѣ, и эхо разносило ихъ далеко. Черный Воронъ, желая захватить вѣдьму врасплохъ и боясь, чтобы она не убѣжала, безпрестанно кричалъ на разбойниковъ, чтобы они не шумѣли; но, не смотря на то, полупьяные мошенники никакъ не могли сохранить между собою совершенной тишины.

«Замолчите ли вы, бѣшеныя собаки!» закричалъ онъ наконецъ, вышедши изъ терпѣнія. «Первому, кто теперь закричитъ, я велю размозжить голову!»

Эта угроза нѣсколько подѣйствовала надъ злодѣями, и хотя крикъ уменьшился, но невнятный шумъ и ропотъ все еще переливался въ толпѣ. Долго шли разбойники по чрезвычайной гу-

стотѣ бора. Наконецъ они должны были разсыпаться, и по одиночкѣ съ трудомъ пробираться къ одному направленію.

Панъ Радичъ съ старшими шелъ впереди и подавалъ изрѣдка сигналы тихимъ свистомъ.

Наконецъ, подойдя на близкое разстояніе въ полянѣ, окружавшей избушку колдуньи, Воронъ приказалъ разбойникамъ обойти ее кругомъ и притаиться за деревьями; въ случаѣ же, если побѣжитъ вѣдьма, немедленно схватить ее; а самъ съ старшими пошелъ прямо къ полянѣ. Пришедши въ виду избушки, онъ далъ знакъ, чтобъ шли какъ можно тише, и такимъ образомъ подкравшись, вдругъ нагрянулъ съ товарищами на ветхую лачугу.

«Ломай, ребята!» закричалъ онъ, сдернувши съ петелъ худую дверь.

«Ломай!» повторили разбойники, и съ яростію вбѣжали въ избу. Въ ней никого не было.

«Ахъ, старый дьяволъ!» вскричалъ панъ Радичъ, осматриваясь съ бѣшенствомъ; «ужъ ульнула, проклятая! а все вы, горластые черти! взбаломошь неугомонная! выгнали змѣю изъ трущо-

бы; чѣмъ вы отвѣтите мнѣ за ея голову?». Разбойники молчали.

«Ну, ужъ дѣлать него, когда мои ребята не ловцы. Эй, Щучька! бѣги, скажи молодцамъ, чтобы разсыпались по лѣсу и собирались отыскать ее; а мы здѣсь кой чѣмъ позабавимся. Ну, ребята! вотъ сундукъ съ деньгами; ломай! все ваше!»

«Ура!» закричали разбойники, и бросились къ сундуку: онъ былъ пустъ.

«Что, ребята, обожглись?» сказалъ со смѣхомъ Черный Воронъ, видя, что разбойники отскочили прочь отъ сундука.

«Ну, теперь вижу, что нечего ее искать: заранѣе убрала сухія кости, окаянная! а то бы славно зажарилъ ее. Подымай же, удальцы, все на вѣтеръ: ни кулькамъ, ни мѣшкамъ нѣтъ пощады; валяй!»

Онъ махнулъ платкомъ — и пошла потѣха: зазвенѣли стклянки, пузырьки; бурачки и мѣшки полетѣли со стѣнъ; травы толченыя, зелья и корни посыпались по полу; остальныхъ стеколъ въ окнахъ какъ не бывало, и въ одинъ мигъ ничего не осталось отъ скаредныхъ препаратовъ колдуньи.

«Это что за книга?» сказалъ Шумляй, поднявши съ полу толстую книгу и перебирая въ ней листы. «Пустая, чортъ ее возьми!» Онъ бросилъ ее опять на полъ.

«Врешь, неучъ!» закричали разбойники. «Ты не разобралъ, а какъ бы нашъ ученый Щучька, онъ бы прочиталъ ее!»

«Эхъ, ребята, и рѣшето на полкѣ забыли!» При семъ словѣ Бурло сдернулъ съ полки рѣшето, и большая сорока проворно вылетѣла изъ подъ него въ окошко.

«Вѣдьма! вѣдьма!» закричали разбойники въ испугѣ. «Это она! она, проклятая!...»

«Ахъ вы безмозглые! развѣ не видали, что это сорока?» сказалъ Радичъ съ громкимъ хохотомъ.

«Какая сорока! ты не знаешь, атаманъ, онѣ всегда сороками летаютъ. Эхъ, товарищи, что не ловили; вотъ сейчасъ бы задали ей карачунъ!»

«Ну, ужъ нечего дѣлать, коли улетѣла; видно ей еще потаскаться по свѣту».

«Не зѣвай же ребята!» закричалъ Радичъ, «складывай всю рухлядь въ кучу, да зажигай!»

«Зажигай!» закричали разбойники.

Въ одну минуту все сгребли въ кучу

на середину избы, подложили съ двухъ сторонъ огня, и выбѣжали вонъ.

Ярко занялась внутренность избы; отъ разныхъ травъ и порошковъ, бывшихъ у колдуньи; сине-зеленоватый огонь вылеталъ изъ окошекъ и густой дымъ клубился вверхъ.

«Ого-го! какъ жарко горитъ, чортово снадобье!» кричали мошенники. «Эхъ, кабы не улетѣлъ проклятый оборотень, славно бы тутъ поджарить его!»

Между тѣмъ избу всю обхватило огнемъ; пылко горѣла сухая соломенная кровля; яркій свѣтъ разлился повсюду, и весь боръ казался въ пламени. Въ самомъ дѣлѣ, если-бъ не широкая поляна и тихая погода, то онъ непремѣнно долженъ бы былъ загорѣться.

«Ну, теперь отдохнемъ, товарищи», закричалъ атаманъ, когда ужъ вся изба обрушилась. «Не поймали здѣсь, такъ гдѣ нибудь захватимъ; а за то ужъ не оставайся же змѣиное гнѣздо на Руси!»

Разбойники отошли отъ поляны и расположились въ густотѣ подъ деревьями. Не успѣли они пролежать часа, какъ громкій крикъ раздался по близости, и ясно можно было различить знакомые голоса.

«Чу! и наши съ завода катятъ!» Сказалъ Радичъ, прислушиваясь, «вотъ люблю! скоро воротились. Да что и говорить, у меня Мурзай всегда соколомъ летаетъ! Встрѣчай, ребята!. Что новаго?»

Черезъ минуту съ правой стороны показался Мурзай съ своей сволочью. Они вели молодаго нѣмца въ замасляномъ сюртукѣ; на немъ былъ кожаный фартукъ и руки связаны.

«Что, удальцы?» спросилъ атаманъ пришедшую ватагу, «захватили ли птицу на насѣсти?»

«Нѣтъ, атаманъ», отвѣчалъ Мурзай, обтирая потъ, капавшій со лба, «удрали, проклятые, домъ весь пустехонекъ, въ погоню катали на 6 верстъ, ни одной души не попалось, такъ и воротились назадъ.

«Это что за чучело?» спросилъ Воронъ, взглянувши на нѣмца, который дрожалъ какъ въ крещенскіе морозы.

«А вотъ, какой-то нѣмецъ, только одного и захватили въ пустомъ заводѣ».

«Что ты за человѣкъ?» спросилъ его панъ Радичъ сурово.

«Іоганъ Купферъ, ваше благородь, Іоганъ Купферъ», отвѣчалъ бѣднякъ, низко кланяясь.

«Я тебя спрашиваю, какой ты человѣкъ, а не твое имя?»

«Я шеловѣкъ, ваше благородь! работникъ на завотъ Францъ Рехейль, аустрицкой поданой съ Пресбургъ!»

«Для чего ты остался на заводѣ и не уѣхалъ съ хозяиномъ?»

«Мой остался? да мой котель для козяинъ отыскать 2 пудъ vitriolum clemens».

«Чортъ тебя возьми и съ твоимъ витріолемъ! я тебя объ немъ не спрашивалъ, а скажи мнѣ, видѣлъ ли ты молодаго парня, который приходилъ ночевать въ эту ночь къ хозяину?»

«Не виталь каспадинъ, ей Богъ не виталь!»

«Врешь, собака! говори правду, а не то!..»

«Витѣль, витѣль, ваше благородь, витѣль».

«Хорошо! не слыхалъ ли ты, куда онъ хотѣлъ идти изъ вашего дома, и скажи еще, куда уѣхалъ вашъ хозяинъ».

«Не слыхаль, каспадинъ, совсѣмъ не слыхаль!»

«Врешь, сказывай правду, или сейчасъ оторву голову!»

Нѣмецъ бросился на колѣни и завылъ жалобнымъ голосомъ:

«Помилуйтъ, каспадинъ мой! ваше благородь!... bei Gott, что не слышиль, нишево не снай!... хоть сейчасъ убивайтъ до смерть».

«И того не знаешь, куда уѣхалъ твой хозяинъ?»

«Козяинъ?... снай, батюшка, снай! Козяинъ поѣкиль на Шернигоффъ!»

«Въ Черниговъ! ну, это намъ будетъ не по дорогѣ. Что съ нимъ дѣлать, ребята? Отпустите его! только для памяти отрѣжьте у него правое ухо, и пусть бѣжитъ къ своему хозяину».

Разбойники схватили бѣднаго нѣмца. Шумляй вынулъ большой ножъ и приготовлялся отхватить ему ухо; бѣднякъ жалко плакалъ и валялся по землѣ.

«Ну, бросьте его! чортъ его побери! закричалъ панъ Радичъ разбойникамъ. Что руки марать! пусть идетъ, куда хочетъ!»

Мошенники отпустили нѣмца, и тотъ, не помня себя отъ радости, побѣжалъ опрометью изъ лѣсу.

«Эхъ молодцы! все намъ неудача; а ужъ добьюсь же я толку. Гей, всѣ сюда ко мнѣ!... Слушайте: теперь намъ зѣвать больше нечего, а надобно рабо-

тать: либо панъ, либо пропалъ! Ты, нѣмчура, также съ нами? — Ну въ походъ, ребята! Отсюда въ притонъ, а тамъ отдохнемъ да и къ дѣлежу! — маршъ!»

Шумно взволновались разбойники, выслушавши атамана, и потянулись длинной грядой изъ лѣса. Нѣкоторые изъ нихъ запѣли разудалыя пѣсни и долго невнятный гулъ послѣ ихъ ухода раздавался по дремучему бору.

Наконецъ все утихло. Головни отъ сгорѣвшей лачуги еще тлѣли, и густой дымъ разстилался по травѣ, какъ вдругъ сухой листъ, набросанный подлѣ оврага на полянѣ, зашевелился, поднялась небольшая дверь, и скаредная, отвратительная голова колдуньи высунулась изъ ямы.

Долго осматривалась вѣдьма во всѣ стороны, прислушивалась, прикладывала ухо къ землѣ; наконецъ, увѣрясь, что въ лѣсу никого не было, вылѣзла изъ своей засады, бросилась на траву подлѣ догорающихъ головней и, почти задыхаясь отъ дыму, завыла дикимъ голосомъ:

«Охъ ты мое попелище родимое! о ты моя хата золотая? сожгли, згубили

тебя воры зажигатели, и все мое доброе, все, что я сорокъ пять лѣтъ собирала, все погубили, проклятые! зачѣмъ я связалась съ полякомъ, полоумная; онъ загубилъ мои животы, все отнялъ у меня, горемышной!—Лежи хоть ты мое золото! лежи мое серебро! авось долежишься. Богъ дастъ гдѣ нибудь и пріючу мою побѣдную головушку. Ой, ой, горе мнѣ грѣшной!»

Такъ выла отчаянная вѣдьма, лежа подлѣ сгорѣвшаго хутора; нѣсколько вороновъ, прилетя на пожарище и увиваясь около нея, соединили свое карканье съ дикимъ ея крикомъ.

Но вдругъ колдунья встрепенулась, вскочила, и страшно запрыгали налитые кровью глаза ея.

«А, разбойникъ!» закричала она. «Пропадай же все мое доброе, а ужъ вымещу тебѣ! околѣешь, окаянный, отъ руки моей, окалѣешь! жива сама не буду, а вымотаю черную твою душу. О, пойду, пойду, лягу во сыру землю, а разбойника загублю! загублю!...»

Тутъ она засвистала, побѣжала что есть силы съ поляны и скоро скрылась въ густотѣ. Свистъ ея разносился по лѣсу.

ГЛАВА III.

Ожиданіе гусаръ. Маша. Извѣстіе о Алексѣѣ. Похищеніе Маши.

Наступилъ сентябрь мѣсяцъ. Быстро неслась тройка по дорогѣ близъ села N... Поровнявшись съ корчмою, которая стояла невдалекѣ отъ селенія, лошади остановились, и четверо сѣдоковъ, повидимому купцы, вышли изъ кибитки. Они потребовали вина, заказали ужинъ и усѣлись посреди комнаты за большимъ столомъ уставленнымъ бутылками.

Одинъ изъ нихъ былъ высокаго роста, чрезвычайно плотно сложенный и своею физіономіею показывалъ происхожденіе обитателей степей дикихъ киргизовъ; другіе двое съ большими бородами, обстриженные по русски и въ теплыхъ сибиркахъ, а четвертый очень не молодой, повидимому лѣтъ 60, въ засаленомъ сюртукѣ и такихъ же брюкахъ, своимъ акцентомъ напоминалъ немѣцкую расу.

«Ну, братцы», сказалъ одинъ изъ пріѣзжихъ въ сибиркѣ, «послѣ такой толкотни, какъ мы сегодня окружили, у меня за ужиномъ только въ ушахъ запищитъ».

«Не отстану и я», подхватилъ другой»: коли дойдетъ до ѣды, подъ часъ за пятерыхъ уберу.

«Да, безъ толку сегодня мы окружили!»прервалъ киргизъ, наливая кружку вина; «что то скажетъ Щучька, можетъ быть у того удачнѣе; а не то лучше на печь засѣсть. Дай залью горе мое хоть виномъ». При сихъ словахъ онъ за одинъ разъ выпилъ всю кружку вина.

«Славное вино! Я думаю оно придетъ по вкусу и товарищамъ. Да, я было и забылъ. Эй! хозяинъ!..»

Содержатель корчмы явился у стола.

«Что вамъ угодно?» спросилъ онъ.

«Не забудь изготовить намъ ужинъ не менѣе какъ на десять человѣкъ».

«На десять человѣкъ!... Но васъ только четверо, честный господинъ!»

«Теперь, правда, четверо, а часа чрезъ полтора пріѣдутъ наши товарищи».

«А!... слушаю г-нъ купецъ, слушаю. Заразъ все будетъ готово».

«Ну, поди же хлопочи. Да, постой, мнѣ еще надобно тебя кой объ чемъ разспросить».

«Объ чемъ угодно, господинъ купецъ? всѣмъ готовъ служить».

«Много у тебя случается здѣсь въ корчмѣ проѣзжихъ?»

«Много, очень много: всѣ господа останавливаются у меня; корчма моя первая въ околодкѣ; я же почти все отдаю по своей цѣнѣ, и не проходитъ дня..»

«Ну, хорошо, хорошо; я этому вѣрю. А случаются ли у васъ на ночлегѣ иногда пѣшеходы?»

«О! много и богомольцевъ и прохожихъ и всякаго народу. Никто не выйдетъ отъ меня голодный, и Богъ видитъ, что...»

«Ну, погоди же, остановись; скажи мнѣ теперь по чистой совѣсти, во первыхъ..»

Но въ эту минуту передъ воротами раздался звонъ колокольчика, и содержатель корчмы опрометью побѣжалъ отпирать ворота.

«Браво! вскричалъ киргизъ; это вѣрно наши. Скоро же!

«А что жъ и мѣшкать тоимъ?» сказалъ одѣтый въ сюртукъ. «Объѣхали, да назадъ и поторопились—что-то новаго?

Между тѣмъ повозка въѣхала на дворъ, и послышались мужскіе голоса. Киргизъ — Мурзай (это былъ онъ) началъ прислушиваться.

«Нѣтъ, это не наши: голоса совсѣмъ незнакомые!» сказалъ онъ, допивая кружку. Да я и не думалъ, чтобы они такъ скоро воротились.

«Пожалуйте, пожалуйте, ваше благородіе!» кричалъ содержатель корчмы, растворяя настежь двери.

Въ комнату вошелъ высокій, статный офицеръ, въ сѣрой шинели и бѣлой фуражкѣ, повидимому изъ гусарскаго полка, а за нимъ двое здоровыхъ служакъ: одинъ деньщикъ его, а другой вахмистръ того же полка.

«Добрый вечеръ, господа!» сказалъ офицеръ, поклонясь сидящимъ; положилъ на столъ пару пистолетовъ и потребовалъ закуски и вина.

Сидящіе съ любопытствомъ осматривали военнаго офицера и его спутниковъ, говорили что-то тихо между собою; а тотъ, не обращая на нихъ никакого вниманія, наполнялъ свой желудокъ, и ужъ закусивши порядочно, вздумалъ наконецъ завести съ ними разговоръ.

«Славно вы здѣсь пируете, господа», сказалъ онъ, выливая въ кружку послѣднее вино: «видно не боитесь разбойниковъ; а я совѣтовалъ бы вамъ въ этой сторонѣ не слишкомъ прохлаждаться, чтобъ не уѣхать со двора съ пустой телѣгой».

«Какихъ разбойниковъ? мы и не слыхали объ нихъ, господинъ офицеръ; ѣдемъ прямо изъ Москвы въ Кіевъ съ товарами, и хотя убей, а безъ васъ ничего бы не узнали», отвѣчалъ хитрый Мурзай.

«Вотъ славно! такъ вы не знаете того, что вся здѣшняя сторона верстъ на 40 разграблена ватагой мошенниковъ; нѣкоторыя деревни выжжены, и я удивляюсь, какъ эта корчма уцѣлѣла».

«Вотъ чудо!» вскричали всѣ съ удивленіемъ. «Въ Москвѣ объ этомъ ничего не слышно.... Но откуда же взялись эти проклятые зажигатели?»

«Пропасть наползло изъ за Волги; нѣкоторые, можетъ быть, и здѣсь пристали, а большая часть изъ Вороновой шайки».

«Странно!» сказалъ Мурзой, будто ничего не зная. «Очень странно, что ихъ давно не усмирятъ».

«Да ужъ теперь не долго напраздну́ютъ», подхватилъ офицеръ. «Нашъ братъ гусаръ коли разгуляется, взявшись за дѣло, переловить ихъ, такъ пойдетъ пирушка!»

«Чай, примѣчай, куда чайки летятъ!» сказалъ одинъ, въ сибиркѣ, толкая логтемъ Мурзоя.

«Отъ чего же вы, господинъ офицеръ, ѣздите такъ поздно втроемъ и не боитесь попасться разбойникамъ?» спросилъ тотъ съ улыбкою.

«Мнѣ бояться? О! съ парой этихъ двуствольныхъ товарищей, да съ моими ребятами, которые окурены порохомъ, я смѣло берусь угомонить десятокъ мошенниковъ, хотя бы они сейчасъ показались здѣсь въ корчмѣ; а вотъ торговымъ людямъ я посовѣтовалъ бы поскорѣе отсюда убираться, чтобъ послѣ не пѣнять на себя».

«Намъ бы очень хотѣлось выѣхать вмѣстѣ съ вами, господинъ офицеръ», сказалъ почтительно Мурзой.

«Пожалуй, если не станете здѣсь медлить; а я сейчасъ только выпью кружку—и въ походъ».

«О, нѣтъ, такъ вы намъ не попутчики,

ваше благородіе; мы дожидаемся товарищей, да еще будемъ здѣсь ужинать».

«Ну, это дѣло другое, дай Богъ вамъ счастливо отсюда выбраться, а я сейчасъ же отправлюсь. Эй, Никонъ, проворнѣе къ повозкѣ.... Хозяинъ, сюда къ расчету!»

Деньщикъ и товарищъ его тотчасъ вышли изъ корчмы приготовлять повозку, а офицеръ началъ расплачиваться съ содержателемъ корчмы.

«Быть бы рыбѣ на удѣ, какъ бы крючковъ было вдоволь!» сказалъ человѣкъ въ сюртукѣ, чокаясь стаканомъ съ своимъ товарищемъ.

«Молчи!» прошепталъ Мурзой, взглянувши на него сурово. «А въ какомъ мѣстѣ, господинъ офицеръ, будетъ ваша главная квартира?»

«Еще не знаю, какъ распорядиться полковникъ», отвѣчалъ офицеръ; впрочемъ мы поэскадронно будемъ дѣйствовать, чтобы согнать бунтовщиковъ въ одинъ центръ. Однако, прощайте!

«Счастливый путь, г. офицеръ!... счастливый путь».

«Улетѣлъ соколъ!» сказалъ Мурзой по отъѣздѣ офицера. «Давайте же, ре-

бята, пить; вишь наши черти затащились, лѣшій ихъ не несетъ; что церемониться? ужъ мнѣ надоѣло; подождемъ немного, да станемъ и ужинать. Эй, хозяинъ, скорѣй еще вина!

Содержатель корчмы въ одну минуту явился съ свѣжими бутылками; но лишь только поставилъ ихъ на столъ и отошелъ нѣсколько шаговъ, какъ въ корчму вошли еще нѣсколько человѣкъ и присоединились къ пирующей компаніи. Началась снова попойка. Но бѣсѣдующіе не долго оставались въ корчмѣ; переговоривъ между собою, они отправились тотчасъ же къ своему атаману, Черному Ворону, чтобы извѣстить его объ угрожающей имъ опасности.

Быстро пролетѣло пять недѣль съ того времени, какъ осиротѣлая Маша нашла по пути отъ евреевъ послѣ долгихъ бѣдствій въ священникѣ селенія Большія Луки, отцѣ Кирилѣ, великодушнаго покровителя. Усердная молитва, утѣшительныя наставленія добраго священника и радушныя бесѣды съ простосердечною Наталіей, дочерью его, нѣсколько облегчали ея душу, убитую тоской и обезнадеженную въ счастіи.

Въ одинъ изъ ненастныхъ дней, когда проливной дождь, поднявшись съ самаго утра, наводнилъ широкую улицу, послѣ сытнаго обѣда, во время отдыха священника, Маша сидѣла съ подругой своей у окна; она была, какъ всегда, чрезвычайно печальна, и разговоръ былъ сообразенъ съ состояніемъ души ея,— какъ вдругъ подошелъ къ окну убогій странникъ въ жалкомъ рубищѣ, промокшій до костей; онъ велъ за руку малолѣтнюю дѣвочку, также убого одѣтую, и просилъ позволенія обогрѣться и подкрѣпить силы къ продолженію дороги.

Наталія, подобно отцу своему, имѣя сострадательную душу и научась съ малолѣтства помогать несчастнымъ, сама выбѣжала отпереть ворота и ввела бѣднаго странника въ горницу. Добрая дѣвушка тотчасъ принесла мягкаго хлѣба съ молокомъ, и промокшій бѣднякъ съ дитей принялись ѣсть съ жадностью.

«Что это дочь твоя?» спросила Наталія странника.

«Нѣтъ, матушка, племянница», отвѣчалъ странникъ.

Между тѣмъ какъ дѣвочка ѣла, прохожій, увидя Машу, не сводилъ съ нея

глазъ, и, казалось, что-то припоминалъ; наконецъ всталъ, поклонился и началъ разговоръ.

«Прошу не взыскать, красная дѣвица, что я потревожу твою милость: не дочка ли ты покойнаго Макара Антиповича, Марья Макаровна?»

«Точно, я дочь его, добрый человѣкъ, а ты развѣ зналъ моего батюшку?»

«Да какъ же не знать, родная моя: я тебя много разъ видывалъ; неужели не вспомнишь угольника Ѳаддея, что нашивалъ къ вамъ орѣхи?»

«Ахъ, Боже мой! помню, помню. Какъ же ты перемѣнился, Ѳаддѣюшка; я бы тебя въ вѣкъ не узнала.... Скажи ради Бога, отъ кого ты слышалъ, что батюшка померъ? Я думаю его злодѣи погубили».

«Нѣтъ, красавица моя, нѣтъ, своей смертью умеръ, сердечный; вѣдь еще при тебѣ былъ больнехонекъ. Да не плачь же, красавица моя, не кручинься, ужъ видно такъ воля Божія. Все плачешь!... Постой же я тебѣ скажу и радостную вѣсточку, только перестань разливаться, моя голубушка!»

«Ахъ, какъ же мнѣ не плакать, доб-

рый Ѳаддѣй», отвѣчала Маша. «Откуда мнѣ ждать радостей?»

«Ужъ я тебѣ говорю, есть у меня радостная вѣсточка, и знаешь ли объ комъ? объ женихѣ твоемъ, Алексѣѣ Булычѣ».

«Объ Алешѣ?... Ахъ! мое сердце давно уже сказало мнѣ, что и его нѣтъ на свѣтѣ».

«Анъ вотъ твое сердце и обмануло тебя, родимая: онъ живъ, я его, голубушка, и изъ западни-то выпустилъ».

«Какъ! Алеша живъ?... Ахъ, родной мой! разскажи мнѣ: гдѣ ты его видѣлъ? что съ нимъ сдѣлалось? гдѣ онъ теперь?»

Тутъ Ѳаддѣй подробно разсказалъ обрадованной дѣвушкѣ, какъ онъ выпустилъ Алексѣя изъ подвала, какъ разстался съ нимъ и все что слышалъ отъ него о вѣдьмѣ и панѣ Радичѣ.

Лице Маши оживилось; легкій румянецъ покрылъ щеки ея, и она, едва переводя дыханіе, слушала разсказъ простодушнаго угольника.

«Повѣрь, голубка моя», говорилъ онъ Машѣ, «повѣрь, что онъ теперь у добрыхъ людей; только пронеслись бы грозныя тучи, а то Богъ приведетъ опять свидѣться, и пошлетъ вамъ союзъ, да любовь».

Много облегчилось сердце несчастной Маши отъ радостной вѣсти о любезномъ другѣ, и слезы радости текли по прекрасному лицу ея.

Наконецъ вошелъ священникъ. Онъ также очень ласково обошелся съ бѣднымъ угольникомъ, дружелюбно разговаривалъ съ нимъ и между прочимъ спросилъ:

«Что слышно объ разбойникахъ? переводятся ли они въ этой сторонѣ, или надобно ожидать ихъ?»

«Богъ вѣсть, батюшка!» отвѣчалъ угольникъ; «разсыпались по обѣимъ берегамъ Днѣпра, до то и дѣло переходятъ изъ мѣста въ мѣсто, и никто не знаетъ настоящаго ихъ притона; только врядъ ли долго набушуютъ; ужъ съ гусарами была у нихъ страшная пальба, да еще вотъ недалеко на полѣ отдыхаютъ Запорожскіе казаки. Они тоже идутъ на нихъ съ есауломъ и, можетъ, перейдутъ черезъ это село; вишь очень много накопилось злодѣевъ-то».

«Истреби Господи нечестивыхъ враговъ Твоего имени», сказалъ священникъ съ благоговѣніемъ взглянувши на оброза.

Послѣ долгихъ разговоровъ, когда

начало уже смеркаться, добрый Ѳаддѣй подкрѣпя свои силы, отправился съ племянницей изъ дома отца Кирилла въ дальнѣйшій путь свой.

Вскорѣ послѣ ухода Ѳаддѣя подали огонь; отецъ Кириллъ началъ, по обыкновенію, чтеніе священныхъ книгъ. Оно продолжалось цѣлый вечеръ, и уже священникъ намѣревался прочитать послѣднее поученіе, какъ вдругъ кто-то сильной рукой застучалъ въ ставень окошка, потомъ открылъ его, и нѣсколько человѣкъ верхами на лошадяхъ показались подъ окнами.

«Что вамъ надобно, добрые люди?» спросилъ священникъ. «Для чего безпокоите меня не въ урочное время?»

«Обогрѣй насъ, честный отецъ»; было слышно съ улицы. «Мы Запорожцы, отстали отъ товарищей. Дай отдохнуть конямъ нашимъ!»

Отецъ Кириллъ, привыкшій дѣлать добро, приказалъ тотчасъ служанкѣ своей впустить пріѣзжихъ и отвѣсти мѣсто для лошадей. Онъ приготовился радушно встрѣтить запоздалыхъ гостей, и наконецъ въ горницу вошелъ высокій молодой человѣкъ, въ богатомъ платьѣ Запорожскаго есаула.

При самомъ входѣ онъ учтиво раскланялся со всѣми, подошелъ подъ благословеніе къ священнику, но вдругъ остановился какъ окаменѣлый и вскричалъ съ удивленіемъ:

«А, вотъ она!»

Маша при первомъ взглядѣ на Запорожца поблѣднѣла какъ смерть и упала со скамейки безъ памяти.

«Чего вы перепугались?» сказалъ панъ Радичъ (это былъ онъ). «Это моя невѣста. Благодарю же тебя честный іерей, что ты мою милую невѣсту до сихъ поръ берегъ отъ злодѣевъ въ своемъ благочестивомъ хуторѣ; за это я готовъ отслужить тебѣ чѣмъ угодно, а теперь мой долгъ велитъ взять ее съ собою».

Маша начала приходить въ себя; а священникъ, какъ пораженный громомъ, не зналъ что говорить и что дѣлать; но когда увидѣлъ, что Радичъ взялъ за руку трепещущую дѣвушку и готовъ былъ вывести ее изъ комнаты, то вдругъ, оживленный духомъ религіи, онъ всталъ между нимъ и ею и вскричалъ:

«Не тронь ее, дерзкій! Я поклялся предъ Господомъ, пока живъ охранять непорочную дѣвицу отъ всѣхъ, ищу-

щихъ ея погибели, такъ бойся гнѣва Божія, если только осмѣлишься наложить на нее твою руку».

«Полно горячиться-то, честный отецъ! Мнѣ и самъ чортъ не запретитъ взять отсюда эту дѣвушку!»

При сихъ словахъ Радичъ опять устремился къ Машѣ.

«Спаси меня, отецъ мой!» закричала полумертвая дѣвушка, упавши на колѣни; «онъ не женихъ мой; онъ разбойникъ. Спаси меня!»

Священникъ бросился къ иконамъ и, снявъ со стѣны небольшой мѣдный крестъ, сталъ въ духѣ вѣры предъ ожесточеннымъ разбойникомъ.

«Запрещаю тебѣ, нечестивый, именемъ Христа Спасителя, не смѣй прикоснуться къ ней!»

«Говорю тебѣ не горячись, честный отецъ; она моя, и я возьму ее! Эй, ребята, сюда!» закричалъ онъ, отворивши двери, и нѣсколько разбойниковъ вошли въ комнату.

«Спасите меня! ради Господа спасите!» кричала въ отчаяніи дѣвушка, простирая оцѣпенѣвшія руки.

«Берите ее, молодцы!» закричалъ Радичъ.

Разбойники взяли Машу и проворно вынесли ее на рукахъ на дворъ.

«Живѣе, ребята, на лошадей! Поймали птицу, такъ зѣвать нечего», вскричалъ панъ Радичъ, и всѣ начали садиться.

«Остановись», кричалъ раздраженный священникъ, «остановись, нечестивый! Да опалитъ тебя огнь Архангела Михаила, да будетъ надъ тобою мое проклятіе!»

Но злодѣй, не слыша словъ священника, положилъ къ себѣ на лошадь безчувственную Машу, ударилъ лошадь, и скоро вся толпа быстро поскакала со двора.

ГЛАВА IV.

Страшная месть вѣдьмы. Заключеніе.

Черезъ нѣсколько времени всадники и панъ Радичъ, придерживая Машу, подскакалъ къ своимъ товарищамъ въ сосновомъ бору.

«Здорово, товарищи! Что новаго?»

«Атаманъ!» сказалъ Мурзой, «множество гусаръ появилось въ этой сторонѣ,—и мы вѣрно не избѣжимъ ихъ преслѣдованія».

«Знаю, знаю. Я уже имѣлъ съ ними дѣло надняхъ», проговорилъ Радичъ, «и чтобы миновать опасности, мы должны будемъ завтра же оставить это мѣсто и направимся къ Польшѣ.... авось тамъ будетъ счастливѣе!»

Съ сими словами панъ Радичъ или Черный Воронъ слѣзъ съ коня, взялъ на руки трепещущую Машу и вмѣстѣ съ нею вошелъ въ свою палатку.

Жалко было смотрѣть на состояніе бѣдной дѣвушки, бывшей во всю дорогу

безъ памяти, да и когда опомнилась, она не понимала ничего, что вокругъ нея происходило. Но когда Радичъ внесъ ее въ палатку, посадилъ на скамью и самъ сѣлъ подлѣ нея, тогда весь ужасъ гибельнаго положенія открылся несчастной дѣвушкѣ, и она испустила отчаянный крикъ.

«Для чего ты такъ боишься меня.... Маша?» сказалъ разбойникъ, взявши ее за руку. «Неужели ты думаешь, что тотъ, кто любитъ тебя больше чѣмъ жизнь свою, захочетъ видѣть тебя несчастною?»

Маша ничего не отвѣчала и плакала.

«Къ чему-жъ эти слезы, моя ненаглядная? Неужели ты думаешь, что я пожалѣю что нибудь для твоего спокойствія. Скажи мнѣ хоть одно слово, утѣшь меня!... Одно слово твое будетъ мнѣ дороже милліоновъ золота!»

«О Господи!... о Матерь Божія!» вскричала Маша, всплеснувши руками. «Спасите, помилуйте меня грѣшную!... Чего ты хочешь отъ меня, разбойникъ? Мало тебѣ крови моего отца, такъ губи,— губи кстати и меня; но помни, что страшно будетъ отвѣчать тебѣ предъ Всевышнимъ Создателемъ!»

«Радость моя!... сокровище мое!...» вскричалъ изступленный Радичъ. «Не крови, не погибели твоей я хочу, но только ищу одной любви.... Я только желаю видѣть тебя счастливою вмѣстѣ со мною. О! еслибъ ты поняла душу мою, еслибъ хоть одно слово сказала мнѣ въ утѣшеніе....»

«Что мнѣ сказать тебѣ, грабитель?» отвѣчала Маша. «Ты разорилъ село наше и домъ моего батюшки, ты отнялъ у меня все милое, обездолилъ моего Алешу, кромѣ котораго я не буду любить никого на свѣтѣ, а не только лютаго разбойника!...»

«Разбойника!... Да, укоряй, укоряй меня этимъ. Страшный грѣхъ я взялъ на себя; но ты явилась мнѣ спасительницей и съ этого дня я оставляю моихъ товарищей. Въ Польшѣ у меня много золота, туда я повезу тебя, и тамъ, что бы ты ни захотѣла все явится передъ тобою, и Станиславъ не пожалѣетъ жизни, чтобъ только успокоить тебя».

«Не нужно мнѣ твоего награбленнаго золота, злодѣй! Но если въ тебѣ есть хотя малая искра добра, то отпусти

меня.... Я пойду по міру выпрашивать себѣ кусокъ хлѣба и буду покойнѣе. Если же гдѣ нибудь встрѣчу моего Алешу, то мнѣ радостнѣе будетъ раздѣлить съ нимъ сухую корку, нежели съ тобой твое золото!»

«Такъ не видать-же тебѣ его никогда!» вскричалъ Черный Воронъ съ яростію. «Теперь ты въ моихъ рукахъ; если не хочешь добровольно отвѣчать на любовь мою, то послѣ будешь каяться да не воротишь».

«Дѣлай со мной, что хочешь, злодѣй! Отними жизнь мою, но никогда не заставишь любить себя».

«Хорошо. Теперь горячись, а посмотримъ, что-то запоешь ты послѣ: время все передѣлаетъ».

Сказавъ эти слова, Черный Воронъ, проворно всталъ со скамьи и скорыми шагами заходилъ въ палаткѣ. На лицѣ его выразился страшный гнѣвъ, и онъ, казалось, обдумывалъ злое намѣреніе.

Но это продолжалось не долго. Въ палатку вошелъ часовой и сказалъ:

«Атаманъ! по горѣ, въ густой сосновой чащѣ, въ виду притона прошла какая-то отвратительная фигура въ чер-

ныхъ лохмотьяхъ и съ ношей на спинѣ. Она подкрадывалась тайкомъ вдоль по скату горы. Мурзой первый замѣтилъ фигуру и выстрѣлилъ, но пуля пролетѣла мимо, и фигура скрылась въ густотѣ; только большой холстинный мѣшокъ съ какой-то тяжестью быстро скатился подъ гору. Товарищи бросились къ мѣшку, развязали его.... и что же?—смотрятъ: боченокъ и съ превосходнымъ виномъ. Обрадованные находкой, товарищи теперь просятъ тебя позволить имъ распить вино, которымъ они уже давно не лакомились.

«Хорошо!» произнесъ Черный Воронъ. «Пусть пьютъ; но скажи, чтобы и мнѣ принесли ковшъ вина».

Часовой вышелъ, передалъ приказаніе атамана, и въ мигъ всѣ разбойники собрались около боченка и приготовились пить. Тотъ же часовой внесъ въ палатку ковшъ съ виномъ Радичу.

Все вино выпили. Выпилъ и Радичъ.

«Аминь! поминай какъ звали! сказалъ Мурзой, катая боченокъ ногою по травѣ. «Эй, ребята! давай разстрѣляемъ бочку вмѣсто того, кто принесъ ее!

«Что ты угорѣлъ что ли? Громъ поднимать; пожалуй еще кого накличешь!»

«А что нужды? кого бояться? Давай я десятокъ одинъ уберу».

«Полно, не храбрись, Мурзой. Порохъ не хмѣль; такъ въ головѣ зашумитъ, что и ноги протянешь!»

Такъ кричали и перекорялись между собою пьяные разбойники; несвязныя пѣсни, шумъ и буйство уподобляли ихъ бѣснующимся; но вдругъ многіе изъ нихъ почувствовали сильное головокруженіе, тошноту и темноту въ глазахъ, и бросились на траву.

«Что за дьявольщина!» вскричалъ Мурзой, видя страданія своихъ товарищей. «Что такое значитъ? или всѣ ошалѣли, вишь какъ ихъ корчитъ. Пойду посмотрю, что съ атаманомъ».

Мурзай вошелъ въ палатку и увидалъ Чернаго Ворона въ страшныхъ конвулсіяхъ.

«Атаманъ! атаманъ! но, онъ совсѣмъ умираетъ! Ахъ, я окаянный! видно въ винѣ была отрава!... Такъ точно,... всѣ отравлены!... Ахъ, я собака, погубилъ себя и всѣхъ товарищей!... О горе мнѣ!»

Онъ въ отчаяніи бросился на землю, и, начиная также чувствовать дѣйствіе яда, проклиналъ себя и виновника сво-

ей погибели, какъ вдругъ на скатѣ горы явилась опять прежняя безобразная фигура, то была вѣдьма. Она подошла на близкое разстояніе и закричала отвратительнымъ голосомъ:

«А, разбойники, зажигатели!.. каково доканала я васъ, злодѣи ненасытные! Издыхайте! издыхайте, грабители!»

И скрежеща зубами отъ ярости, вѣдьма скрылась въ чащѣ лѣса.

Такъ погибли гнусные изверги, послѣдователи злодѣйствъ возмутителя, пана Радича или Чернаго Ворона, достойной смертью за развратную жизнь, и охладѣлые трупы ихъ, освѣщаемые огнемъ догорѣвавшаго костра, представляли ужасную картину.

Маша, увидя, что на самомъ дѣлѣ Черный Воронъ и его товарищи лежатъ всѣ мертвыми, не медля ни минуты, вышла изъ притона разбойниковъ и, обрадованная тѣмъ, что можетъ пользоваться свободою, проворно пошла по лѣсной тропинкѣ и скоро вышла на поляну. Продолжая свой путь, она наконецъ достигла до проселочной дороги, и тутъ, встрѣтивъ проѣзжаго крестьянина, подрядила его до селенія,

въ которомъ жила и въ которомъ нашла опять пріютъ себѣ у священника отца Кириллы.

Скоро разнеслась вѣсть объ ея освобожденіи далеко по окрестности. Къ отцу Кириллѣ явился начальникъ гусаръ и, выслушавъ Машу, поскакалъ по направленію къ притону разбойниковъ, гдѣ и удостовѣрился въ истинѣ сказаннаго. Такимъ образомъ Кіевъ и его окрестности были избавлены отъ страшнаго разбойника.

Прошло еще два мѣсяца съ тѣхъ поръ какъ чудно была освобождена Маша, и молва объ этомъ и гибели разбойниковъ не утихала, но достигла даже до Чернигова, гдѣ жилъ Алексѣй, который, узнавъ что предметъ его желаній живъ, тотчасъ же явился въ селеніе Большія Луки и здѣсь съ благословенія добраго старца сочетался бракомъ съ дорогою ему Машей.

А вѣдьма? — Съ минуты отравленія, она исчезла совершенно — и никакихъ слѣдовъ ея не возможно было найти.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

3-й части.

Стран.

Глава I. Притонъ за Днѣпромъ. Прибытіе Капеллино. Старинные друзья. Шпіонъ. Походъ 3

„ II. Еще пожаръ. Неудача. Поиски по слѣдамъ 26

„ III. Ожиданіе гусаръ. Маша. Извѣстіе о Алексѣѣ. Похищеніе Маши 36

„ IV. Странная месть вѣдьмы. Заключеніе . . . 52

W381.5917L-In9

W117123